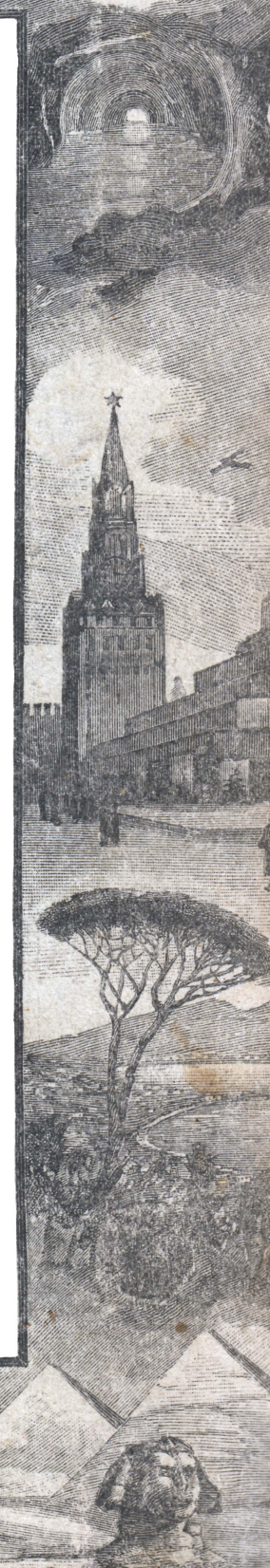

1946

СВЕТА

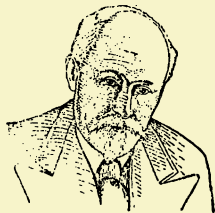
ВОКРУГ

№ 1

Наша Летопись

В. Л. КОМАРОВ В МАНЧЖУРИИ И КОРЕЕ

Полвека назад русский ученый Владимир Комаров, будущий президент Академии наук СССР, совершил путешествие по Манчжурии и Северной Корее.

Будучи ботаником, Комаров не ограничился сбором образцов растений. За время своих походов по равнинам Манчжурии и горам Кореи он собрал многочисленные сведения о рельефе и геологическом строении этих стран, о жизни и быте корейцев и китайцев.

Коллекции растений, собранные во время этой поездки, легли в основу знаменитого труда В. Л. Комарова «Флора Манчжурии». В этой книге было описано 1682 вида, из них 84 вида — впервые. Растительный мир Манчжурии был открыт для науки В. Л. Комаровым.

ПОХОД «ВЕЛИКОГО ИНТРОДУКТОРА»

В 1896 году русский ученый А. Н. Краснов завершил путешествие вокруг света. Замечательный знаток тропической растительности, А. Н. Краснов всю свою жизнь посвятил изучению возможности переселения полезных растений тропиков на землю нашей родины.

Поэтому он и принял участие в русской «чайной экспедиции», снаряженной Удельным ведомством для осмотра чайных плантаций.

Путешественник побывал и на родине крымской магнолии — в субтропических областях Северной Америки. Он всюду разыскивал виды, которые могут прижиться в Батуми, Ялте или Сочи.

Путешествие А. Н. Краснова, «великого интродуктора», как называют его советские ботаники, имело историческое значение. Еще пятьдесят лет назад он первый указал на полную возможность переселения на юг России многих сортов чая из Азии, цитрусовых деревьев и еще многих и многих растений заморских стран.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯНЬШАНСКОГО

В 1856 году замечательный русский географ Петр Петрович Семенов-Тяньшанский организовал экспедицию для изучения горных стран. В течение двух лет бродил П. П. Семенов по Алтаю, Тарбагатаю, Заилийскому Алатау, проник в самую глубину Тянь-Шаня до ледников Сары-Джаза и границы вечных снегов на вершинах Хан-Тенгри. Обширные пустыни, крутые, скалистые склоны, глухие ущелья преграждали путь к гребням величественного Тянь-Шаня, вытянутому на 2500 километров. П. П. Семеновым впервые, еще 90 лет тому назад, были установлены направления хребтов этих «Небесных гор» и выяснена общая картина строения поверхности, собраны данные о геологическом строении, растительности, животном мире, составлено географическое описание всей горной системы. Сорок один год был П. П. Семенов вице-председателем Русского географического общества, руководя всей его деятельностью. При его активной поддержке были организованы выдающиеся экспедиции Пржевальского, Певцова, Козлова, Грум-Гржимайло и многих других знаменитых русских путешественников.

ШТУРМАН ПРИБЫЛОВ

Сто пятьдесят лет назад, в 1796 году, умер один из самых замечательных русских мореходов на севере Тихого океана — штурман Гавриил Прибылов. Он еще в 1781 году плывал к островам Берингова моря на корабле «Св. Георгий».

В 1786 году он открыл новые острова. Прибылов назвал их островами св. Георгия и св. Павла. Пять островов возвышались над ургюмым Беринговым морем. Утесы близ островов и все побережье были заняты лежбищами котиков, морских львов и моржей.

Гавриил Прибылов пробыл на этих островах три года. В 1794 году в Охотске были построены новые корабли для отправки на Аляску русских поселенцев. Прибылов принял команду над одним из них и привел судно «Св. Екатерина» на остров Кадьяк, близ берегов Аляски.

Острова Прибылова до 1867 года принадлежали России. Правительству Соединенных Штатов они были переданы вместе с Аляской и Алеутскими островами.

В наше время острова Прибыловса попрежнему остаются огромным заповедником морских котиков.

1946

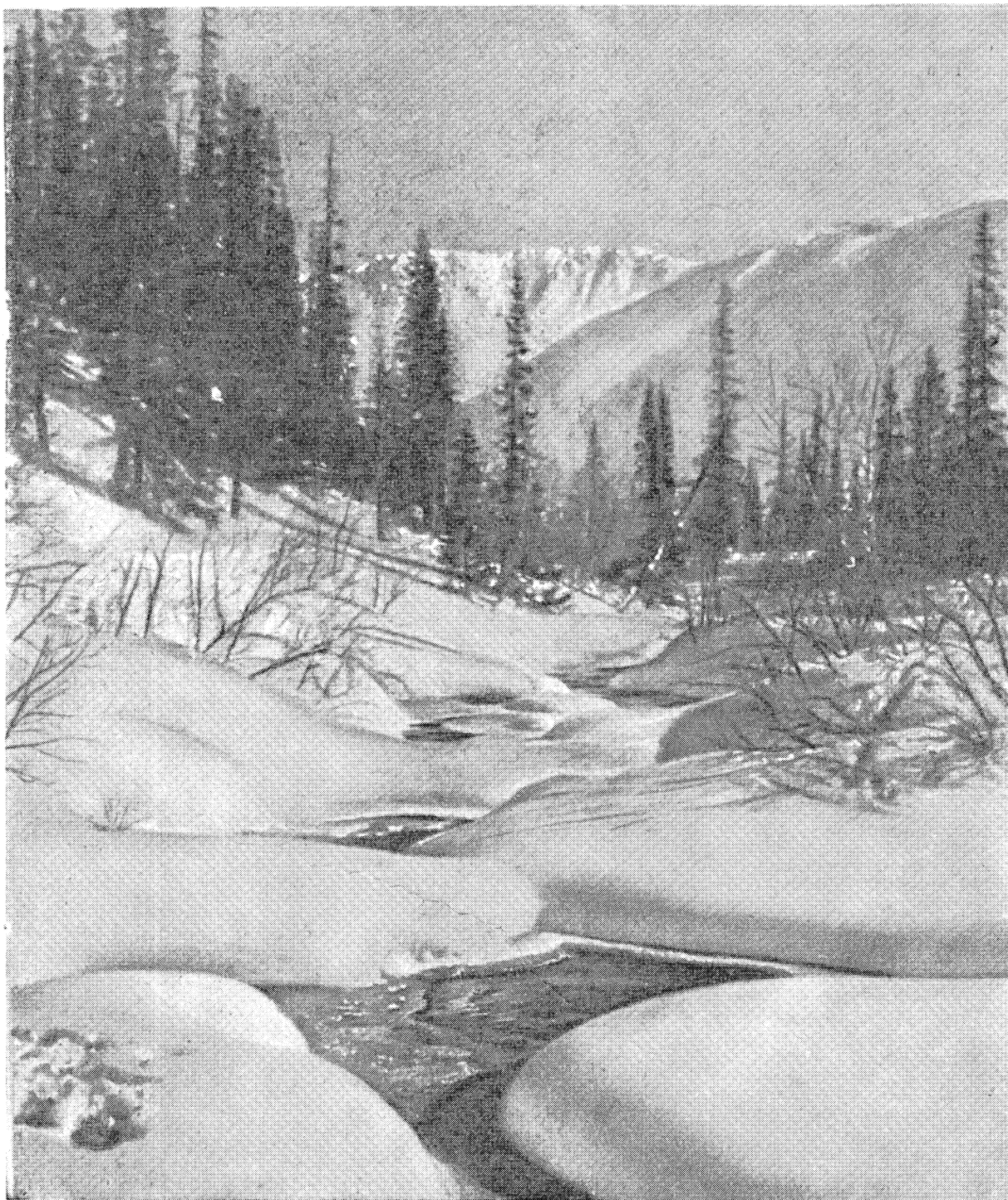
ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 1

январь

Журнал основан в 1861 году

Утро после снегопада. Хибины.

Фотоэтиюд.

Н. К. МИХАЙЛОВ

Прозрачное выпуклое стекло собирает лучи в одну яркую горячую точку. В одну жгучую точку сердце советского человека собирает Родину: Москва!

Одни из нас здесь выросли, другие еще не успели побывать—все равно: здесь выросла наша отчизна. Вокруг Москвы сложился русский народ и сплотил вокруг себя другие народы. Здесь родился Пушкин, солнце русской культуры. Здесь погребен Ленин, наш великий учитель. Здесь живет и работает Сталин, наш вождь.

Со всех концов Советского Союза будут съезжаться в Москву на сессии Верховного Совета нового созыва избранники народа, лучшие из лучших. И Москва, отражая в себе всю силу советской державы, будет попрежнему мудро направлять жизнь нашей родины.

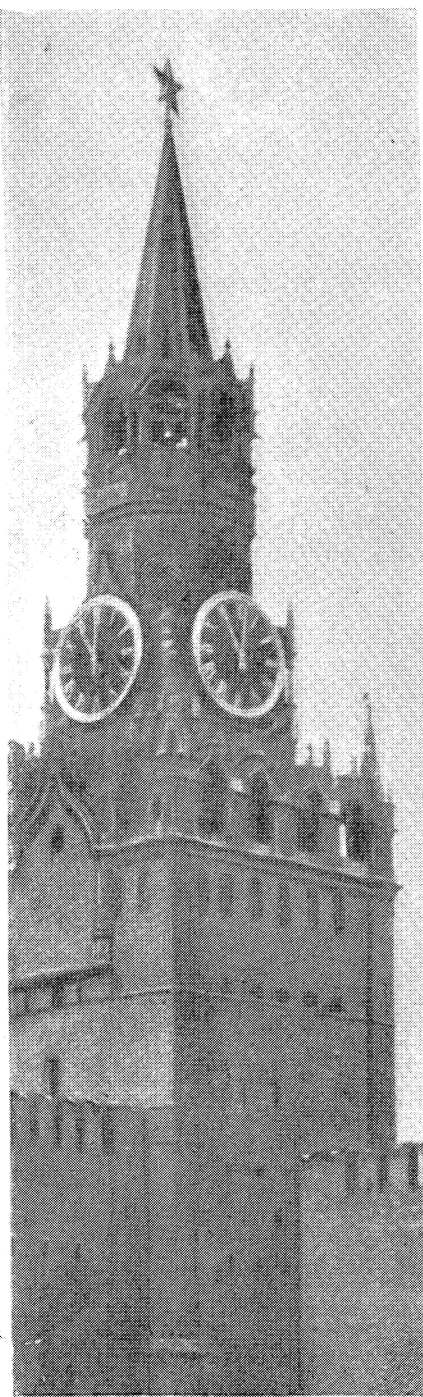
Москва связана со всей Советской страной, и вся страна нерасторжимо связана с Москвой.

Что для нас дороже московского Кремля? Всегда видим мы внутренним взором заржавевший камень зубчатых стен над тихой рекой. Видим граненые шатры высоких острых башен, крытые, как дерном, темнозеленой черепицей и увенчанные рубиновыми пятиконечными звездами. Всегда стоят перед нами дворцы и белые златоглавые соборы за стенами на изумрудном холме,— как груда драгоценностей в шкатулке из красного дерева с бархатным дном...

Когда-то Кремль выполнял прямое назначение: с его стен москвичи сбрасывали врагов. Постепенно границы страны расширялись, и Кремль перестал быть крепостью, — он превратился в символ. Раньше Кремль защищал нас, теперь мы защищаем Кремль.

В кремлевских башнях—ворота. Здесь начинаются пути в страну. Они расходятся, как звездные лучи, множатся, просвечивают всю нашу землю и где-то далеко достигают границ. Сначала улицы Москвы, потом железные дороги и шоссе, наконец деревенские проселки и горные тропы. Все они начинаются в Кремле.

Вот самое начало: московские улицы. Внутренний рисунок могучего ствола—концентрические кру-

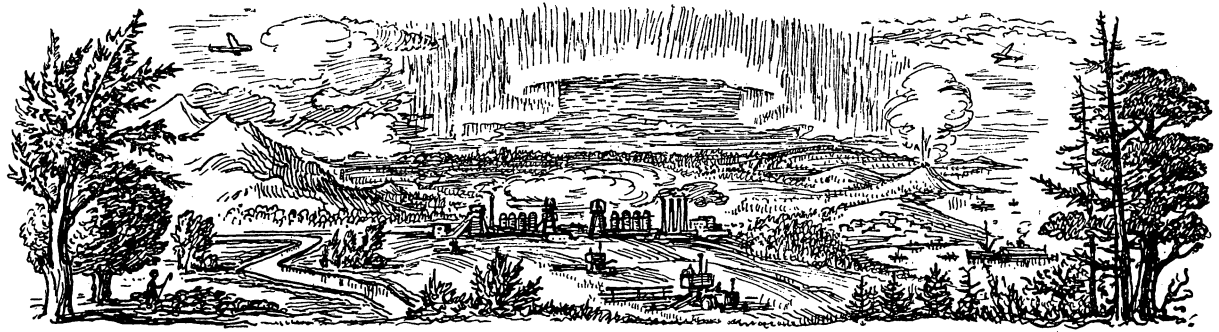
ги, рассеваемые радиусами. По радиусам во все стороны шли когда-то из столицы торговые пути: сам план Москвы говорит, что это—центр России. По кругам, постепенно расширявшимся, раньше располагались городские стены: Москва росла защищаясь. Между кругами и радиусами ложилась замысловатая вязь переулков.

Прямых улиц почти нет—в каждой хоть небольшая, да кривизна. Город не строился, а вырастал. Он рос естественно, сам собой, внутренней силой родной страны. Возница прокладывал колею, пешеход протоптал тропинку — и город повторял их рисунок своих улиц.

Почти нет улиц одной эпохи. Город не знал предвзятой охраны того, что отжило,—ветхое отмирало само собой и прорастало молодым, которое появилось там, где могло. Все рядом—древнерусская церковка с каменной резьбой, с луковичей купола, с низкими пузатыми колоннами; дворянские деревянные, как бы провинциальные домики в духе екатерининского классицизма; пышные фасады казенных зданий московского ампира; особняки интеллигентных купцов в вычурном стиле модерна; кирпичные корпуса многоквартирных домов, стремящихся скрыть свою наготу каким-нибудь робким орнаментом...

И сквозь этот запутанный, пестрый мир стала настойчиво проступать новая, советская Москва. Столица обновлялась по замыслу Сталина.

Основы прежнего плана сохранили, но отказались от рухляди. Раньше пролетка дребезжала на булыжнике—теперь, сверкая глянцем, автомобили шуршат на асфальте. Покривившиеся домики углами выпирали на узкий тротуар — теперь на их месте, раздвинувшись и расширив улицы, выросли новые огромные здания, архитектура которых стремится сочетать массивность с легкостью, удобство с красотой. В промышленности господствовали текстильные фабрики — теперь их застолбили новые заводы, машиностроения, и одна Москва стала давать вдвое больше изделий, чем раньше давала вся Россия. Город выпивал половину мелкой реки — теперь ее русло по новому каналу наполнилось обильной и свежей водой Волги. Через реку перекинулись висячие проспекты. От одного мраморного дворца

к другому заскользили поезда под землей.

Москву не снесли, чтобы все старое заменить новым, на Москву не махнули рукой, чтобы строить советскую столицу на чистом месте,—Москву обновляли изнутри. Так обновлялась строительством вся страна.

Лучи расходятся из Кремля, проходят сквозь Москву, оставляют город за собой и погружаются в природу Подмосковья.

Средина Великой Русской равнины. Что-то нерезкое, задумчивое, бесконечно близкое. В глубинах народной души привязанность веками перерастала в любовь. Здесь, в междуречье Оки и Волги, когда-то дажно русские люди осели, здесь упорчились. В вековом труде природа и люди сближались — и родная страна начинала жить в душе народа второй жизнью.

Зеленый луг с мелкими желтыми цветами, дорога во ржи, бревенчатые избы на опушке леса, пологие и волнистые холмы — медлительные, как вздохи спокойной груди. Вдруг стремительный обрыв крутого берега... Тишина широкой реки, плавные изгибы, скрытая глубина. Самозабвенное веселье березовых листьев, шелестящих в лучах летнего солнца. Молчаливая хвоя зимы среди холодного белого снега. Улыбка печали, слезы от радости...

В этот тихий среднерусский пейзаж здесь и там властно врываются прямоугольные фабричные корпуса, высокие кирпичные трубы, ажурные мачты электропередач, лязг машин и свист пара. Вокруг столицы скопились заводские города Окско-Волжского междуречья—как бы брызги московской промышленности. Одни из этих городов еще сохранили замшелые остатки крепостных стен и башен—следы феодальной эпохи; другие постепенно выросли из кустарных сел; третьи в годы пятилеток были созданы заново.

Москва и ее ближние и дальние спутники—это индустриальное ядро нашей родины. Здесь когда-то обоживался капитал, превративший земледельцев и кустарей в фабричных рабочих. Они вынесли на себе всю тяжесть российского капитализма. Из недр старой, отсталой деревни эти люди поднялись к передовой технической культуре, к заводскому

коллективизму, к социалистическому самосознанию. Именно они, пролетарии старейшего промышленного очага, и послужили под руководством партии Ленина—Сталина ударной силой советской революции. Все: и отчаянный натиск реакции во времена царизма, и муки тяжелой блокады в годы гражданской войны, и трудности освоения новой техники в годы пятилеток,—все разбилось об их порыв, об их упорство. Выкованные здесь традиции передавались новым поколениям, на них воспитывалась наша молодежь.

Центр с Москвой—это историческое ядро страны. Осенью 1941 года немцы подошли к самому ядру. Но раздробить его не смогли. Пружина сжалась—и с огромной силой развернулась, отбросив врага.

Пути из Москвы расходятся все дальше и дальше, оставляют за собой среднюю полосу России, идут за тысячи и тысячи километров, пока не пересекут из конца в конец всю нашу огромную страну. На север, на запад, на юг, на восток от Москвы простерлась земля нашей родины. Эту землю веками оплодотворял своим трудом наш народ. На этой земле в годы советской власти он зажил новой жизнью.

Вот путь на север. Редуют города, поля мало-помалу поглощаются лесом. На границе моря и леса, там, где Балтийское море, часть Атлантики, всего глубже вдается в материк, стоит самый северный из больших городов мира—Ленинград.

Москва сама собой выросла из глубин русского народа—Ленинград русским народом сознательно, преднамеренно создан. Москва хороша тем, что самобытна и естественна. Ленинград славен тем, что в нем замкнутая, патриархальная, допетровская Русь огромным напряжением воли изменила свой путь. Россия силой здесь вышла к европейскому морю. На западном краю страны Петр совместил в одной точке порт и столицу. Город был рожден расчетливой государственной мыслью, его территория была отвоевана, его местоположение выбрано, планировка продумана, судьба предначертана.

Близок и дорог нам, советским людям, этот город, город Ленина. Здесь был начат Октябрь, здесь родился новый мир.

Могучие краны в шумном порту. Самые изощренные станки на перво-классных заводах. В годы пятилеток искусные ленинградские рабочие, возглавленные Кировым, осваивали передовую технику и давали стране самые сложные машины; здесь был построен наш первый трактор, первый турбогенератор, первый блюминг.

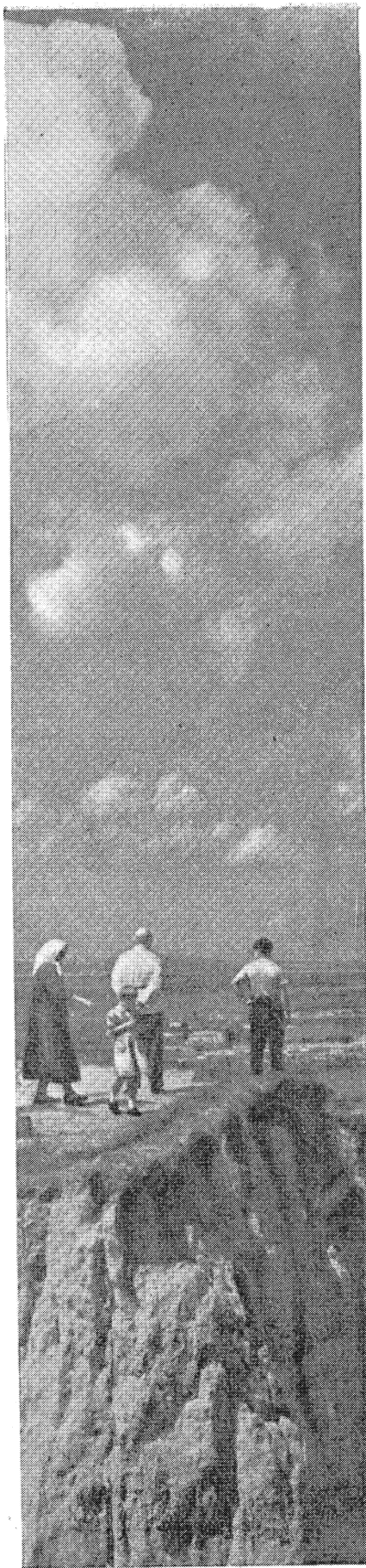
Ленинград, как и Москва, по-могал расти всей стране.

Думается, что красивее, собраннее города нет на земле. Все здесь говорит о силе человека. Четкие просторные проспекты уходят в даль прямо, не отклоняясь. Стройные колонны величавых зданий расчленяют серую плоскость фасадов. Полноводье Невы обуздано рамкой каменных набережных. Огромный купол Исакия нарушает монотонную равнинность местности, а устремившиеся вверх шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости как бы приподнимают едва выступающий из воды низкий берег. Болотистая нельская дельта покорена, упорядочена, облагорожена величием этого города. Гранитный лев над Невой положил могучую лапу на катящийся шар.

В этом городе живут несгибаемые люди—ленинградцы. Враг нанес рубцы их городу, но войти в него не смог. История не забудет 900 дней осады Ленинграда—900 дней борьбы и славы.

За спиной Ленинграда — леса. Ближе, где лес уже разрежен, живут карелы. Это исконная часть нашей родины. Рука об руку с дружинниками русского Новгорода веками отстаивали карелы свою землю от шведов. Суровая земля: сосны вцепились в гранит, озера мерцают сквозь хвою, реки пенятся на порогах. Стоя с багром на зыбком, скользком бревне, человек мчитя по бурной реке; врезается в смолистую древесину лезвием звенящей пилы; терпеливо обходит плугом валуны на болотистом поле; на жердях сушит сырые снопы; поет свои руны и чудесной деревянной резьбой украшает наличники высоких чистых изб. По всей стране расходятся из Карело-Финской республики рулоны белой бумаги, пиленный крепкий лес, связки скользких лыж, полированные глыбы красивого мрамора.

А дальше, в лесах по Онеге и Северной Двине, на берегах студеного Белого моря обитают потомки новгородцев. Прадеды их начали борьбу с лесом и морем, и в тяжелой схватке сложился богатый и цельный характер. Этот народ брал медведя на рогатину, ловил треску в северные штормы, в утлых лодках плавал на Шпицберген—и ставил на прибрежных скалах крест за крестом в память погибших. Здесь, за лесной стеной, до наших дней сохранился цвет древнерусской культуры. Лесоруб поет былинну о киевских

степных богатырях; колхозник, срубая избу, повторяет формы прославленного старинного деревянного зодчества; доярка, плетя кружева себе на передник, воссоздает самобытные русские узоры какого-нибудь пятнадцатого века...

Под холодным северным небом вырастают крепкие, упругие мелко-слоенные ели и сосны. Всегда здесь заметишь на горизонте дым лесопилки, всегда на станции встретишь штабеля пахучих бревен. Русский северный лес нужен всей стране. Из него строят избы на Волге, этим лесом крепят шахты в Донбассе, из этого леса сбивают нефтяные вышки в Баку, этот лес идет на шпалы в Казахстане.

За Полярным кругом лежит Кольский полуостров. Где северное сияние полярной ночью озаряло мертвые каменные тундры, там встали города, возникли рудники, побежали электрические поезда, зажглись огни гидроэлектростанций. Северное сияние над Мурманом попрежнему пылает, но подчас нужно погасить электричество, чтобы его увидеть.

Вот путь из Москвы на запад. Леса, перелески, пашни и деревни Смоленщины — преддверья Москвы. Тот же мягкий и близкий русский пейзаж, та же жизнь—разве что меньше городов и сырее почва; не так часто встает из-за леса фабричная труба, реже слышен гудок паровоза, на полях больше льна — это главный льноводческий район Европы.

Меж пологих холмов лежат мшистые болота, в них рождаются великие реки русской равнины—Волга, Западная Двина и Днепр. Здесь, на месте волоков — сухопутных переходов от реки к реке, были завязаны в узел нити древних водных путей.

Не раз враги России, стремясь захватить «ворота Москвы», после кровавых битв овладевали Смоленском. Но каждый раз этот древний город освобождался, чтобы остаться русским и попрежнему верным стражем стоять на западной дороге к Москве.

За Смоленщиной лежит земля братского народа — Белоруссия. Сначала кажется, что здесь все тот же ландшафт: та же подзолистая земля с ельниками на размытых, пологих моренах, те же поля с голубыми глазочками льна. Но есть и что-то иное: лето прохладнее, зима теплее,—когда в Москве легкий мороз, в Минске оттепель; случается, среди зимы от таяния снега вскрываются и прибывают реки; в лесах больше широколиственных деревьев, включая граб, вовсе не известный коренной России; на деревьях—гнезда аистов... В этом близость Атлантики.

Отличия не только в природе. Необычный для России феодальный замок; башня ратуши с часами; собор

с парными высокими колокольнями по бокам фасада, — святые в нишах, крылатый ангел с крестом.

Веками Белоруссия стояла на западных рубежах России. Ее поля вытаптывались ратями, врывающимися с запада; чужеплеменные магнаты пытались превращать ее крестьян в своих рабов. Враги России, являвшиеся с запада, начинали бой с русскими на земле их западных братьев. И белоруссы, защищая в себе то, что роднит их с русскими, век за веком кровью скрепляли это братство, свою родственную связь с Москвой.

При советской власти белоруссы объединились в едином государстве. Буря пронеслась над белорусской землей — ее опустошили гитлеровцы. Погибла половина национального богатства республики. Но Советская Белоруссия встает из руин героическим трудом своего народа. Всюду свежий тес стройки, молодые побег жизни. Снова хозяйство Белоруссии стало частью единого всесоюзного хозяйства. Как и раньше, искусные руки рабочих Белоруссии дают стране трикотаж и одежду; как и раньше, страна получает изделия из белорусского леса — спички из осины, бумагу из ели. И, как раньше, опирается хозяйство Белоруссии на уголь и металл Донбасса, на станки Ленинграда, на пряжу из узбекского хлопка.

У моря лежат прибалтийские советские республики — Эстонская, Латвийская, Литовская. Здесь все в ландшафте определяет близость Балтики. Серый морской горизонт, сосны вдоль пляжа на песчаных дюнах, молочный скот на сыроватом зеленом лугу, аккуратный сельский домик за подстриженными деревьями, влажные плиты тесных городских кварталов, на рейде — ритмичное покачивание мачт...

До первой мировой войны в портовых городах этой части России — на полпути между заграничным капиталом и обширным российским рынком — сложилась крупная промышленность; здесь появился первый российский аэроплан, первый российский автомобиль; в Риге, Ревеле вырос пролетариат — в революционной борьбе он шел плечом к плечу с русским пролетариатом. Прибалтика была крепкими нитями связана со всей страной, жила с ней одной жизнью.

Но в годы гражданской войны здесь с помощью интервентов победила реакция и вопреки воле народа превратила Литву, Латвию и Эстонию в отдельные буржуазные государства. Так были насильственно рассечены живые нити. Фабричный город, лишившись российского рынка, на который работал, стал вянуть, промышленность измельчала, в опустевших цехах вместо судов и багонов стали делать гребешки да катушки. Деревня превратилась в

малопродуктивную животноводческую ферму европейских столиц.

В 1940 году по воле народов Прибалтики образовались Литовская, Латвийская и Эстонская Советские Социалистические Республики, вошедшие в Советский Союз. Разрезанные ткани срослись. Латыши, эстонцы и литовцы снова вступили в семью народов, с которыми вместе жили, вместе боролись. Прибалтика вошла в одну хозяйственную плановую систему с Москвой, со всей Советской страной.

Красная Армия очистила Прибалтику от немцев. Древняя литовская земля Клайпеды воссоединилась с Советской Литвой. С помощью всей страны Прибалтика быстро встает из развалин. Снова дымят заводы, на лугах спокойно пасется крестьянский скот, свободно растет национальная культура.

После победы над фашистской Германией к нам отошел новый незамерзающий порт — Кенигсберг.

Вот путь из Москвы на юг. За Окой теплее и суше воздух, ель вытесняется дубом, горизонт расширяется, почва становится темной. Хлеб на чуть всхолмленной, почти безлесной равнине вокруг Рязани, Курска, Воронежа, Тамбова...

Степь борется с лесом; в природе здесь лес побеждает и надвигается с севера. Но люди его постепенно вырубали, и в итоге местность мало-помалу становилась степной. Степные кочевники напали на лесную Московскую Русь. Русь победила, но, ведя активную оборону, она в борьбе продвинулась на юг и сама стала южной, степной. И сейчас еще кое-где среди пшеничных полей удается найти почти уже стертые временем следы «засечных черт», древних укреплений. Русские стражники, не слезая с коней, не смыкая глаз, веками берегли здесь московскую границу, шаг за шагом продвигая ее все южнее и южнее. А за спиной война, поднимая девственную землю, селился русский крестьянин. На юге северная Москва отстояла себя и завладела полем боя.

Все теплее и теплее. Степь все просторнее. Бревенчатые избы сменяются белеными хатами. Больше промышленных городов, гуще сады, дороги лоснятся от жирного черного зема. Поля золотятся пшеницей, зеленеют посевами сладкой сахарной свеклы. В хлевах стоит тучный скот. Над плетнями свисают желтые круги подсолнухов. Вдымаются пирамидальные тополи. Мало-помалу встает нежный ландшафт Украины. От Карпат до самого Дона, от Полесья до самого Черного моря... Красивый Киев, живая Одесса, рабочий Харьков...

Благотнейший край! Велики его богатства, а главное — счастливо их сочетание. В этой части черноземной полосы довольно и тепла и влаги; летом здесь жарко без засухи.

В Донбассе лежит каменный уголь, и близко от него есть все другое, необходимое для металлургии: железная руда в Кривом Роге, марганец в Никополе, известняк в том же самом Донбассе. В этом крае густое население и густая сеть дорог. Здесь с незаурядными богатствами природы сочетается одаренность трудолюбивого, веселого народа.

Век за веком украинцы боролись с польскими панами за независимость, отбивали набеги крымских татар. Успокоение наступило лишь в XVII веке при Богдане Хмельницком, когда Украина воссоединилась с братской Москвою. Россия уберегла украинцев от польского короля и турецкого султана. Но только при советской власти украинцы полностью воссоединились в едином национальном государстве. Этот процесс завершился в 1945 году вхождением в Украинскую ССР Закарпатской Украины.

Неразрывны узы, связывающие украинцев с другими народами нашей страны; неотделимо хозяйство Украины от хозяйства Союза. Украинский уголь доходит до Ленинграда, из украинской стали строят машины Москва, северные города получают пшеничный украинский хлеб, по стране расходится украинский сахар. А сама Украина получает нефть с Кавказа, лес с севера, медь с Урала, автомобили из Москвы.

В дни вражеского нашествия погасли разрушенные немцами домы, вода залила шахты, огонь выжег города, треть населения осталась без крова... Но вот уже свободна земля Украины. Домны плавят чугун, шахты дают уголь, встают возрожденные города. Недалек день, когда Украина будет богаче прежнего.

За Днестром лежит Молдавия — страна полей, садов и виноградников. Эту землю, издавна принадлежавшую России, насильственно отторгли румынские бояре в 1918 году и, разоренную, вернули Советскому Союзу двадцать два года спустя. Здесь образовалась вошедшая в СССР Молдавская союзная республика. Молдаване создали собственную государственность; им помогли в этом советские народы, прежде всего русские и украинцы.

Между Черным морем и Каспийским немало промышленных городов. Вокруг них — там, где текут Дон, Кубань и Терек, — простирается широкая равнина. Под теплым южным солнцем колосится богатая пшеница. В степях пасутся большие стада. В садах вокруг станиц наливаются виноград, зреют черешни. Это колхозная казачья земля, богатый русский юг.

Еще лет триста-четыре назад здесь было дикое поле — нераспаханный ковыль, табуны диких лошадей — тарпанов, юрты пастуше-

ских племен. Здесь проходили южные рубежи Руси. Сюда на вольную жизнь бежали русские люди с севера от крепостного права и податей, и здесь этих непокорных, свободолюбивых и смелых сынов Руси встречали своими жестокими набегами кочевники Азии.

Оружием, постоянной боевой готовностью пришельцы защищали свой свободный новый кров. Их называли «казаки», что по-татарски значит «вольница».

Отстаивая свой дом в степи, эти люди отстаивали русское, и выходило так, что, попав сюда из-за ссоры с русской государственностью, они в конце концов становились ее защитниками. Они получили землю и некоторые привилегии в обмен на обязательство по первому зову являться в строй на собственном коне. Так сложилось русское казачество.

После революции трудовые казаки освободились от кулаков и атаманов, пришли к колхозной советской жизни. В состав Красной Армии была включена казачья кавалерия — на лихих конях, с шашкой без гарды (дужка на эфесе), с красными лампасами у донцов, с голубыми и малиновыми башлыками и мохнатыми бурками у кубанцев и терцев. На войне — неуправляемая, приводящая в ужас атака, а дома — вот эти распашанные огромные поля, цветущие сады и виноградники, белые хаты колхозных станиц...

Стена Кавказского хребта пресекает степь; за хребтом лежат республики Советского Закавказья. Облик Закавказья яркое и пестрое. Сквозь вечную зелень пальм с берега моря отчетливо видны вечные снега на горах, а в промежутке от подошвы до вершины гор сумели поместиться еще и влажные джунгли, и горячие степи, и уступчатые плантации чая, и виноградники, и кукурузные поля, и хвойный лес, и горные пастбища.

Горы Закавказья отделяют иссохшие глубины азиатского материка от влажной сферы Атлантического океана. Поперек Закавказья идет Сурамский хребет; к западу от него, со стороны Атлантики, влажно, сыро, а к востоку, со стороны Азии, сухо, знойно. Воды Риона, текущего по болотистой местности на запад из-за избытка влаги обвалованы, чтобы не разливались на поля, а воды Куры, текущей по сухой степи на восток, наоборот, бережно выведены каналами для орошения полей; начинаются же эти реки почти рядом друг с другом.

Пестра не только природа, но и история края. Здесь издавна пролегли великие исторические пути между Европой и Азией; тысячелетиями бушевала здесь человеческая буря, то взметая и возвеличивая, то развеивая враждующие народы и культуры; она отстаивалась в замкнутых доли-

нах и в глубоких ущельях поразительным разнообразием наций, верований, быта, языка. Подчас в двух соседних долинах на Кавказе живут разные народности.

Это край древней и благородной культуры. За тысячу лет до нашей эры на эти места распространялось государство Урарту—первое государство на территории СССР. Под Ереваном сохранились постройки чуть ли не V века — самые древние в нашей стране. Прославленные европейские стили—готический и романский—испытали на себе влияние архитектуры Закавказья. У грузин и армян существовала богатая письменность, когда многие народы Европы еще не родились.

Здесь сталкивались Рим и Иран, Византия и арабы, Россия и Турция, и Закавказье, наконец, вошло в Россию. Оно составило со всей нашей страной единое целое.

После Октябрьской революции Грузия, Армения, Азербайджан добровольно вошли в СССР, как свободные советские республики. Азербайджанский Баку, грузинский Тбилиси и армянский Ереван закрепили братский союз с русской Москвою.

Хозяйство республик Закавказья плотно вплетено в ткань хозяйства СССР. Каждые три автомобиля из четырех в нашей стране работают на бакинском бензине; для всей страны в Грузии зреют мандарины и лимоны, растет чай, бродит виноградное вино; много зданий в нашей стране сложено из розового армянского туфа, много изделий выковано из армянской меди. Со всех концов страны приезжают сюда люди отдыхать на курортах и лечиться живительными силами ясного солнца, теплого моря и чистого горного воздуха. Каждый из нас почитает за праздник посещение Горы—родины Сталина.

3а Каспийским морем до самого Алтая простирается Казахстан — сухая степь величиной с половину всей Западной Европы. Бесконечная однообразная равнина с буграми желтых холмов, пыльный запах пыли, монотонный знойный звон цикад. По этой огромной и на первый взгляд скудной стране кочевали со своими стадами три миллиона казахов. Этот народ оставался только бродячим пастухом, сохраняя до самого Октября быт времен Чингис-хана: жили в войлочных юртах, почти не знали земледелия, брали от своей богатой земли лишь самое дешевое — степную траву. А земля богата: эта бугристая равнина—остаток давнего, временем размытого пояса гор, здесь обнажены ценнейшие руды. Недра Казахстана почти исчерпывают периодическую таблицу Менделеева.

В годы пятилеток казахи осели, к животноводству добавили земледелие и с помощью русских инженеров и рабочих создали железнодорож-

ную сеть и передовую индустрию. Народ сразу шагнул на века вперед. Когда-то в казахской степи едва ли не единственным знаком деятельности человека казались черные круглые следы от кочевых костров. Теперь степь разнообразит оседлые поселки, орошенные поля, подъемники шахт, корпуса заводов, равных которым иной раз нет во всей Европе. Казахстан дает другим народам Союза уже не только шерсть и мясо своих огромных колхозных и совхозных стад. С помощью машин, полуценных из РСФСР и Украины, он добывает для всей страны много угля, нефти, свинца, меди и редких металлов. За время войны Казахстан стал одним из крупнейших наших арсеналов.

Южнее лежат республики советской Средней Азии—Узбекская, Туркменская, Таджикская, Киргизская.

Сухие степи перешли в пустыни,— больше солнца, меньше влаги. Жара, песок, редкая жесткая трава. Эта земля была бы совсем бедна, если бы на юге, за Ташкентом, ее не обрывали цепи гор. Заоблачный Памиро-Алтай и Тянь-Шань задерживают на своих каменных плечах издалека доносящееся влажное дыхание Атлантики — оно конденсируется в лед глетчеров и снега вершин, рождает реки и оживляет ими часть равнины.

По склонам гор, на равнинах пустынь раскинулись пастбища, а в орошенных оазисах зеленеют поля, цветут сады. Эти сады и поля изрезаны густой сетью каналов, отвоены у пустынь, трудолюбиво возделаны вековой упорной работой узбеков и туркмен, таджиков и киргизов.

Узкая и прерывистая, но цветущая цепочка оазисов, зажатая между горами и пустынями, протягивается от Каспия до Китая — вода среди песков, людская густота среди бесплодия, плодородие среди бесплодия, зеленый цвет на желто-буром. Это извечный исторический путь между Востоком и Западом, знаменитая «шелковая дорса», арена грандиозных столкновений — до сих пор кое-где среди песка лежат выщербленные развалины древних ирисских городов. Сюда приходили арабы, монголы, китайцы и греки. В середине XIX века Средняя Азия была присоединена Россией, зрела в ее экономическую систему.

Хозяйственную спаянность со всей страной Средняя Азия особенно остро ощутила во время гражданской войны, когда, временно оторванная, с трудом могла существовать с избытком хлопка, шерсти и шелка, но без волжского хлеба и леса, без бакинской нефти, без промышленных изделий Москвы. С победой советской власти восстановилась связь Средней Азии со всей страной. Равноправные Туркменская, Узбекская,

Таджикская и Киргизская республики вошли в состав Советского Союза и с братской помощью русского народа создали свою собственную крупную индустрию, развили свою свободную национальную культуру. Связь Средней Азии с русской Москвой еще более окрепла, ибо стала связью равных.

Вот путь из Москвы на восток. Он пересекает Волгу.

Медленно плывут в широких зеленых берегах вниз по реке длинные плоты со скрипучим рулем, их обгоняют белые пароходы, а навстречу, за буксирами идут грузные нефтяные баржи. Правый берег возвышен. Волнистые холмы — все в яблоневых садах — то полого, то круто сбегает к воде. На песке лежат рыбачьи лодки...

Самая большая река Европы родится едва заметным ручейком в болотце на Валдае, растет шаг за шагом, пересекает колхозные нивы, минует цепь индустриальных городов, проходит всю нашу землю от Ржева до Астрахани и исчезает в Каспии. Волга связывает русский лес на севере с русской степью на юге, достает одной своей рукой до Москвы, а другой — до Урала. Она укрепляет хозяйственное единство Советской страны.

Волга, русская река, не ярка и не шумна, но широка и могуча; обычно тиха, а в дни половодья буйна, неудержима.

Над Волгой прошли столетия нашей истории. Здесь бушевали великие народные восстания. Здесь измученные бурлаки сложили красивейшие русские песни. Здесь родился Ленин. Здесь стоит Сталинград — он повернул весь ход Великой Отечественной войны.

Волга—это ось России.

Далеко за Волгой с юга на север протянулся Урал, забуренный порог между Европой и Азией. На камнях растут ели и сосны, в долине блестит заводский пруд, над лесом висит дым...

Это — горы — явление, казалось бы, не свойственное равнинной русской шире. Но здесь горы не те, что на Кавказе и в Крыму, где высокое солнце и чудесная растительность. Это все та же нешумливая Средняя Россия, которую вдруг что-то взволновало: тот же ельник, но взгорбившийся, тот же луг с одуванчиками и кашкой, но покатый. И тот же бревенчатый деревенского вида поселок, но населенный не столько земледельцами, сколько рудокопами.

За миллионы лет вода и солнце, мороз и ветер выщербили и стесали Уральские горы, обнажив глубокие ценные недра. В мире нет места более богатого рудами. Вдоль всего хребта тянутся залежи богатого и чистого железа; во многих местах от-

крыта медь; для химии есть и калийная соль, и серный колчедан; немало нефти, золота, никеля, бокситов, алмазов; на весь мир прославлен Урал платиной, асбестом, изумрудом, яшмой, малахитом, горным хрусталем, аметистом, топазом...

Трудом русских крепостных на Урале была создана металлургия, в XVIII веке занявшая первое место в Европе. Эти горы и рудники вооружали армию Петра, Суворова, Кутузова. Для русской артиллерии здесь отливались пушки. Здесь ковались знаменитые взорчатые булатные клинки, при легчайшем прикосновении надвое рассекавшие пушинку.

В годы пятилеток Кузбасс стал давать Уралу уголь. На сибирском угле поднялась мощная новая уральская индустрия. В Магнитогорске, Челябинске, Свердловске, во многих других помолодевших или заново выросших уральских городах возникли первоклассные заводы-гиганты.

Из уральской стали делают машины и на самом Урале, и в Ташкенте, и в Поволжье, и в Москве. По всей стране расходятся уральская медь, уральский никель, уральский алюминий. Урал — это металлический фундамент промышленности советского востока, это стальной хребет обороны.

За Уралом лежит огромная Сибирь. Она сильнее обжита на юго-западе, в степных участках вдоль длиннейшей в мире Сибирской железнодорожной магистрали. Суровая природа Сибири, большие неосвоенные просторы, отсутствие крепостного права выковали из русского переселенца тип крепкого, волевого, деятельного, здравомыслящего сибиряка, привыкшего полагаться на себя и преодолевать все препятствия. Переселенцы успели создать здесь культурный ландшафт, во многом напоминающий места их выхода, — русские города, русские села, русские пашни, но все это здесь просторнее, шире, размашистее.

На юге Сибири при советской власти создана крупная промышленность. Кузбасс дает много угля Сибири и Уралу, из магнитогорской руды Сибирь плавит металл. Страна впервые получила сибирские машины.

Началась промышленная стройка на севере Сибири. У этого далекого богатого края большое будущее.

Север Сибири! Величайший на земном шаре лес. Океан хвои простирается от Урала до Камчатки. На его глубоком, дремучем дне лежат редкие селения. Стук топора, выстрел охотника, скрежетание драги гаснут в бесконечном, молчаливом, едва уловимом шуме тайги.

Короткое лето. Синеватый излом невысоких гор. Вздохмаченные лиственницы, разреженные серыми и

как бы прозрачными хлыстами сухо-стоя. Обгорелые гнилые пни на топком болоте, скрывающем под торфом геологический лед. Изогнутые корни упавших деревьев, как силуэт плясавшего и вдруг застывшего шамана.

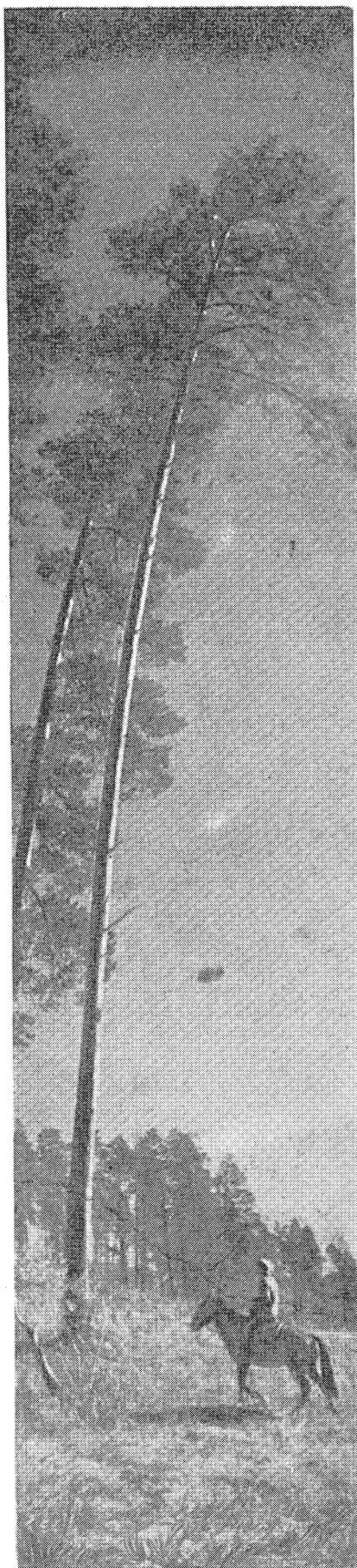
Долгая суровая зима. Под звездным небом — оцепенение и снег. В напряженной тишине — треск лопнувшего дерева. Ртуть замерзла. Слышно человеческое дыхание. —50°, —60°, даже —70°. Полюс зимней стужи.

То, что дает этот край, — драгоценно: золото и мех. Чтобы включить их в хозяйственный оборот, русские — посланцы Москвы — прошли из конца в конец всю эту далекую, огромную, бездорожную землю. И теперь, когда большевистская энергия встрепенула, оживила Сибирь, когда самолет укоротил расстояние, суровая сибирская тайга стала быстро покоряться труду человека. Кроме золота и пушнины, север Сибири начал давать никель, олово, уголь и распиленный лес. Тайгу пересекли воздушные трассы, на далеких рудниках установлены машины, охотники сменили кремневку на современное ружье, сквозь льды океана вдоль арктического берега пролегал морской путь.

На Дальнем Востоке советская земля выходит к Тихоокеанскому побережью, протягиваясь почти на 5 тысяч километров — от Владивостока до Берингова пролива. Такой длинной береговой линии нет ни у одной другой тихоокеанской страны. После победы над Японией в наши пределы вошли Южный Сахалин и гряда Курильских островов.

На Тихом океане русских встретила незнакомая, диковинная природа. Огнедышащие горы, многоярусные леса, летние разливы, чередование муссонов, тигры на снегу... Переселенцы мало-помалу приспособились, своеобразно окрасив издавна укоренившиеся навыки местным колоритом. Избы русской кладки крыты гофрированным цинком; пшеница выращена на сырых амурских почвах; перед окошком посажены не белые, а черные амурские березки; мясо вытеснено рыбой, а подсолнух — кедровыми орешками; дорога часто заменена рекой, а подвода — лодкой... Сделав уступку обстановке, русские на Тихом океане сохранили главное — свой духовный облик. Они остались русскими, детьми Москвы.

Русские, а также украинские переселенцы десятилетиями осваивали ранее пустынный край пядь за пядью. Они упорно распахивали и засеивали равнины, корчевали тайгу, возводили города. Наши люди преградили девственную и дикую Амурскую равнину в плодородные пашни, осушили и возделали землю у Ханки, расчистили непроходимые леса Ус-

сури, освоили судоходный путь Амура, достали уголь Сучана и золото Селемджи.

Прекрасен наш Дальний Восток. Кто видел хоть раз, тому не забыть его синеющих сопков, снегом покрытых камчатских вулканов, торжественно широкого Амура, могучей силы океана, шума вековой уссурийской тайги, всего простора и мощи дальневосточной природы.

В годы советской власти Дальний Восток стал «сталинской новостройкой». Вдоль моря выросли рыбозаводы, в тайге возникли новые рудники, на Сахалине началась добыча нефти, в городах появилось машиностроение...

Комсомольск — новый промышленный город на Амуре — как бы воплотил в себе всю геронку индустриального штурма, преобразившего за годы пятилеток лицо нашей родины. Он воплотил в себе также неразрывную связь всей нашей страны с ее далеким тихоокеанским побережьем. Этот город по замыслу Сталина воздвигли юноши и девушки, съехавшие сюда со всей Советской страны — из Киева и Тбилиси, из Минска и Москвы.

Такова наша земля. Она полита потом и кровью наших дедов и отцов, согрета нашей сыновней любовью.

С гордостью смотрим мы на огромную карту: вот наша родина. Она как материк: половина Европы и треть Азии, шестая часть мира.

Стремительно мчатся по земле лучи при восходе солнца, — но им нужно целых десять часов, чтобы пробежать всю нашу страну с востока на запад: когда на Камчатке уже светает, в Сибири — ночь, а в Москве еще только вечер. Велик плывущий по небу полный диск луны, — а ведь у него площадь меньше, чем у нашей страны. 22 миллиона квадратных километров — самая большая страна на земле!

Нет на свете страны богаче. Нигде в земных недрах нет столько нефти, железа, марганца, хрома, золота, калия. Нигде нет столько ценных лесов, и нигде нет столько плодородных черноземных степей.

Едва ли есть страна разнообразнее. СССР включает все климатические пояса, кроме тропического. В Якутии зимой холоднее, чем на Северном полюсе, а в Кара-Кумах летом жарче, чем на экваторе. Под Ашхабадом уже зреет хлеб, когда Николаевск на Амуре завален снегом до крыши. Лена на севере покрывается льдом на восемь месяцев, а Рион в Грузии не замерзает вовсе. На охотском побережье лиственница за сотню лет едва достигает толщины руки ребенка, а в Абхазии молодой бамбук вытягивается в сутки на полметра. В замкнутых долинах Забайкалья подолгу стоит полное без-

ветрие, а на Памире ветер дыры просверливает в скалах.

Чуть не все мировое земледелие можно изучать на примере нашей родины. В устье Волги растет лотос, растение Египта. В южном Азербайджане работают на горбатом зебу — животном Индии. На Мурмане есть фиорды, как в Норвегии. В Туркмении выращена финиковая пальма, дерево Аравии. В Таджикистане есть заросли сахарного тростника, а на Сахалине — бамбука. На Земле Франца-Иосифа лежит ледяной панцирь, как в Гренландии. На Камчатке быют из земли кипящие фонтаны, как в Северной Америке, — и фиалки цветут зимой среди сугробов...

У нас обитает и полярная сова и розовый фламинго. У нас растут и карликовая береза и вечнозеленая пальма...

Разнообразна у нас природа и разнообразен человеческий труд. В нашей стране работают сильные люди. Они дают стране все: сталь и золото, свинец и детские игрушки, морские суда и тонкие кружева, боевые самолеты и певучие скрипки. Они отстаивали родину в страшной схватке с фашизмом и теперь обогащают страну своей вдохновенной мирной работой.

В стране живет множество различных народов: русские и украинцы, грузины и армяне, таджики и эстонцы, белуджи и эскимосы, татары и казахи, даже арабы под Самаркан-

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Журналу „Вокруг света“

Очень приветствую появление вновь такого журнала, как «Вокруг света». Среди многих наших журналов ему должно принадлежать особое место. Новый журнал должен быть воспитателем здорового, умного юношества. Он должен способствовать познанию нашей родины и всего мира. Искусный рассказчик, опытный очеркист, много видевший путешественник, ученый географ, краевед на его страницах будут разговаривать с самым широким читателем. Бывалые люди придут в него со всем запасом своих приключений, и мы услышим много замечательного, такого, чего в другом месте не найдем.

Героизм, упорство в достижении цели, большевистскую волю и инициативу, изобретательность — все, чем советский человек преобладает далеко и близкие края своей родины, мы увидим в рассказах, очерках, статьях, воспоминаниях в журнале, обновленном и молодым. Мы будем путешествовать по всем странам, по всем краям вселенной.

Это не так просто — вести такой журнал, чтобы он был на высоте требований нашего взыскательного читателя. Но будем надеяться, что при помощи большого коллектива самых разнообразных авторов — писателей, журналистов, очеркистов, ученых, путешественников, полярников, моряков, летчиков, звероловов, золотоискателей и многих других специалистов своего дела — журнал достигнет своей цели.

Мир, о котором хочет говорить журнал, широк. Пусть же и журнал будет широк, красочен и разнообразен, как мир.

Я желаю новому журналу всяческого успеха.

И. Д. ПАПАНИН

*Дважды Герой Советского Союза,
доктор географических наук*

Журналу „Вокруг света“

Беспредельно велика и богата наша родина. На протяжении веков русские люди самоотверженно исследовали родную землю, проникая в самые отдаленные ее уголки. Мы высоко чтим имена Дежнева, Головина, Миклухи-Маклая, Пржевальского, Русанова, Седова и многих других отважных путешественников.

Много сил отдал наш народ завоеванию севера. Ничто не страшило и не останавливало его: ни льды, ни морозы, ни дремучая тайга. Но только в наши дни советские полярники пришли в Арктику, как хозяева. Мы обживаем, осваиваем холодные северные земли, научились там жить и строить, вести сквозь льды корабли, летать на самолетах и в пургу, и в полярную ночь.

Прошедшие годы сталинских пятилеток и особенно годы Отечественной войны были великой школой для советских людей.

Сейчас новые величественные задачи стоят перед нами. Многое надо еще исследовать и освоить.

Мест, удобных и «уютных» для жизни, не так уж много на земле. Посчитайте, сколько занимает Арктика, пустыни, каменистые горы и болота. Покоряя природу, надо быть сильным, умелым и зычосливым. Надо любить родину, и тогда для советского человека не страшны никакие препятствия.

Приветствую выход журнала, целиком посвященного географии. Мы надеемся найти на его страницах и описание суровой, дорогой сердцу советского полярника Арктики, и рассказы о подвигах и труде людей, осваивающих и юг и восток нашей страны. Пусть шире раскрываются горизонты перед читателями «Вокруг света».

Привет от всей души!

дом, даже негры в окрестностях Судуми — больше ста народов.

Стомиллионный русский народ ведет за собой другие народы. Он создал единство страны, которая простерлась от океана до океана. История сплотила народы России, единое хозяйство их скрепило в огне революции, в борьбе за независимость закалилось их братство.

У каждого из наших народов свой быт, свой язык, своя культура — и у всех одно: равные права и одна родина. Это Советский Союз. Его столица — Москва.

10 февраля будет праздник на нашей земле. В этот день каждый из нас, избирая достойнейших, окинет мысленным взором всю родную страну — свой отчий дом. И каждый подумает о Москве: там Сталин.

На фотографиях:

1. Москва. Спасская башня (стр. 2).
2. Ленинград. Адмиралтейство (стр. 3).
3. Над Днепром (стр. 4).
4. Река Абакан в Хакассии (стр. 5).
5. Новые дороги в горах Кавказа (стр. 6).
6. Тбилиси. Старый город (стр. 7).
7. На берегу Белого моря (стр. 8).
8. Лесостепь в Восточной Сибири (стр. 9).

На Всемирной Конференции Молодежи

А. ЛИПАТОВ

Фото И. Шагина

Недавно в Лондоне состоялась Всемирная конференция молодежи. Это была наиболее представительная юношеская конференция из всех, какие когда-либо созывались. На нее прислали своих делегатов

Торжественное открытие конференции состоялось 29 октября 1945 года в Альберт-холле. На переднем плане — делегация советской молодежи со своими знаменами,

Председатель исполкома Всемирной федерации демократической молодежи Ги де Буассон.

Делегатка Индии студентка Китти Бумла выступает с докладом по второму вопросу повестки дня.

В свободное от заседаний время советские делегаты знакомились с Лондоном. Группа советских делегатов у домика, в котором жил В. И. Ленин. Лондонский муниципальный совет установил здесь мемориальную доску.

почти все существующие на земном шаре юношеские организации. В работе конференции участвовало около 600 человек. Они представляли не менее 40 миллионов организованной молодежи 63 стран мира. Для того чтобы попасть на конференцию, многим ее участникам пришлось пересекать океаны, лететь тысячи километров на самолете, проезжать буквально десятки стран. Делегаты Индии встретились здесь с делегатами Норвегии, делегаты Ямайки — с делегатами Канады, делегаты Бразилии — с делегатами Китая.

Участники конференции отличались друг от друга цветом кожи, языком, на котором они говорят, религией, которую они исповедуют, но всех их объединяло стремление скорее покончить с остатками фашизма, добиться удовлетворения послевоенных нужд молодежи и создать всемирное объединение демократической молодежи.

Конференция торжественно открылась 29 октября 1945 года в одном из крупнейших залов Лондона — Альберт-холле. Кроме делегатов, присутствовало свыше пяти тысяч гостей. Делегации входили в зал со своими национальными знаменами. Громкими аплодисментами встречали каждую делегацию, но буквально бу-

ря аплодисментов поднялась, когда с развернутыми красными знаменами в зал вошли посланцы советской молодежи. Все поднялись со своих мест. Молодежь мира отдавала заслуженную дань восхищения и уважения великому Советскому Союзу,

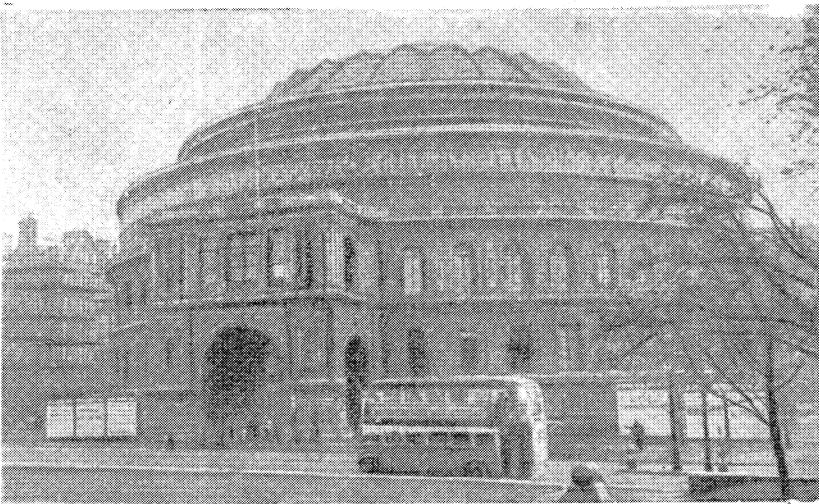
Парад делегаций в Альберт-холле. На снимке делегация героической молодежи Югославии со своим национальным знаменем.

Советская делегация посетила могилу Карла Маркса и возложила на нее венок. Секретарь ЦК ВЛКСМ В. Н. Иванов произносит речь на могиле творца научного социализма.

Здание парламента на берегу Темзы — одно из красивейших архитектурных сооружений столицы.

Королевский Альберт-холл. Это крупнейший зал Лондона, вмещающий до 6 тысяч человек. Здесь происходило торжественное открытие Всемирной конференции молодежи.

Лондон. Арка и здание Адмиралтейства

Башня и часы „Большой Бен“. Бой этих часов ежедневно транслируется по радио.

вынесшему на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашистских захватчиков.

Конференции предстояло обсудить три вопроса: о борьбе молодежи за свободу и лучший мир, о послевоенных нуждах молодежи и об организации международного сотрудничества молодежи.

С докладами по первому вопросу выступили делегаты Великобритании, Китая, Франции, США, Советского Союза и Югославии.

Доклад от молодежи Советского Союза сделал руководитель советской делегации — секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов.

С докладами по второму вопросу выступили делегаты Канады, Индии, Италии, Мексики, Норвегии, Польши, Украинской ССР и США.

Все доклады активно обсуждались на пленарных заседаниях и в комиссиях. После обсуждения были при-

Одна из лучших площадей Лондона—Трафальгар-сквер. В центре площади — огромная колонна, на которой возвышается фигура великого английского флотоводца Нельсона. За колонной—здание Национальной картинной галереи.

няты решения, в которых четко изложены цели и задачи прогрессивной молодежи мира.

С исключительным вниманием отнеслась конференция к обсуждению третьего, самого главного вопроса повестки дня — о международном сотрудничестве молодежи. Конференция единодушно решила учредить Всемирную федерацию демократической молодежи и выработала устав (конституцию) этой федерации.

Были избраны руководящие органы федерации — совет и исполнительный комитет. В состав совета избрано 120 человек, в состав исполкома — 17 человек. Председателем федерации избран Ги де Буассон — один из популярнейших деятелей молодежного движения Франции, вице-председателями — делегат Советского Союза Н. А. Михайлов, делегат Великобритании Джонс, делегат Ки

тая Чен и делегатка США Эльза Грейвс.

Исполнительный комитет федерации уже приступил к работе. Постоянным местом пребывания руководящих органов федерации избран Париж.

Создание Всемирной федерации — крупнейшее событие в международном юношеском движении. Отныне демократическая молодежь из различных юношеских организаций сплочена воедино для совместной борьбы против остатков фашизма, за успешное разрешение послевоенных проблем молодежи.

Район Сити. В переводе на русский язык «Сити» означает город. Сити—древнейшая и наиболее деловая часть Лондона. Здесь сосредоточены главные банки и крупные торгово-промышленные компании. На снимке—здание уголовного суда и памятник Дракону.

Шваб

Рассказ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Рисунки П. Караченцова

1

Они сидели за грубо сколоченным столом и ели мягкий, разваренный, желтый горох. Корчма была унылая, лишенная всякого убранства.

В углу в потолке синело небо, так как туда угодил когда-то снаряд и дыру еще не починили. Земляной пол был местами выбит, и хозяин, извиняясь, говорил, что в корчме фашисты устроили конюшню и лошади испортили пол, но это ничего—скоро все придет в порядок. Он уже готовит полный ремонт. Вот лежат доски и кирпичи, но нет пока рабочих рук.

В разбитые стекла, заклеенные бумагой, смотрели матчи парусников, совсем рядом качавшихся у старой каменной стенки, из которой большие куски вырвали бомбы. Зеленовато-сизое море, покрытое острыми гребешками странно высокой пены, завивавшейся тонкими смерчами, уходило к коричневым скалам далекого острова.

В корчме гулял свежий ветер, врывающийся в поминутно открываемую дверь, резко визжавшую на заржавленном блоке. Пол был в пятнах красного далматинского вина. Дым сигарет повисал в холодном воздухе стальными струйками.

Горох был слишком переварен и плавал в желтой воде, а «хладно»—холодец из поросячьих ног—было так жирно, что почти невозможно было его есть.

Зато красное густое вино было великолепно, и Филипп с удовольствием пил его. Член городского совета Анте, старик, худой и жилистый, прихлебывал вино медленно, маленькими глотками. Пеко, высокий и широкоплечий, сидевший на табурете верхом, как в седле, почти совсем не пил, но зато говорил за всех.

— В Метковичи по Неретве вы еще долго не подыметесь, потому что там плавают магнитные мины, и когда их выловят, никто не знает. В Плоче ничего нет, кроме недостроенного вокзала и неготового порта. Но Плоче со временем будет то, что надо. Я был там недавно и снова еду туда. Как ты съездил, Филипп?

Капитан сидел, расстегнув ворот своего голубоватого кителя с золотыми треугольниками на воротнике, и равнодушно смотрел, как дочка хозяина корчмы переговаривалась с подружкой, толстой девчонкой с желтыми косичками, стоявшей на пороге. Казалось, он смотрит сквозь этих молодых далматинков куда-то в море и видит вещи, только ему одному понятные.

— Филипп, — сказал Пеко, — повидимому, ты съездил не очень хорошо?

Филипп допил остатки вина в стакане и, не отвечая на вопрос, посмотрел вокруг.

— Слишком много швабов, — сказал он, снова наполняя стакан.

Пеко усмехнулся. Да, в корчме там и тут сидели за маленькими столиками швабы. Они же входили с улицы, и число их все увеличивалось. Все они были молчаливы, мрачны, с исхудалыми лицами, все были в потрепанной военной форме, заплатки были понасажены и на спине и на локтях. Трудно было представить себе, что эти люди еще недавно держали в руках оружие, ходили строем, высоко подымая ногу, и четко делали разные повороты. Трудно было поверить, что это были представители немецкой фашистской армии, надменные и чванливые. Точнее из них вынули какой-то металлический прут и они обмякли, стали похожи на тряпичных кукол, нарочно одетых посмешнее.

Входившие приближались к сидевшим и как будто обнюхивали их, как собаки. Потом, ничего не сказав, усаживались за столики. Иные уже поели и сидели в раздумьи, курая сигареты. Один сидел, сильно наклонившись вперед, на узкой скамейке, и выпяченный его зад, весь пересеченный рыжими заплатками, походил на зад полинявшего павлина. Другой, толстый, с рыжими большими усами, закутанный в дражное короткое одеяло, сидел, уставив глаза без всякого выражения в пустую тарелку. Так он сидел не мигая, только его щетинистые усы слегка шевелились. Третий, ржавый, как гвоздь, прислонился к стене и дремал, съевшись, как будто его бил колючий холодный дождь.

Как только Анте и капитан переставили свои тарелки с недоеденным хладно на пустой соседний стол, один шваб ожил и с необычайной быстротой очутился у этого стола.

В этой молчаливой взъерошенной серой фигуре что-то прохрипело, и шваб сказал тонким приниженным голосом, держа руки по швам:

— Вы разрешите доесть это?

Анте кивнул головой, капитан не шевельнулся. Немец низко поклонился, схватил обе тарелки, унес их на свой стол и, почти навалившись на них, начал пожирать остатки поросячьих ног. Другие швабы жадно посмотрели в его сторону и, убедившись, что им ничего не перепадет, снова погрузились в молчание.

— Слишком много швабов, — повторил Филипп, стуча пальцами по столу.

Анте сказал, попыхивая маленькой трубочкой:

— Это шоферы ЮНРРА, сегодня здесь целый караван. Они работают в ЮНРРА, эти швабы.

Вдоль набережной у самого моря стояли большие серые и зеленые машины, накрытые брезентом, с горами разной клади, с двойными колесами. На брезенте и в кабинах сидели целыми днями швабы и с холодным безразличием смотрели в ядранское небо с несущимися из-за громады Велебита серыми, тяжелыми тучами.

— У тебя, кажется, тоже свой собственный шваб? — спросил Пеко.

— Мне его дали в Опатии, — сказал Филипп. — Вот он сидит у стенки направо.

Пеко еще раз оглядел всех этих застывших в разных позах швабов. От них веяло такой опустошенностью, что казалось, потряси посильнее рукава их курток—и из них посыплется едкая, тоскливая пыль.

«Собственный шваб» капитана во всем походил на остальных: такая же зеленоватая шкура на плечах, такие же,—правда, меньшего размера,—заплатки, тонкие в обтяжку штаны, большие ботинки, стучавшие по земляному полу разболтанными гвоздями, но чем-то он все же отличался.

Щетина его была еще злее, чем у прочих, и какая-то настороженная осмысленность жила в чертах его угрюмого, как будто никогда не знавшего свежести лица. Тонкий нос походил на клюв маленькой и жестокой

Точно из них вынули какой-то металлический прут и они обмякли...

птицы. Этот шваб тоже сидел неподвижно, но шевелились его пальцы, длинные, как вареные макароны из серого теста. Если к ним присмотреться, то охватывало странное чувство, что эти лишённые воли, мягкие, как тесто, пальцы могут вдруг стать стальными и гибкими.

— Знаете, как это все называется? — сказал Пеко. — Это называется конец психода на восток.

Он засмеялся, и его смех прозвучал очень громко в большой пустой зале корчмы.

Он повернулся к Анте:

— Анте, ты плачешь, кто будет восстанавливать твой городишко? Они будут восстанавливать. Пусть они сожрут столько пыли, сколько они подняли здесь своими бомбами. Они — как вурдалаки, которым не дают пить человеческую кровь. У них же нет

ни души, ни сердца. Какого чорта ты их пускаешь сидеть рядом с нами? — сказал он хозяину, стоявшему сзади стола и переливавшему из бочки в бутылки вино.

Хозяин вынул изо рта тонкую резиновую трубочку и сказал:

— Они сейчас уедут. Им негде больше есть. А надо срочно доставлять груз. Это исключение. Прости, друг, они сейчас уедут.

Капитан встал и, ни на кого не смотря, пошел к двери. Он шел тяжелой походкой, и со стороны могло показаться, что он выпил много, но он почти ничего не пил. Нескольких стаканчиков для такого человека — что они значили! Он распахнул дверь. Она со страшным стуком захлопнулась за ним.

Анте и Пеко сидели молча, смотря, как струится в бутылки красное, темное, как кровь, вино.

Прошло полчаса. Анте и Пеко тихо разговаривали о самом разном, о жизни на побережье, о новостях, которые приносили последние дни газеты, о знакомых и друзьях. Потом Пеко встал, потянулся и сказал:

— Я пойду к нему. На него опять напало то самое. Не надо его долго оставлять одного.

Он вышел на набережную, и в лицо ему ударил холодный, шквалистый ветер. Он увидел вдалеке парусник, ныряющий между скал, разбитую набережную, тяжелые машины, покрытые брезентом, клочья бумаги, которые ветер гнал по камням, пароход у мола, подававший яростные свистки.

Придерживая шляпу, он пошел, стараясь держаться вглубь стен домов, выходящих окнами на море. В маленьком проулочке, перед которым весь проход загородил грузовик с квадратными огромными ящиками, ходил взад и вперед Филипп, заложив руки в карманы шинели.

— Ну, довольно, — сказал Пеко, подходя к нему и бережно обнимая его за талию.

Филипп взглянул на него так, как будто хотел оттолкнуть его, но потом выражение лица его смягчилось, он взял Пеко за руку и сказал хрипло:

— Пеко, ты меня знаешь с юности. Ты знаешь мой характер. Мы вместе были партизанами. Мы многое можем. Но когда я вспоминаю про то, — ты знаешь, о чем я говорю, — мне всегда нехорошо...

Пеко обнял его за плечи и начал прохаживаться с ним по проулочку, выход из которого загроздил слоновой тяжестью грузовик ЮНФРА.

Так они ходили между слепых стен, и к их ногам с крыш скатывались кусочки черепицы, сбитые порывами сильного ветра, оттуда, из-за скал Велебита. Они ничего не говорили, они просто ходили взад и вперед, точно снова и снова считали, сколько шагов в этом ничтожном проулочке.

Наконец капитан сказал:

— Мне пора ехать. А то будет слишком поздно.

— Мне тоже пора, — сказал Пеко, и они направились к корчме.

2

Машина взбиралась, кряхтя, по пустым, узким, приморским дорогам. Белый камень вокруг то вставал до неба, из окна машины не было видно конца уступам, то ложился по склонам, как будто его нарочно насыпали мешками в квадраты каменных стен, низких и длинных. В этих квадратах, засыпанных белым камнем, росли оливковые деревья с узловатыми коричневыми стволами, с почти черной листвой.

Проносились развалины маленьких деревушек — дома без крыш, пустые глазницы окон, трава на пороге. Сожженные машины валялись внизу под обрывом. Дул холодный ветер, подымая жесткую белую пыль. Море то исчезало за приморскими холмами, то снова его малахитовая хлябь качалась, упираясь в длинный серый профиль острова, растянувшегося на десятки километров.

Голова шваба торчала перед глазами капитана, и когда шваб наклонялся, капитан видел его узкую гусиную шею, серую и морщинистую. Шваб снял пилотку, и его жесткие, неровно подстриженные волосы торчали пучками. Синяя щетина на щеках была подернута сединой.

Филипп, не отрываясь, смотрел на эту голову, часами торчавшую перед ним.

— Почему вы не бреетесь? — спросил он резко. — Почему вы не побрились в Сплите?

Немец не понимал никакого языка, кроме немецкого, а капитан довольно свободно владел им.

Немец не обернулся. На этих дорогах нельзя безнаказанно оборачиваться — все время рядом обрыв и такая уость, что смотри в оба. Шваб отвечал дребезжащим сердитым голосом:

— Они всегда гуляют, эти парикмахеры, а я всегда работаю.

Машина шла между скал, покрытых кустарниками. «Хорошее место для засады», подумал Филипп, отгоняя те мысли, что со вчерашнего дня снова овладели им с напряженной силой и крутили его голову, как будто растягивали ее обручем. Прижавшись к скале, стояла крестьянка с корзиной в руке, и крестьянин придерживал серого осла, тщетно пытавшегося схватить какой-то неподатливый клоч травы на каменистом склоне.

— Где вы родились? — спросил капитан, смотря в сутулую спину, слегка покачивавшуюся перед ним.

— Я уже вам говорил, вы забыли: в Иннсбруке. Но я провел там только раннее детство. Я жил в Венецуэле, в Южной Америке. Там поселился дядя матери. Я оттуда...

— У вас есть семья?

— Жена жила в Линце. Полтора года ничего не знаю о ней.

— Вы никогда не были в этих краях?

— Никогда! Меня взяли в северной Истрии. Я шел в Линц...

— Что вы делали в армии?

— Я был шофером. Был в Африке, в Алжире, потом Сицилия, потом Италия, потом Истрия.

— И вы никогда не были в этих краях?

Машина сделала резкий прыжок назад. Тормоза закричали. Она остановилась. Немец вытирал пот. Не отвечая на вопрос, он сказал:

— Здесь за эту дорогу платишь нервами. Видите, что впереди...

Впереди громадный грузовик, ведя на буксире другой, встал поперек поворота. Проезда не было. Шваб вылез на ветер, хлопнув дверцей, пошел мелкими шагами, не сглядываясь, к месту остановки.

Капитан вылез за ним. Тоска разламывала его. Он шел медленно, подошел к машинам. Два шваба, сопя, пытались вытащить длинную толстую палку, засунутую под машину выше передних колес, служившую тормо-

Зем для буксируемого грузовика. Но здесь его занесло, и теперь его не стащить с места, не убрав палки, — колеса не вернутся.

— Ушли за топором в тот дом, — сказал один из швабов, показывая рукой на каменный белый дом, стоявший в стороне от дороги.

Капитан сел на камень и жадно глотал холодный, резкий воздух. Море кипело под ветром, зажатое островами. Травы были колючи, а скалы белы, точно покрыты снегом.

3

Журналист из Белграда в мохнатой зеленой куртке раскуривает большую трубку. В белой маленькой кафане пусто, потому что уже не рано. Здесь ложатся спать с закатом. Это, конечно, преувеличение, но не очень большое. Во всяком случае они с капитаном полноточны. Журналист наливает вина в граненый пузатый стакан и зовет слугу.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Филипп.

— Пошлем швабу вина...

Слуга ждет приказаний. Филипп ударяет кулаком по столу. Вино расплескивается на клеенку, которой покрыт стол.

Шваб не видит этого жеста. Он сидит за отдельным столиком, за перегородкой, рядом. Он ест один. Он не должен сидеть за этим столом, в комнате, где сидят гости.

— Не давай ему вина. Я не хочу...

— Пожалуйста, — говорит журналист. — По-моему, Филипп, ты здорово устал. Пойдем скоро спать.

— Нет, ты сначала расскажи, доскажи то, что начал.

Радо говорит, покуривая трубку, извергающую тучу сизого дыма, о том, что он разыскивает кое-какие сведения о временах, когда он партизанил здесь. Надо восстанавливать события во всех подробностях.

— Во всех подробностях, — говорит Филипп, — ты прав. Ничего нельзя забывать, не правда ли?

— Это пригодится потомкам, — говорит журналист. — Они не поверят, что мы выжили после всего, что было.

— Это пригодится и нам, — говорит Филипп, — и, может быть, именно для того, чтобы жить дальше...

В комнате, где они ночуют, не закрывается ни одна дверь. Та, что на балкон, открывается от порыва ветра бесшумно, и оттуда врывается шум моря и ветер. Та, что в коридор, открывается с треском и хрипом, и слышно, как поют и ноют другие двери в коридоре и как стучат ставни. Этот дом потрясен бомбежкой до основания, в нем перекорежило все рамы и все косяки.

Прижавшись к скале, стояла крестьянка с корзиной в руке, и крестьянин придерживал серого осла...

Кровати журналиста и капитана стоят рядом. Но они еще не спят. В дверь стучат. Входит шваб, как будто его толкнул ветер из коридора. Он стоит у двери и смотрит бессмысленными, свинцовыми глазами. Какая-то дикая усталость лежит на его лице, заросшем, синечерном, худом, потухшем.

— Какие будут распоряжения на завтра? Когда мы едем? — говорит он, ни на кого не глядя.

Филипп смотрит на него так, как будто видит его первый раз.

— Мы едем в восемь утра, все.

Шваб поворачивается к двери.

Филипп наклоняется, чтобы снять сапоги, и вспоминает, что каждый вечер эта возня. Сапоги узки, и с ними мучаешься каждый вечер.

— Стой, не все! — кричит он швабу.

Шваб делает четкий поворот. Он опять стоит руки по швам, застывший и мрачный.

— Сними сапоги, — говорит совсем мирно капитан. Филипп упирается другой ногой ему в зад, сапог действительно тесен. Наконец один сапог снят. Снова шваб сгибается почтительно над каблучком, захватывает своими мягкими пальцами каблук, и пальцы становятся стальными. Капитан дает ему пинка, и немец с сапогом садится на пол. Он понимает шутку. Он снова на ногах и ждет приказаний. Сапоги сняты — что дальше?

— Чтобы завтра ты был побрит, — грубо говорит ему капитан.

Немец молча наклоняет голову и уходит.

Море шумит за окном, и двери стучат вперемежку со стуком ставен, и если погасить свет, то покажется, что кто-то все время входит и выходит из комнаты.

Журналист и капитан лежат, накрывшись до горла ватными одеялами. Они лежат с открытыми глазами.

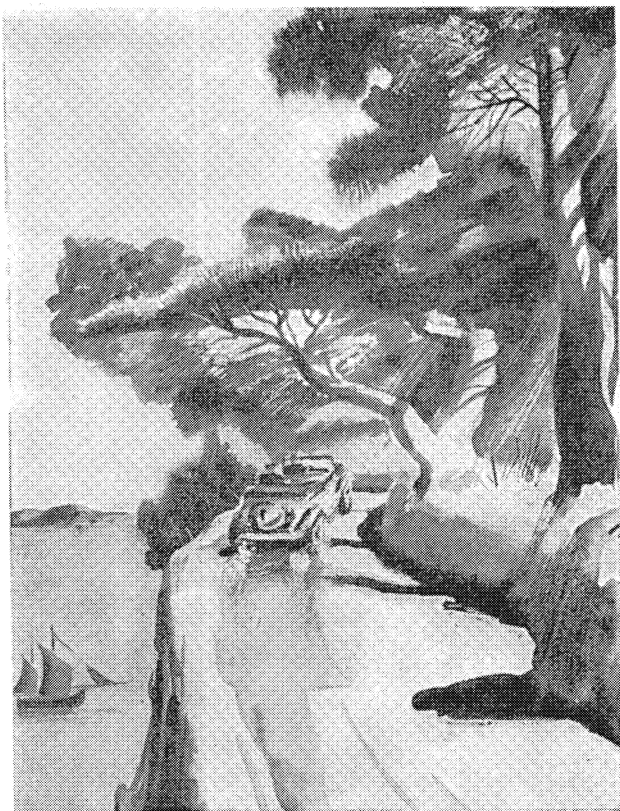
— Радо, ты говорил о воспоминаниях. Я тоже вспоминаю. Я не могу спать, понимаешь...

— Подожди, Филипп, друг, может, это не надо вспоминать... не все надо вспоминать.

— Ты же не знаешь, о чем я буду говорить. Слушай. Этот ветер там, за окном, напомнил мне одну ночь. Ты был в Боснии тогда, а я на островах. И мне сказал начальник, он позвал меня и сказал, что я буду при этих, при англичанах, офицером связи. Я знаю эти места и помогу им. Они искали немецкие баржи, что перебрасывали войска ночью. Мы вышли в такую темень, что я не видел собственной руки. Только если приглядеться, то белые буруны шли вдоль борта. Внизу в каюте горел свет, но я был на мостике, а кораблики были очень маленькие, но злые и дотошные. Мы ничего сначала не видели и не слышали, и я думал, что все обойдется тихо из-за темноты и что я только промокну до костей. Я заранее присмотрел, где мне отлежаться внизу, в тепле. Но это не вышло. Ничего не вышло. Такая была ночь.

— Подожди, как будто открылась дверь.

— Чорт с ней! Если кто и войдет, так это пьяный, который заблудился в этой гостинице. Он пошатается здесь и выйдет снова в коридор. Слушай меня. Англичанин схватил меня за руку и показал вперед. Я понял это потому, что его рука куда-то протянулась передо мной. Я увидел слабый-слабый отблеск и тотчас же услышал шум мотора. Мы пошли на сближение. Мы пересекли путь какому-то транспорту и дали сигнал. Тут могли быть и наши. Они, ты знаешь, приходили с Виса, и легко можно было ошибиться в этой кромешной тьме. Но они ответили ясным сигналом, и это был не наш сигнал. Они обозначились. Тогда мы дали свет, и я увидел с мостика, что перед нами пароход, чорт его побрал, и длинный квадратный понтон. Он волок его за собой. Откуда мы знали, что на этом понтоне два танка и двадцать пулеметов! Тут они устроили иллюминацию, и все море заиграло от трассирующих пуль. Мы дали им сигнал следовать за нами. Они отвечали удвоенными залпами. Пули, мне казалось, полосовали наш кораблик, как хотели. Каждую минуту я, не моряк, готовился очутить-

Дорога вилась по самому краю гор...

ся в воде. Но раз так — мы дали по ним хороший залп, и они посыпались в море. Потом мы дрались вслепую, но очень упорно. Там что-то загремело, и раздался такой взрыв, что я зашатался, как пьяный. Потом все осветилось, потому что загорелись бочки с бензином. Они плавали и освещали всю картину. Немцы выли, качаясь среди волн. Кораблик у них сдрейфовал. Другой наш катер залепил и ему. Он утонул так быстро, что даже никто оттуда не закричал. А эти ближние вопили, как резанные. Мы боялись, что они бросили мины в начале боя. Англичанин хмыкнул и повел катер к ним. Но было поздно. Волна шла большая, и ничего не было видно. Но кое-кого мы выловили. Один поднялся из воды худой, и в лучах света я увидел его мокрое лицо, глаза испуганной ящерицы. Он вцепился в канат, который ему бросили, и вылез...

Филипп замолчал, и слышно было только, как он ворочался на постели, точно отыскивал трубку, которая упала в складки одеяла, но ведь он не курил. Поэтому Радо спросил:

— Почему ты замолчал? Что же дальше?

— Дальше, — раздался сухой голос Филиппа, — дальше, на другой день этот шваб зарезал часового, англичанина, и бежал. Потом мы узнали все про него. Это был большой негодяй. Он вырезал целые деревни, резал женщин и детей. Он сжег раненых английских летчиков. Он...

Голос Филиппа прервался. Журналист отыскал спички и раскурил трубку. Море шумело, как будто волна вот-вот ворвется в комнату. Дверь на балкон стояла открытой.

— Что с тобой, Филипп? — спросил Радо. — Почему ты замолчал? Может быть, все-таки не надо больше вспоминать? Может быть, я договорю за тебя?

Филипп молчал. Там, где он лежал, было так тихо, как будто он встал и ушел из комнаты. Но он лежал, он никуда не уходил. Только гудел ветер, и теперь дверь в коридор открылась со стуком.

— Филипп, — сказал Радо, — это был тот самый шваб, который убил твою мать, твою сестру, твою жену, Филипп, да? Это лучше говорить, когда темно, правда, и тебе будет легче. Это он сделал обманом. Он предложил обмен заложников, и когда ему дали список, он вместо выдачи расстрелял по списку. Так это было, Филипп? Я все это знаю. И я знаю, что если на тебя сегодня нашло, надо было все сказать вслух. Ты можешь мне не отвечать, Филипп. И больше ничего не говори. Ради бога, больше ничего не говори. Спи. Я сейчас попробую закрыть хоть одну дверь.

Он встал в темноте, натолкнулся на стул, потом на туалетный столик, нашел ощупью дверь и, прежде чем подпереть ее своей палкой с головой козла, просунул голову на балкон и вдохнул чистый, почти морозный воздух глухой ночи. Где-то вдали мерцал огонек, и это хорошо действовало на нервы. Он закрыл дверь, загнал палку между углом дивана и простенком и вернулся на кровать.

Филипп не издавал ни звука. Даже нельзя было сказать, спит он или лежит, затаив дыхание. Радо лег и накрылся с головой. Он не помнил, как быстро заснул.

Он проснулся, когда в комнате было уже светло. Сквозь створки жалюзи шли бледные лучи раннего утра. Кровать Филиппа была пуста. Радо поискал его глазами, не меняя позы. Филипп стоял на балконе и смотрел вниз. Он видел перед собой волны прибоя, набегавшие на маленький мыс, волны, разбивавшиеся в бухте о стенки набережной. Море было пасмурное, горизонт в тумане, белые гребешки возникали, как будто кто-то громадный дул на воду и она поспешно бежала к берегу, старалась уйти от ледяного этого дыхания.

Филипп смотрел на берег, где его собственный шваб мыл машину, возился с тряпками, залезал внутрь, открывал дорожный ящик, рылся там, снова шел вокруг, проверял колеса, лазил под кузов. Потом он успокоился, убрал тряпки, сел на камень и стал смотреть на море. Он сидел, маленький, съезжившийся, охватив подбородок руками, не шевелясь. Потом он что-то вынул из куртки. Этот предмет был мал, он вертел его, и Филипп мог только догадываться, что это у шваба в руках. Филиппу показалось, что шваб что-то снял с пальца и снова сунул под куртку.

Потом он встал и начал шагать возле машины, как часовой.

4

Были видны далеко внизу крошечные фиорды, замыкавшие извилистые бухты, где на песке лежали на боку лодки. Над ними белели крошечные, почти игрушечные с такой высоты домики. Маленькие паруса уходили к мысу, напоминавшему коричневый каравай. Деревья, похожие на кусты, лепились по самому склону.

Дорога вилась по самому краю гор, и целый мир был виден далеко внизу. Дорога петляла, обгибая причудливые скалы, и нельзя было видеть, кто идет навстречу, потому что дорога шла почти на одном уровне, очень незаметно повышаясь. Природа была замкнута, как будто ушла в себя, отказалась от ярких красок, и только в небе блестели светлые полосы да ярко сиял снег на крутых склонах бесконечного Велебита.

— Отчего вы заклеили себе лицо пластырем? — Филипп откинулся на сиденье и рассматривал сбоку шваба, курившего сигарету, которую он достал из ящичка, вделанного в стенку машины. Там лежал весь нехитрый его достаток: сигареты, иголки, нитки, тряпочки, проволока для прочистки мундштука, спички, маленький электрический фонарик, два апельсина и кусок хлеба.

На этот раз шваб обернулся, и черная ленточка пластыря, шедшая поперек щеки, стала почти вся видна. Несмотря на повороты дороги и извилины горного пути, он обернулся и сказал тихо, но твердо:

— Вы приказали мне побриться. Я брился сам без опасной бритвой. Я не умею бриться безопасной бритвой. Я сильно порезался.

Клубок выпал из ее рук...

Он снова уткнулся в руль, и Филипп видел только его пальцы, охватившие баранку руля. Это были уже не вареные макароны. Это были железные клещи, посилавшие от напряжения. Что-то дикое стало подыматься у Филиппа со дна души. Он смотрел в окно, но бежавшие сбоку горы и мелькавшие внизу в огромной пропасти домики и бухты не могли ничем ему помочь. Он сжал кулаки и сидел неподвижно, смотря только в небо, на светлые длинные полосы лазури, лежащие над морем.

— Почему вы не спросите меня, где я научился немецкому языку? — вдруг сказал он громким и ясным голосом.

На этот раз шваб не обернулся. Он сказал, слегка поклонившись, как будто стоял перед Филиппом:

— Шофер не имеет права спрашивать.

Филипп невесело засмеялся.

— Вы не хотите понимать сербский язык?

— Я не знаю его, — ответил шваб по-немецки.

— Я изучил немецкий язык, когда учился в Германии, но не настолько, чтобы бегло говорить. Но я стал бегло говорить после... после, когда был в концлагере. И бежал оттуда. Да, бежал. Но вы напрасно не пользуетесь сербским языком. Не все знают немецкий, как я.

— Я не знаю сербский язык! — упрямо повторил шваб, и машина резко замедлила ход.

Филипп увидел, как из-за поворота на них сползает большой, тяжело нагруженный грузовик из тех ЮНРРА, которые ползут по всей дороге. Справа был обрыв, внизу светилось море, белые камни, крошечные деревья. Грузовик медленно и неукротимо сползал на их маленькую машину. Оставалось три метра, когда он остановился. Шваб быстро проговорил длинное ругательство и начал пятить машину, оглядываясь назад, тщательно прикидывая расстояние между колесами и обрывом. Около километра шел он так, пока не смог загнать машину вплотную к скалам, на небольшую площадку. Тут он вылез, вытер пот, обошел машину, посмотрел ее кузов, открыл дверцу к Филиппу и сказал, сплевывая желтую слюну:

— Похоже было на то, что крышка, а? Вы видите, как тут ездить.

Филипп вышел из машины и ходил, разминая ноги. Он подошел вплотную к швабу и спросил тихо, смотря в его сощуренные от дыма сигареты желтые глаза:

— Что вы нашли сегодня утром такое, что так долго рассматривали там, у моря, когда чистили машину?

Шваб выбросил изо рта недокуренную сигарету, руки его легли по швам измятых, старых штанов; он втянул голову в плечи и ответил, немного прокашлявшись:

— Я нашел интересный камешек.—Он сейчас же нагнулся и поднял с земли светлосерый, в потеках, маленький камешек. — Вот приблизительно такой. Да, вот почти такой камешек.

5

На маленькой эспланаде горели редкие фонари, из дверей кафаны квадрат света ложился на камни, но все селение было погружено в ночь, в темноту. Где-то за последними домиками, на взгорье, лаяли собаки. Воздух был теплый, как будто вернулось лето.

Филипп вошел в домик, хорошо ему знакомый, в узком переулке, у самой воды. Стоянка была занята распутываньем большого клубка темных ниток. Она обернулась на стук двери и увидела Филиппа.

Клубок выпал из ее рук и мягко упал на пол. Она не посмотрела на него, стояла, не сводя глаз с капитана. Потом она положила руку на грудь и сказала:

— Как ты меня напугал, Филипп. Дай на тебя посмотреть.

Теперь она справилась со своим смущением и стояла высокая, статная, и ее расшитый передник почти касался шинели капитана. Он подал ей руку и спросил:

— Где Микола?

— Отец в море. Он скоро вернется. Он сказал, что ему нездоровится и он оставит Павла и других, а сам вернется.

— Он далеко в море?

— Совсем недалеко.—Стоянка распахнула дверь и вышла на берег. Берег был тут же у дома.—Вот смотри туда...

Капитан посмотрел и совсем почти рядом,—это, конечно, ему показалось,—увидел светлую полосу на воде и над ней темнее ночи корпус небольшого кораблика.

— Отец там. Они будут ловить ночью. Сегодня хорошая погода. Рыба хорошо идет в такую ночь.

— Стоянка, я съезжу за Миколой. Он мне нужен по делу. Где лодка?

— Так спешно он нужен тебе, что ты не можешь ждать ни минуты? — спросила Стоянка.

— Да, ни минуты,—сказал он, сходя к самой воде и оглядывая причал.

Лодки были тут, их было достаточно. Можно было выбирать любую.

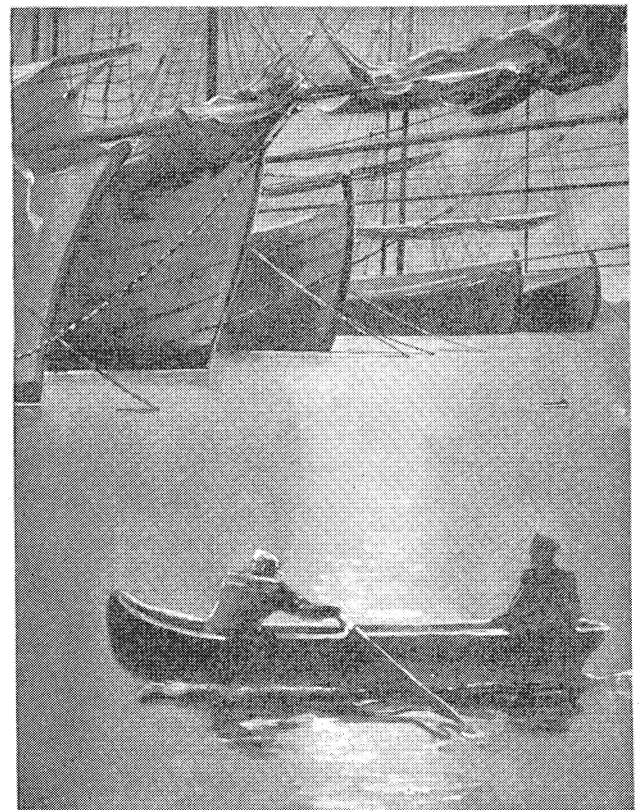
— Я поеду с тобой,—сказала Стоянка.

— Нет, Стоянка, я поеду со швабом. Позови его. Он там, у машины. Поверь, это не каприз. Мне так нужно.

— Хорошо, раз тебе так нужно... Но ты будешь ночевать у нас?

— Буду!

Стоянка засмеялась и ушла в темноту. Шваб пришел тотчас же и молча начал помогать спускать лодку на воду. Капитан не говорил больше ни слова. Казалось, самый процесс спуска лодки и первые всплески весел занимали его больше всего. Стоянка осталась на берегу,

Шваб греб сначала вяло, потом начал налегать на весла...

пока они не отъехали так далеко, что их не стало видно. Тогда она вернулась в комнату.

Шваб греб сначала вяло, потом стал налегать на весла. Капитан сидел на руле. Они плыли в полном молчании. Море было тихое, и вода журчала у самого борта, как будто мурлыкала. Темное холодное пространство дышало необъятной силой и враждебностью. Капитан сидел, уткнув подбородок в воротник, изредка взглядывая на приближающуюся полосу света. Кораблик был совсем близко.

Люди на нем заметили лодку и с любопытством всматривались в плывущих. Лодка стукнулась в борт трибакулы, и сверху сбросили канат. Капитан, держась за него, влез на палубу. Микола стоял возле, и все его морщины были ярко освещены. Он поднял фонарь еще выше и громко сказал:

— Добрый вечер, Филипп. Что случилось?

— Ничего, Микола. Я приехал за тобой. Стоянка сказала, что ты хотел вернуться на берег, что тебе нездоровится.

Филипп жал руки рыбакам. Все это были старые знакомые, приятели, морские партизаны в недавнем прошлом. Филипп стоял у борта, смотря на лодку, плясавшую внизу.

— Я приехал со швабом, который водит у меня машину. Он там замерз, в лодке. Пусть подымеется погреться. Ты, Янко, закрепи лодку, он не умеет, наверное.

Янко спрыгнул в лодку легко, как кошка. Филипп пергнулся через борт.

— Эй, там, в лодке!—закричал он.—Лезь сюда наверх... Живей!

Шваб возился в лодке и долго не мог найти веревку. Янко помогал ему лезть. Филипп поднял фонарь и направил его в лицо швабу. Шваб зажмурил глаза и лез, цепляясь изо всех сил. Мокрое лицо его посинело от усилий. Черный пластырь придавал ему кинематографический вид. Поставив фонарь на край борта, Филипп, не отрываясь, смотрел в это чужое, странное, напряженное лицо, возникавшее из морской тьмы, и когда голова шваба была уже над бортом, он открыл глаза и встретился взглядом с Филиппом.

— Что ты делаешь, Филипп?—тихо спросил Микола и придержал руку капитана, расстегивавшую кобурку.

Рука капитана пожала руку Миколы. Филипп оставил в покое кобурку и отодвинулся от борта. Шваб, тяжело дыша, стоял на палубе, смотря себе под ноги. Филипп прошел по палубе взад и вперед несколько раз, заложив руки за спину, и никто его ни о чем не спрашивал, потому что Микола сделал резкий жест, и все поняли, что с капитаном не надо говорить.

Шваб пошел, вздрагивая плечами, как будто промок с ног до головы. Он юркнул, как крыса, в каюту. Филипп остановился перед Миколой.

— Ну что? — сказал он, точно проснулся и впервые видит перед собой парусник и ночное море.

— Ничего, — сказал Микола. — Сейчас отправимся. А может быть, не надо было, чтоб он подымался из моря, Филипп? Если твоей душе будет легче...—он показал за борт, где белела лодка.

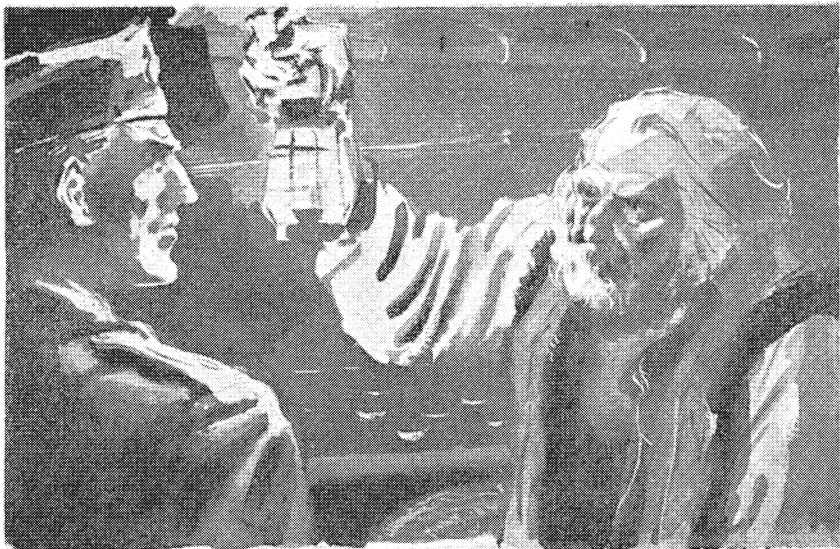
— Нет, — сказал твердо капитан.—Он поедет с нами на берег. Прости, что я привез его сюда.

— Ты отошел, Филипп?—спросил Микола.—Все в порядке?

— Все в порядке, можем отправляться.

6

Филипп сидел на кровати, и видения вечера тихо кружились перед глазами. Он видел дорогу, которая поворачивала к этому маленькому дому, переулок, дверь.

Он поднял фонарь еще выше...

Стоянка была перед ним во всей прелести своей юности, с веселым ртом, большими синими глазами, ее расшнурый передник напоминал какие-то детские картинки, быстро и красиво раскрашенные. Она проходила по комнате и смеялась так легко, что нельзя было не сказать ей: «Ох, какая же ты хорошая, какая прекрасная, Стоянка!» Нет, этого ей не надо говорить.

Потом в комнате шумела тихо ночная вода, и свет прорезал ее таким потоком, что было видно, как тонут там, на этом длинном низком понтоне, уходящем под лодку, и горят бензиновые бочки неестественным, отраженным на морских волнах пламенем. И парусник, где стоят рыбаки, и старик говорит Филиппу на ухо: «Может быть, не надо тому выходить из моря?»

Может быть, это начинается лихорадка? Или все это во сне, и сейчас он откроет глаза и увидит мелькающие тени дороги и впереди себя за рулем темный силуэт?.. А потом опять дорога и дверь в светлую теплую комнату, и не надо никуда уходить и не надо ничего вспоминать, спи, спи, как сказал Радо вчера вечером.

Кто-то вошел так осторожно, что не слышно шагов на старом ковре. Он поднял голову. Шваб стоял на пороге. Он стоял руки по швам, такой же, как был все эти дни, и только пластырь делал его лицо незнакомым в этом полусумрачном освещении, и могло показаться на минуту, что он совсем окривел, так он прищурил левый глаз. Тонкие губы сложились совсем в ниточку, а пальцы вцепились в швы его старых зеленых штанов.

Он смотрел так мирно, точно пришел в эту комнату за обыкновенной простой вещью, которую он забыл. Он был уже совсем домашний и не страшный. А почему он должен быть страшным? Он нелепый и жалкий, и раболепен, как собака, зеленая собака в драной куртке.

— Мы не будем сегодня снимать сапоги? — сказал он, и что-то похожее на улыбку пробежало по вытянутой ниточке его губ.

Капитан вытянул ногу, и все повторилось. Снова он ударил его ногой в зад, и шваб упал на пол, не выпуская из рук снятый сапог. Потом он принялся за другой и, сняв его, встал, отряхнулся, вытер руки о штаны и спросил:

— Когда мы завтра выезжаем?

— Я скажу утром!

— Хорошо, — сказал шваб. — Завтра утром, хорошо.

— Я забыл, кем ты был в армии?

— Я был шофером. Шофером—Африка, Алжир, Сицилия, Италия, Истрия.

- Разве Алжир не Африка?
- Африкой мы называли Ливию и Триполитанию.
- Все. Понятно. Иди!

7

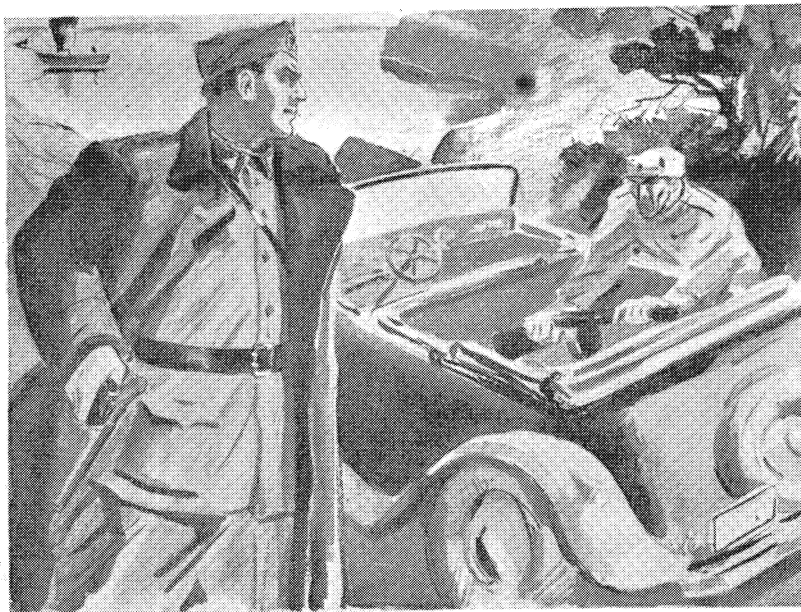
Белые камни, такие белые, как будто на них лежит снег. Если прищурить глаз — совсем зимний пейзаж. И снова маслины с коричнево-черными стволами и развалины-домики без крыш, пустые окна, руины. А там, наверху, уже другие горы, и по ту сторону залива высокая Учка — уже нет громады Велебита, дорога шире.

Шваб тормозит машину и вылезает медленно на дорогу. Он копается в открытом моторе, свистит под нос, потом выпрямляется и говорит:

— Мы не доедем. Нам надо менять машину. Можно по телефону вызвать другую. Я схожу в селение. Там есть связь.

Капитан раскрывает дверцу и смотрит на него пристально. Потом он идет к мотору.

— Я кое-что понимаю в моторе. Машина дотянет. Не надо никуда ходить.

Капитан стоит у машины, и его рука лежит на пистолете...

— Машина сдохла, — говорит шваб.

Капитан смотрит мотор. Одним глазом он смотрит и на шваба. Шваб говорит:

— Я посмотрю еще раз.

Он идет к машине, влезает в нее. Он шарит в ней. В его руках автомат капитана. Он смотрит на него, как зачарованный. Капитан стоит у машины, и его рука лежит на пистолете. Одно мгновение шваб неподвижен. Капитан смотрит на него с тем спокойствием, какое приходит всегда, когда надо считать секунды. Секунды идут. Шваба дергает едва заметная судорога. Потом он говорит хрипло:

— Я не видал таких...

— Это русский автомат, — говорит капитан, не снимая руки с пистолета.

— Русские — очень хорошие солдаты, — говорит шваб и лезет под сиденье, достает проволоку и выходит из машины. — Я попробую еще раз, но машина так плоха, что мы не доедем.

— Мы доедем! — говорит капитан, снимает руку с пистолета и садится на свое место.

Шваб пожимает плечами, захлопывает крышку мотора, убирает проволоку.

Машина трогается. Шваб сидит маленький, жалкий и потный. Его пилотка лежит рядом с ним, он достает из нее сигарету, и рука его стала опять мягкой, серой, старой. Он совсем похож на тех, что ездят на машинах ЮНППА, он ничем не отличается от них.

И тогда капитан говорит серьезно и строго:

— Вы бывали с нашей машиной в Триесте?

— Два раза.

— Отчего вы не бежали к англичанам? Многие из вас предпочли англичан.

— Мне некуда итти. Мне незачем итти. Мне ничего не надо.

8

— Вот мы и доехали!

— Да, мы доехали. Что теперь?

— Теперь идите в гараж.

Шваб идет по двору, уставленному машинами. Его шатает из стороны в сторону. Капитан входит в дом управления.

Он сидит в кабинете, том самом, где большая карта оккупационной зоны Б занимает всю стену, где на столе два телефона и в комнате тишина, присущая такому месту.

— Филипп, — говорит майор, смотря ему пристально в глаза, — я могу тебе кое-что сообщить. Все правильно. Ты съездил хорошо?

— Хорошо. Все сделано.

— Где он?

— Он в гараже. Дай ему поужинать.

— Ужин не так важно.

Майор звонит. Входит прапорщик.

— Возьмите двух вооруженных солдат и приведите сюда шофера, того, что ездит на итальянской спортивной, Карла. Будьте осторожны.

Филипп усмехается:

— Можете не брать вооруженных. Насколько я понимаю, мы его не увидим.

— Он не может уйти. Гараж окружен.

— Все равно вы его не найдете.

Прапорщик смотрит выжидающе.

— Исполняйте приказание, Филипп шутник. Ну, ну, ты все шутишь. Итак, двух вооруженных и его сюда — живо!

Прапорщик идет к двери.

Филипп кричит ему вслед:

— Возьмите кольцо, ищите в подкладке или во внутреннем кармане. Он не прячет его далеко.

— Филипп, я ничего не понимаю.

— Ты сейчас поймешь. Подожди пять минут.

Они появляются, прапорщик и солдаты, чуть позже указанного срока. Прапорщик кладет на стол кольцо. Оно старое, с вензелем и короной, очень маленькой, полустертной.

— Он брился, когда мы пришли за ним. Он слышал, как мы спрашивали, где он. Он перерезал себе горло. От уха до уха. Старой бритвой.

— Правильно, — сказал Филипп, — все правильно. Я сказал, что вы никого не найдете.

Он берет кольцо и смотрит его при свете лампы.

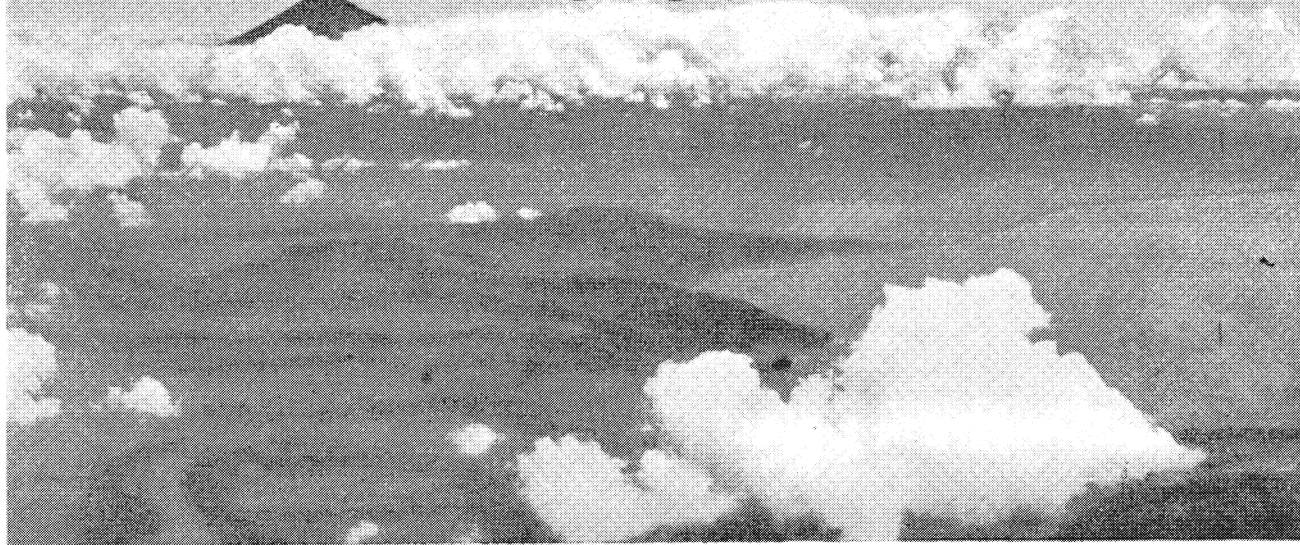
— Э. Л. Б. — Эрих-Леопольд-Брун. Африка, Алжир, Сицилия, Италия, Истрия, обер-лейтенант эсэс. Мы знали о нем больше, чем он сам.

Он кладет кольцо на стол и говорит еще раз:

— Все правильно. Сознаюсь тебе, я здорово устал, дорога была трудная, и машина не годилась никуда.

В побежденной Японии

НИК. БОГДАНОВ

Фото Н. Петрова

1. ЯПОНИЯ СВЕРХУ

На борту амфибии.—Страничка из Гончарова.—Над островом Хонсю.—На токийском аэродроме.—„Летающие гробы“.

Японию мы увидели 31 августа 1945 года в час пополудни с высоты трех тысяч метров. Погода стояла чудесная. Накануне во Владивостоке мы купались. Всю дорогу под нами сверкало перламутровой чешуей Японское море, волнуемое легким ветерком. Словно подгоняемая им, наша голубая амфибия, пилотируемая морским летчиком Ячменевым, плавно и быстро неслась на восток. Впереди шла амфибия капитана Цурбанова, на которой летели кинооператоры.

Вдруг ведущая машина клонула носом вниз, привлекая наше внимание. После нескольких часов однообразия полета над водной гладью мы видели впереди черно-зеленые силуэты гор и белую кайму прибоя.

— Справа островок Хекура-сима, слева остров Садо-сима, — сказал наш штурман, лейтенант Швецов, — а прямо по курсу сама Япония.

Под нами уже земля. Каждая страна с воздуха выглядит по-своему. Япония как бы шахматная. Все ее долины расчерчены квадратиками рисовых полей. Ее леса — искусственного насаждения. Высоко в горы поднимаются терраски с посевами. Вся она словно сделанная, а не естественная.

Западный берег острова Хонсю, обращенный к нам, был весь залит солнцем. Стоило подлететь к горному хребту, разделяющему остров как бы на две половины, как внизу мы увидели восточную половину его, закрытую облаками, задернутую мраком непогоды. А над хребтом нас сильно встряхнуло, и в стекла кабин ударила самая настоящая снежная буря.

«Странная, замечательная пока своей неизвестностью земля растянулась от 32 до 40 с лишним градусов широты, следовательно, с одной стороны южнее Мадеры. В ней господствует зной и морозы, растут пальма и сосна, персик и клюква. Там есть горы, равные

нашим высочайшим горам, в горах — мы знаем уже — родится лучшая медь в свете, но не знаем еще, нет ли там лучших алмазов, серебра, золота, топазов и наконец, что дороже золота, лучшего каменного угля».

Так почти сто лет назад писал Гончаров — первый русский писатель, побывавший в этой стране.

Путешественники ошибались в оценке богатств Японии. На ее островах не оказалось ни коксующегося угля, ни хорошей железной руды, никаких драгоценностей, кроме миллионов нищих людей, подневольный труд которых был основной ценностью, которой владели японские богаты.

Впрочем, нам с высоты видно, что Япония богата «белым углем». На ее многочисленных горных речках всюду плотины гидроэлектростанций. Линии высоковольтных передач сверкают стальной паутиной над этой словно искусственной страной.

Сильный ветер иногда разрывал облака, и мы видели на восточном побережье острова Хонсю те же квадратики рисовых полей, а среди них корпуса фабрик и заводов, линии дорог. Снова плотины гидроэлектростанций и линии оросительных каналов.

Но трубы фабрик и заводов не дымили, на дорогах не видно движения. Страна была словно мертвой.

Неожиданно внизу показалась водная гладь, такая необъятная, что стало больно глазам. Мы перелетели поперек всю Японию и увидели Тихий океан. Облака занавешивали только землю, а над водой их не было.

Наши самолеты снижаются. Летчики хотят разглядеть кромку берегов, найти лазейку к токийскому аэродрому, находящемуся где-то под облаками. !

— Вышли точно, — говорит штурман. — Смотрите, под нами флот союзников!

Сверху эта армада в тысячу кораблей казалась лишь стайкой птиц, присевших на воду, — так велик был океанский простор. А ведь среди них был и линкор «Миссури» — самый большой военный корабль Америки, и самые мощные линкоры Англии — «Король Георг V» и «Герцог Йоркский».

На пожарищах Токио сиротливо стоят японские боги, брошенные людьми...

Наступила темнота. Наш самолет нырнул в облака, как под одеяло. Стекла кабин запотели. Облака были так насыщены влагой, что вода так и брызгала из них. Амфибия стала мокрой, как мышь. Откуда-то капало за шиворот. Судя по альтиметру, мы быстро снижались.

Это был самый рискованный момент перелета. Каждый из нас напряженно вглядывался вниз. Ячменев, стиснув зубы, сжимал штурвал, готовый к таким неожиданностям, как высокое здание, отдельная гора, фабричная труба... Эти самые нелюбимые предметы летчика сейчас были особенно опасны.

Но по всем расчетам, под нами где-то должен быть токийский аэродром Адуги, с широкими бетонированными полосами. Летчик уверенно ведет машину вниз.

Вот мелькает светлая полоска. Это река. Снижаемся так, что видим домики и выбегающих на шум моторов людей. Идем над рекой. Поворот с резким креном. Видно какое-то серебряное сверканье. Мелькают алюминиевые крылья больших самолетов. Значит, сюда попали. Это американские «Летающие крепости». На них должен был прибыть в Японию главнокомандующий войсками союзников генерал Макартур и с ним советский уполномоченный на подписание акта о безоговорочной капитуляции генерал-лейтенант Деревянко.

Бетонная посадочная полоса струилась от дождя, как широкая река. Амфибия капитана Цурбанова приземлилась, вздымая веер брызг.

Приземляемся вслед за ведущей машиной капитана Цурбанова. Уф, наконец земля! Винты закрутились в обратную сторону. Машина покатила по инерции быстрее гоночного автомобиля. Летчик смотрит, куда подруливать. Нас никто не встречал, в такую погоду не ждали. На аэродроме было безлюдно. Наконец появился зеленый малютка «виллис», так знакомый по германскому фронту. Значит, здесь американцы. Мы слышали, что два дня тому назад в районе Токио высадились части авиадесантной дивизии. А вот и сами парашютисты. Не успела наша амфибия подрулить на

стоянку, как нас окружает толпа военных в свободных, спортивного покроя, костюмах, с автоматами, подвешенными подмышками, в больших касках.

Только вылезли из машины, как услышали радостное приветствие десятков голосов:

— О-кей, Иван! Вери гуд, Иван!

На лицах неподдельное радушие. Поднятые вверх пальцы означали высшую степень одобрения нашей отличной посадке в нелетную погоду.

Стоило нам произнести несколько русских фраз, как в ответ зазвучала славянская речь. Среди американских парашютистов оказалось немало ребят славянского происхождения. Тут и чехи, и словены, и сербы, и поляки. Их деды и прадеды переселились когда-то в Америку, но и сейчас многие эти американцы знают отчий язык.

Мы отлично понимаем речь словена из Истрии Майко Радака. А вот к нам подбегает американский лейтенант Генри Иванович Зинковский. Его дедушка из царской России отправился искать счастья в Америку. Внучек все же знает русский язык и отчетливо произносит:

— Разрешите доложить в штаб, что прибыли советские корреспонденты из Москвы?

И тут же шутит:

— О, как вы не спутали адрес в такую дурную погоду?

— А мы хорошо изучили эту дорогу, — отвечает наш штурман по-английски. — Мы думали возить сюда бомбы, но война так быстро кончилась, что привезли корреспондентов.

Раздается одобрителный гул. Американцы любят и ценят в разговоре шутки, остроты, неожиданные обороты.

— Сколько же вам пришлось лететь, чтобы посмотреть на выражения лиц японских воляк, когда они будут расписываться в поражении? — бросает по-русски Генри Зинковский.

— Двенадцать тысяч километров.

— О-кей, какой длинный путь, при такой короткой

Таким возникает Токио из пепла... (Снято 3 сентября 1945 года.)

войне! Ведь японцы сдались на второй день после того, как вы ее объявили?

— Да, если не считать, что после этого нашим войскам пришлось разбить миллионную Квантунскую армию, преодолеть пустыни Чахара, Хинганские горы, железобетонные укрепления на сопках Манчжурии, уложить при этом восемьдесят тысяч японских солдат да пленить тысяч пятьсот...

Громкий хохот американцев одобряет этот ответ.

— Какова Япония? — спрашивает штурман.

— Издалека она казалась значительно лучше, — усмеваются парашютисты.

Нам поданы машины. Прощаемся. Все хотят на память о встрече иметь сувениры. Достаем из карманов случайные гривенники и двугривенные. Их расхватают мгновенно. Майко Радак объясняет, что он просверлит в гривеннике дырку и привесит его в качестве брелока к часам.

Когда мы ехали по аэродрому, то за строем «Летающих крепостей» разглядели довольно много японских самолетов. Темнозеленые машины с желтыми значками теснились на задворках аэродрома, ими были забиты прилегающие вишневые сады и бамбуковые рощи.

Генри обратил наше внимание на коротенькие, толстобрюхие самолеты с какими-то крупными иероглифами на крыльях.

— Это для камикадзе, для летчиков-смертников, — сказал он. — Мы отыскали до двухсот таких машин. Самые настоящие летающие гробы. Пилот, садясь в такой самолет, отправлялся сразу на тот свет. Он должен был спикировать на вражеский корабль и — фьють! — Американец выразительно свистнул.

Мы внимательно присматривались к этим самолетам. Начиналось «японское».

2. ТОКИО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На пепелище императорского Токио. — В советском посольстве. — „Спасительная“ хризантема. — „Пустой день“ японской столицы.

Узнав, что подписание акта о капитуляции отложено на два дня, мы поехали посмотреть японскую сто-

лицу, громадный город, неестественно выросший в какое-нибудь полстолетие на острове Хонсю, на краю «океанской пропасти». Японцы считали, что у них в «большом Токио» восемь миллионов жителей. Они гордились, что в нем сочетаются чудеса Запада и Востока и обычаи старины уживаются рядом с достижениями современной культуры.

На его улицах можно было видеть и домики старинной японской архитектуры, из сосны и лакированного картона, с раздвижными бумажными стенками, и железобетонные здания европейского типа.

По асфальту мчались автомобили новейших моделей, а рядом стучала деревянными сандалиями — «гета» — толпа, сверкая разноцветными шелковыми халатами — «кимоно».

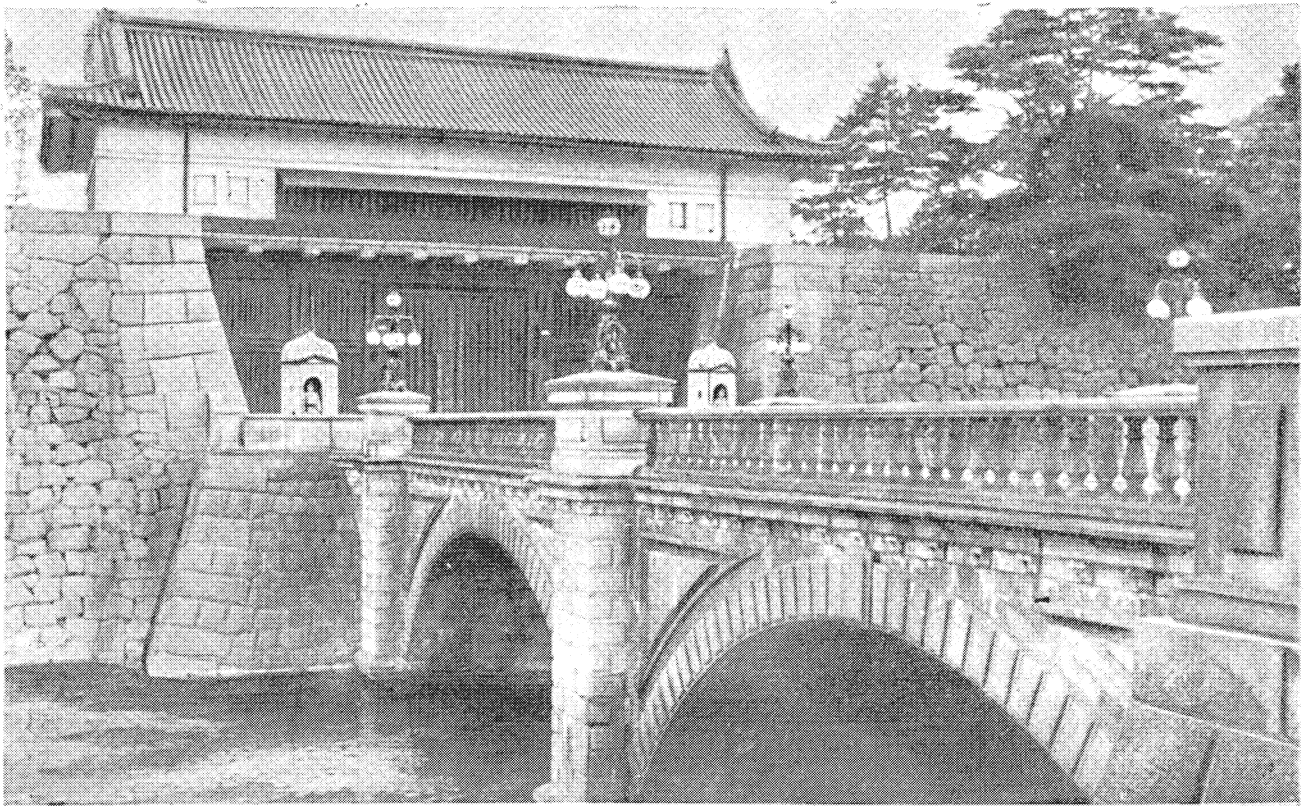
В торговом квартале, на Серебряной улице, можно было купить все, что есть в мире. Французские духи и благовонную амбру, радость малайских модниц. Усовершенствованные немецкие подтяжки и старинные японские ножи для совершения «харакири». Роскошный автомобиль любой марки и сверчка в крошечной лакированной клеточке. В специальных магазинах любители часами просиживают у клеточек, щекоча сверчков соломинками, чтобы вызвать стрекотанье и выбрать лучшего музыканта.

Тут в огромных кинотеатрах шли американские комедии с участием Чарли Чаплина, а рядом в маленьких храмах поклонялись лисице, почитающейся божеством.

Здесь можно было в любом ресторане заказать и бифштекс по-английски и отведать заливного из спирта, любимого кушанья японцев.

В Токио издавалось столько же газет, сколько в Нью-Йорке, если считать на душу населения. Но вместо букв там были иероглифы, древнейший вид письменности, и читались они снизу вверх.

В этом городе, залитом электрическим светом, жил в своем дворце неограниченный владыка Японии — император, которого официально именовали «сыном солнца», «братом луны», «воплощением божества на земле».

...За восемью „священными“ прудами, за восьмиугольником стен, под крепкими замками живет император Японии.

Этот «живой бог» по имени Хирохито любил ездить на автомобиле, занимался ботаникой и любил выдавать себя за ученого, а сам мечтал железом и кровью завоевать весь мир. Теперь он кандидат на скамью подсудимых, как один из главных военных преступников.

Кучке богатеев (говорят, их две тысячи семейств), которая, сплотившись вокруг императора, владеет семидесятимиллионным японским народом, показалось мало своих рабов. Они задумали поработить весь мир.

Но мечты эти лопнули, как мыльный пузырь, когда миролюбивые народы объединились. Вступление Советского Союза в войну против Японии заставило ее капитулировать.

Как же выглядит Токио после войны?

Оказывается, несколько километров мы уже ехали по городу, не замечая города. Под колесами машины бежал асфальт, виднелись заржавленные рельсы трамвая, — других признаков городской улицы не было. Направо и налево расстились бурые пустыри, посыпанные пеплом. Вот в диком поле появилась широкая асфальтированная площадь. На ней стоял полицейский, регулировавший движение. И площадь и движение есть, а домов и даже следа не видно. Слово мы ехали по дну незримого города, смывтого фантастическим наводнением.

Вдруг в районе Серебряной улицы мы увидели множество черных прямоугольников. Это на месте торгового квартала остались тысячи несгораемых шкафов. Все магазины японских купцов сгорели дотла, а несгораемые шкафы для хранения денег и ценностей уцелели. Они похожи на мрачные памятники прогоревшему купечеству.

Ближе к центру стали попадаться остовы сгоревших автомобилей и трамваев. Вызвали удивление сгоревшие танки. Откуда взялись они? Ведь в Токио не было уличных боев.

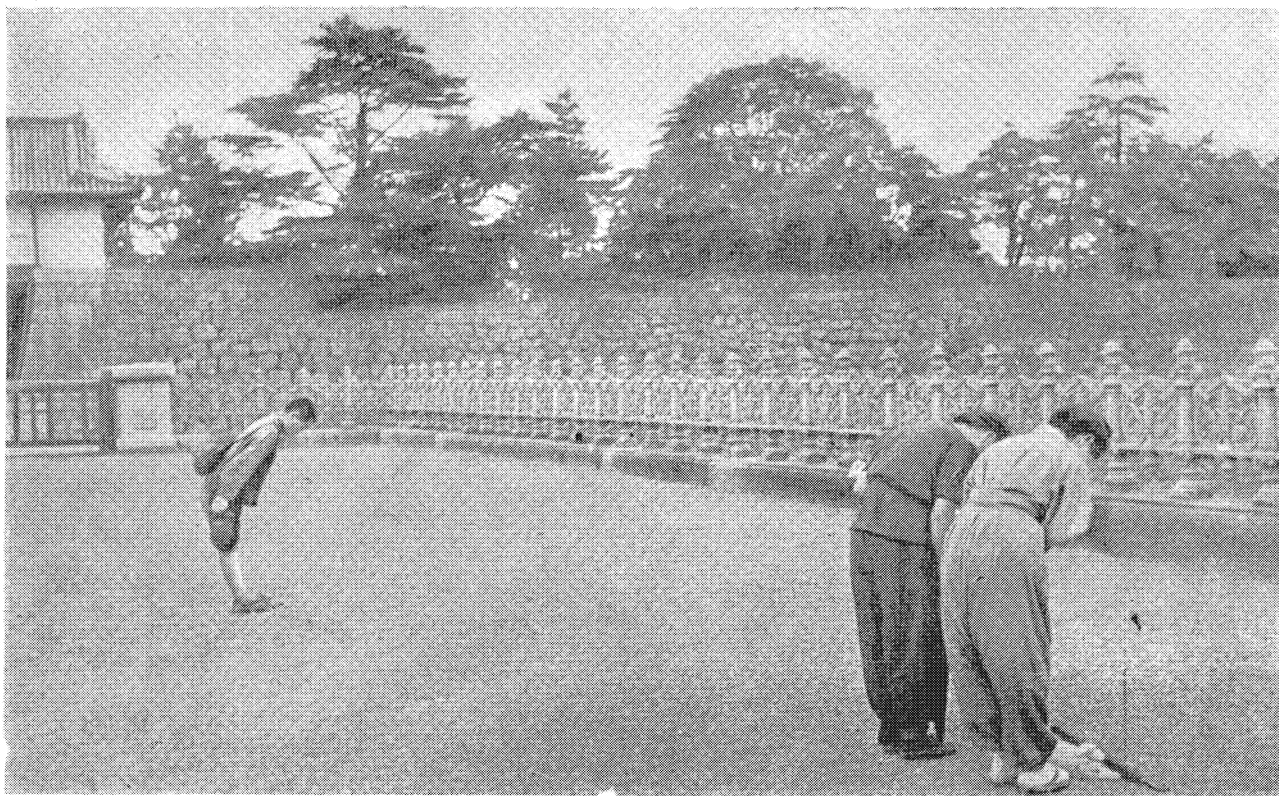
Пораженные этим зрелищем, мы приехали в советское посольство. Железобетонное здание посольства расположено на холме, в вечнозеленом саду. Оно вид-

елось издалека — цветущий островок среди черного моря пожаращ. Над ним величаво реял огромный красный флаг.

Когда мы спросили, что случилось с Токио, Николай Борисович, работник посольства, проживший здесь двадцать пять лет, подвел нас к бетонной ограде и указал с холма вниз.

— Отсюда, — сказал он, — мы смотрели когда-то на причудливый японский город. Нас окружали тысячи домиков из дерева, фанеры и лакированного картона. Их черепичные крыши с загнутыми углами напоминали носки старинных китайских туфель. Домики лепились так тесно, что по многим улицам не было автомобильного движения. В знойные дни лакированные стенки поднимались, создавая сплошной навес. Внутренность домов становилась открытой. Хозяева могли пить чай, перебрасываясь словом с соседями. Мимо лавировали велосипедисты да шуршала по-муравьиному толпа своими деревянными и соломенными сандалиями. Бедная, но пестрая и, пожалуй, живописная толпа. Дешевые кимоно женщины и детей сверкали всеми цветами радуги. Японские мужчины тоже любили щеголять в этом национальном наряде. Когда шел дождь, толпа поднимала зонтики из промасленной бумаги. Получалось довольно занятное зрелище. По вечерам внутри старинных, разноцветных фонариков зажигались электрические лампочки, создавая причудливую картину. Тоненько звонили маленькие колокола синтоистских храмов — служители официальной государственной религии, основанной на поклонении предкам и обожествлении императора, призывали верующих на вечернюю молитву. С ними соперничали звонкие голоса мальчишек — продавцов вечерних газет. Бывшие правители японского народа не жалели средств на пропаганду своих бредовых идей расового превосходства японцев над другими народами, и потому в Токио выходило много газет. А теперь, поглядите, какая здесь пустыня!

Японские правители думали завоевать весь мир, а как только появились первые «летающие крепости»

Дворцу императора поклоняется до сих пор обманутый народ... (Снято 3 сентября 1945 года.)

американцев, удрали в свои имена и замки, бросив жителей на произвол судьбы. Город загорелся от первых зажигательных бомб. В тот день был сильный ветер. И скоро вокруг забушевало сплошное море огня.

— Языки пламени лизали забор, окружавший здание нашего посольства, — видите, оно потрескалось и кое-где обвалилось. Жар был такой, что в саду загорелись пальмы. Они и сейчас стоят черные. Загоралась трава. Мы вооружились брандспойтами и поливали сад, здание, окатывали водой друг друга. В борьбу включились все, от шофера до посла. Пожар был такой силы, что отдельные клубы пламени переносились через наш островок и снова ввергались в бушующее огненное море. Мы кричали и не могли услышать друг друга, так ревели огненная буря.

И нам было радостно.

В несколько часов все было кончено. Город исчез, как приснившийся. Сейчас в Токио осталось не больше пятнадцати процентов домов. Уцелели в основном здания европейского типа — министерства, посольства, банки.

Мы долго смотрели на черные долины, усеянные битой черепицей, на обуглившиеся деревья, торчавшие на месте бывших садов, на валявшихся там и тут каменных божков, потрескавшихся от жары, никому больше не нужных.

Потом вместе с Николаем Борисовичем отправились побродить пешком по остаткам японской столицы.

Стоял душный, безветренный день. После утреннего дождя особенно чувствовался отвратительный запах гари.

Всюду кучи мусора. Висят оборванные провода. У обочины тротуара прислонились железные остовы сгоревших легковых автомобилей, красные, как скорлупки вареных раков.

Николай Борисович постучал своей тросточкой по пустой железной скорлупке и сказал:

— Даже легковая машинка не успела удрать — представляете себе, что здесь было? Американцы бро-

сали зажигательные бомбы по особой системе, создавая кольца пожаров. Куда японцы ни бросались, всюду их встречала стена огня. Чтобы проложить путь бегущим толпам, были посланы танки. Они стали проламывать проходы среди горящих домиков, но тоже были захвачены пожаром. От огня жители бросались в воду. Здесь много каналов и даже домашних прудов для купанья. Но жар был такой силы, что в маленьких водоемах вода закипала, а в больших люди погибали от духоты. Японцам напоминали об их варварских бомбардировках незащитных китайских городов.

Навстречу нам двигалась толпа. Женщины с детьми, подвязанными к спине широкими полотенцами. Мужчины с каким-то скарбом на спинах. Усталые, хмурые лица, оборванная, грязноватая одежда. Все мужчины, начиная от мальчишек и кончая старцами, в зеленом, солдатском обмундировании. Все женщины в неуклюжих штанах. Где же цвета и краски, куда подевались шелковые кимоно?

Оказывается, в Японии с начала войны не вырабатывали шелка. Кроме того, специальным указом император запретил носить кимоно. Неудобно было в широких халатах бегать тушить зажигательные бомбы, рыть окопы и щели, строить укрытия. Согласно указу все японские женщины надели штаны — «момпэ», и сразу обнаружилось, как много среди них низкорослых и кривоногих.

Солдатская одежда, обмотки на ногах не красят и японских мужчин. Особенно безобразна их новая обувь.

Захватив много каучука в Голландской Индии, военное министерство изобрело новый вид обуви. У японцев, носивших деревянные сандалии на ремешке, оттопырены большие пальцы ног: по заказу министерства были оттиснуты резиновые тапочки с отдельным большим пальцем.

Возможно, это удобно, но некрасиво. Шлепали японские мужчины в этих тапочках бурого цвета, словно на раздвоенных копытах.

Выйдя из метро, можно прокатиться по Токио на „машине“ в одну человеческую силу.

Обгоняя эту серую толпу, мимо нас проезжали многочисленные велосипедисты. Чего только не везли на велосипедах! И солому, и дрова, и даже мебель. Повидимому, это основной вид транспорта для зажиточных японцев, так же как для американцев — автомобиль. Можно было видеть, как мимо нас проезжал японский папаша, с важным видом правивший рулем велосипеда, на багажнике солидно сидела бабушка, а на бабушке верхом — внучка.

Попадались новые жилища погорельцев. Иным служил жильем остов сгоревшего автомобиля. Другие построили себе шалаши из волнистой жести, служившей когда-то крышей. Каждое семейство уже повесило фонарик с иероглифами своей фамилии, чтобы ночью не пройти мимо и не споткнуться. Тут же готовили пищу женщины, окруженные детворой, иные с младенцами за спиной.

Таковы были картинки столичного быта.

— Помогало ли японское правительство погорельцам, которым оно хвастливо обещало господство над миром? — невольно напрашивался вопрос.

Оказывается, помогало, но довольно своеобразно. В городе Йокагама, так же пострадавшем, как Токио, к погорельцам явились высшие чиновники. Они принесли цветущую хризантему в горшочке, поставили ее на пожарище и пригласили всех поклониться в знак того, что дух Японии, несмотря на все бедствия, никогда не увянет, так же как этот священный цветок.

В Токио поступили проще. Прямо на перроне вокзала насыпали груды солдатских сухарей и предложили людям, уезжавшим в деревню и мелкие города в поисках крова, запастись на дорогу. Но жители столицы были оскорблены такой подачкой правительства. Тысячи людей проходили мимо сухарей, не взяв и горстки.

К центру города мы поехали трамваем. Публика оглядывала нас, тщательно скрывая свое любопытство. Японцы умеют косить глаза, не поворачивая головы. Они молчаливы и вежливы даже в трамвае. Мы гляде-

ли в разбитые окна, но картины были все те же. Вдруг, на повороте, трамвай замедлил ход, кондуктор позволил и что-то сказал сусюкающим голосом. Все поклонились в одну сторону. Оказывается, это специальная остановка — чтобы поклониться дворцу императора. Отсюда виден кусочек дворцовой черепичной крыши из-за каменной стены.

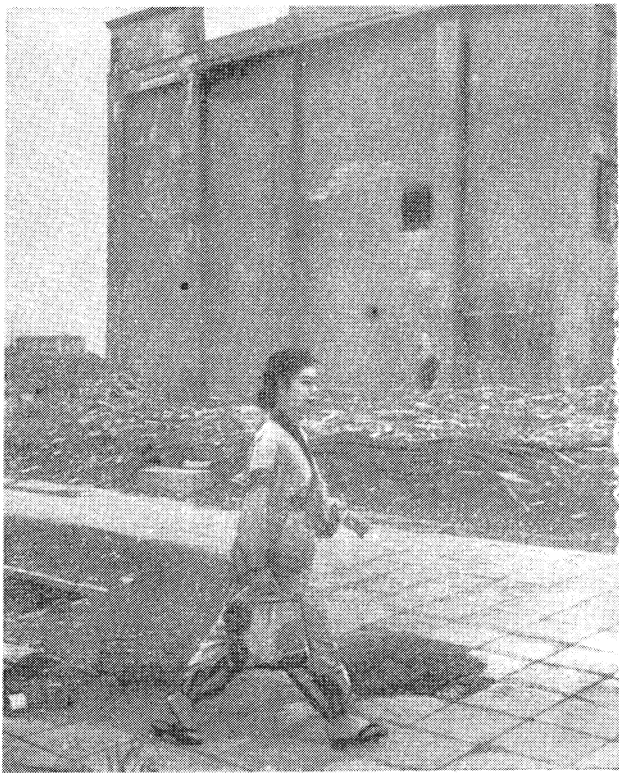
На первой же остановке мы слезли и пошли к дворцу через широкие площади и парки. По дороге решили посмотреть метро. В Токио существует несколько линий метрополитена. Когда мы приблизились к станции, наши фотокорреспонденты сразу схватились за свои лейки. Еще бы! Такое сочетание Азии и Европы в одном кадре не везде найдется: у входа в метро сидели рикши — люди-лошади. Можно, сойдя с электропоезда, выйти из метрополитена и тут же пересесть на «машину» в одну человеческую силу. Нас не прельстила поездка на человеке, и, сфотографировав еще один из контрастов Токио, мы пошли к дворцу.

В те дни американцы еще не вступали в столицу. Штаб Макартура помещался в Йокагаме. Дворец императора охраняли японские войска. Большие отряды стояли у всех восьми ворот, ведущих внутрь каменного восьмиугольника, окруженного восемью священными горами. Пройти поближе нам не удалось, за пропуском надо было ехать к высшему начальству, и мы полюбовались только внешним видом жилища «живого бога».

Старый дворец, где жил император, низок и мал, из-за стен видна только его крыша. Новый, где он давал приемы, сторел от американских «зажигалок».

Японские офицеры, охранявшие дворец, скучали. Они уныло разгуливали парочками по мостам либо катились на велосипедах.

Каждый из них был вооружен современным пистолетом — парабеллумом — и старинным самурайским двуручным мечом. Забавно было смотреть, как эти воинственные на вид офицеры крутили вензеля, положив мечи на руль велосипеда.

Император запретил им носить кимоно. Все женщины надели неуклюжие штаны — «момпе»

Мы вдоволь нагулялись по парку и около священных прудов, заросших тиной, ряской и полных лягушек, которым тут раздолье, ибо все живущее в этих прудах священно и неприкосновенно. Пора бы и уходить, но наш любезный проводник что-то медлил.

Оказывается, уважаемый Николай Борисович хотел показать нам место, где вчера происходило дикое зрелище, которое еще можно было встретить в Токио, — коллективное «харакири».

Накануне здесь, в парке «Мейдзи», двенадцать молодых людей из «ассоциации помощи трону» сели на лужайке и под руководством учителя зарезались в знак соболезнования императору, проигравшему войну.

Тут же в виду императорского дворца сделали себе «харакири» несколько одиночек. Некоторые министры и крупные военные зарезались на дому.

Мы расхаживали, поглядывая по сторонам и держа в готовности фотоаппараты, а Николай Борисович рассказывал:

— В Японии существует до сорока способов «харакири». Собственно, способ распарывать живот один, а предлогов много. Можно зарезаться, чтобы отомстить несправедливо обидевшему начальству, а можно зарезаться, чтобы попасть в рай вместе с умершим императором. Такое «харакири вдогонку» сделал себе известный японский маршал Ноги, когда умер император Мейдзи. Согласно обычаю, министрам императора в случае его смерти приличествует следовать за ним в иной мир. И вот маршал, командовавший современной армией, человек, окончивший академию, в наш век радио и электричества решил поступить по этому дикарскому обычаю. Он вооружился специальным кривым острым ножом, сел на соломенную циновку, обнажил живот и приступил к делу. За компанию рядом устроилась и его жена. Супруги вонзили ножи, как полагаюсь, глубоко в левый бок и провели к правому боку, разрезавшись поперек. Супруга тут же умерла, а маршал еще успел разрезаться снизу вверх. Такое отличное «харакири» было воспринято как подлинно самурайский подвиг, и маршал прославился им больше, чем

Средневековый способ ношения детей сохранился и в столице Японии.

своими военными заслугами. Домик, где он резался, был превращен в музей, и потом школьников водили любоваться циновками, пропитанными кровью, и ножами, которыми резались доблестные супруги.

Все это происходило в городе, где под землей грохочут поезда метрополитена, а над землей летают самолеты.

День, который мы провели в парке «Мейдзи», газеты называли потом «пустым» и сетовали, что по такому великому поводу, как проигрыш войны, так мало совершается «харакири».

На окраинах в полной сохранности, не затронутые бомбежкой стояли самолетостроительные заводы компании «Мицубиси», пушечные заводы «Мицубиси».

Это один из контрастов сегодняшнего Токио. Дома жителей сгорели, как спичечные коробки, а военные заводы уцелели. И в центре города сохранились банки, министерства, посольства, парламент — все, откуда можно управлять страной и войной.

...Ночь. Нам долго не спится. Мешают тропические цикады, огромные, как воробьи. Они врываются в окна с каким-то деревянным треском. Больно кусаются черные японские комары, покрупнее наших.

Мы долго смотрим на темный, молчаливый город, вспоминаем все виденное в нем сегодня.

И невольно вспоминается другая столица мракобесия — Берлин. Совершенно разные по внешности, расположенные на разных концах света, эти два очага средневековья напоминали друг друга многими чертами быта и нравов. Они соперничали в человеконенавистности, — теперь могут посоперничать развалинами.

3. УРОК ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

Плещ из соломы. — Потомки богов. — Четыре тысячи иероглифов. — Чему учили в японской школе.

Мы поехали в Иокагаму, где при штабе Макартура уже собралось двести тридцать корреспондентов всех

„Потомки богов“ и подданные императора обрабатывают землю мотыгой...

стран. От Токио этот промышленный двухмиллионный город совсем недалеко, они соприкасаются окраинами. Между ними курсируют электропоезда, на одном из которых мы отправились в путь.

И вот снова путешествие, полное контрастов.

Нас мчал электровоз, машина, построенная по последнему слову техники, а правил ею японский машинист в очках, в шляпе, но босой.

Большинство пассажиров читали газеты, надели очки и сняв с себя все, кроме трусиков. День был жаркий, и голышом ехать приятнее.

Наше внимание привлек крестьянин в плаще из рисовой соломы, с мотыгой в руках. На нем была одежда, изобретенная с тысячу лет назад. Соломинка к соломинке привязывается так ловко, что дождик стекает по былинкам вниз не хуже, чем с резинового плаща. Нам даже понравилось. Но когда случайный порыв ветра, неожиданно ворвавшийся в вагон, взъерошил все эти былинки и на нас взглянули из вороха соломы два черных, сверкающих глаза, стало как-то не по себе...

Этот бедный крестьянин ехал за сорок километров, чтобы обработать участок, арендованный у помещика на основе старинной испольщины, за половину урожая.

Мелькнули заболоченные рисовые поля, где работали по колено в грязи обнаженные люди в конических соломенных шляпах. Эту древнюю картинку сменили современные городские виды. Показались фабрики и заводы Йокагамы, корпуса которых построены из железа, бетона и стекла.

В этом городе, так же как в Токио, жилища горожан были сметены пожаром, а заводы, верфи, военные склады уцелели. В центре оказалось больше разрушений, чем в Токио. По какому-то капризу уцелели все три лучшие гостиницы.

Сойдя с поезда в районе порта, мы увидели высадку американской дивизии, прибывшей для охраны штаба Макартура.

С удивлением смотрели японцы на высадку американских солдат. Еще вчера их уверяли, будто это невоз-

можно. Газеты писали, что любой японский школьник ножом зарежет первого же чужого солдата. Именем императора уверяли, что высадки не допустит грозная японская армия и «бог гнева», что сама земля японская не потерпит, чтобы ее топтали «белолицые дьяволы».

Затаив дыхание, смотрит средний японец, как беспрепятственно к нему на дом жалуют чужие солдаты.

Для японцев, считающих себя потомками богов, наблюдать это зрелище, повидимому, тяжело. Они застывают, словно в столбняке. А потом, не обмолвившись ни словом, идут прочь с окаменевшими лицами.

В компании с одним американским журналистом зашли мы в японскую школу.

Стояла тишина, как в храме. Школьники внимательно занимались чистописанием.

По выставленным у входа деревянным сандалиям можно было сосчитать учеников. Бурые резиновые тапочки военного образца говорили о том, что и учитель в школе.

Увидев наши офицерские мундиры, учитель подтянулся, как старый солдат, хотя был в штатском, а ученики сделали стойку «смирно».

Мальчики были все черноголовы, черноглазы и в полувоенной форме так походили друг на друга, что казались совершенно одинаковыми.

Прижав к груди лакированную палочку, которой он бьет по рукам нерадивых учеников, учитель, поклонившись, спросил, что нам угодно.

Через переводчика мы объяснили цель нашего прихода.

Учитель охотно ввел нас в класс. Он велел ученикам вернуться к прежнему занятию. Они сели на пол, устланный соломенными коврами, обмакнули кисточки в пузыречки с тушью и начали рисовать иероглифы, держа листки бумаги на коленях.

— Половину учебного времени у нас занято изучением иероглифов, — сказал учитель. — Их необходимо изучить не менее четырех тысяч.

— Но ведь это очень тяжелый труд. Почему бы вам не перенять более усовершенствованную европейскую азбуку?

— Японский народ трудолюбив, а ради красоты иероглифов стоит трудиться, — улыбнулся учитель.

— Но это затрудняет общение с другими странами, вам, очевидно, нелегко перевести современные слова на свой язык. Для того чтобы перевести такое слово, как «крейсер», вы рисуете иероглиф моря и иероглиф молнии. Получается «морская молния». Не сразу можно и догадаться, что это такое.

Но у японца на этот счет было свое мнение.

— О, нет! — ответил он учтиво. — Чувство фантазии широко развито у японцев. Вот, например, для того чтобы написать слово «ссора», мы рисуем иероглиф двух женских фигурок — две женщины означают ссору. — И учитель улыбнулся, довольный своей шуткой.

— Но стоит нарисовать к ним третью женскую фигурку, как смысл настолько изменится, что никто и не угадает, что это будет означать уже не драку и не базар, а государственную измену, — ответил наш переводчик.

Я молчал, вспоминая, что ст. латинского шрифта японцы отказались только потому, что хотели сохранить «самобытность» своей культуры, хотя иероглифы заимствованы ими у китайцев.

Американский корреспондент сказал:

— Я слышал, что эту допотопную письменность охраняет японское правительство для лучшего обмана иностранцев. У них есть иероглиф — восемь углов под одной крышей, — который выражал понятие «восемь родственных азиатских народов под властью японского императора». А после первых успехов в войне против нас и англичан японцы так возгордились, что стали читать этот иероглиф так: «весь мир под властью японского императора». Возможно, поэтому они и считают иероглифы весьма для себя подходящими...

С лица японца не исчезла улыбка, хотя он отлично знал, как все японские интеллигенты, английский язык. В университетах многие дисциплины у них ведутся на английском языке, особенно те, где иероглифы мешают смыслу.

Школьники с большим старанием вырисовывали свои иероглифы. Научиться правильно изображать их — немалое искусство. Каждый иероглиф — целая картинка. Чтобы написать иероглиф, означающий понятие «буйный, цветущий, урожайный», надо сделать двадцать шесть черточек.

Нас заинтересовало, как маленькие японцы изучают свою историю, и с позволения учителя мы спросили одного из лучших учеников о происхождении японского народа.

Мальчик, закрыв глаза, звонко произнес хорошо зазубренные фразы:

— Народ Японии произошел от императора Дзимму Тенно, который был земным сыном богини Аматерасу-сми-ками. Таким образом, он является народом божественного происхождения и находится под покровительством своей великой праматери.

— Неужели вы верите в эту ерунду? — спросил американский корреспондент учителя.

Японец зашипел, как рассерженный гусь, вбирая в себя воздух сквозь зубы, и ответил:

— Я учу тому, что написано в книгах.

Мы просмотрели несколько учебников. Нас заинтересовала «География Великой Восточной Азии для детей» некоего Сокомото. Она написана в форме беседы отца с детьми.

Отец спрашивает, что такое «Великая Азия», а дети хором отвечают:

«— Знаем, папочка! Великой Восточной Азией называется территория, включающая в себя восточную часть Азии, страны южных морей, Австралию и Новую Зеландию.

— Правильно, хорошо усвоили. Если мы посмотрим на карту, то Великая Восточная Азия будет представлять

М. М. ГРОМОВ

Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации

Журналу
„Вокруг света“

«Вокруг света»... Сколько волнующих мыслей и воспоминаний вызывают эти два слова! Старинные рукописи о первых кругосветных плаваниях, рисунки с изображениями фрегатов и каравелл... Парусные корабли, смельчаки на шхунах... Выцветшие фотографии пароходов, проделавших первыми кругосветный рейс. Книжные герои Жюль-Верна — любимцы поколений. Газетные рекламные «чудаки», идущие вокруг света пешком... И, наконец, новый этап в культурной жизни мира — этап воздушный. Я говорю о знаменитом перелете великого русского летчика Чкалова, о Сталинском маршруте. Ведь прямо за этим следует мечта о большем — о рейсе «вокруг Земли над Землей».

Два эти слова в кавычках — «Вокруг света» — знакомы многим из нас, людям старшего поколения, еще с детства: так назывался юношеский географический журнал, издававшийся в начале XX века. Какие мечты о путешествиях и приключениях будили в юношах толстые комплекты журнала! Но жизнь в те времена представляла слишком мало возможностей для простого человека, и зачастую мечта оставалась мечтой. А перед современной, советской молодежью раскрылись широчайшие горизонты, и, открывшая книгу путешествий, юноша знает: «Я тоже могу быть там, я тоже преодолю все препятствия, это для меня!»

«Вокруг света» назывался и тонкий журнал, издававшийся уже в наши, советские годы, до войны. Журнал был еще не богат материалом, но даже этих тоненьких выпусков читатель ожидал всякий раз с нетерпением. Тем радостнее выход «Вокруг света» сейчас, в новом, лучшем образе, на более широкой основе. Мне, кажется, писатели и ученые должны подойти к этому делу серьезно, с увлечением, сознавая, что делают немаловажное дело.

И хотелось бы мне, чтобы авторы и работники журнала не забывали, что современный путешественник, исследователь, смельчак, изучающий мир, — это крылатый человек сталинской эпохи, эры Великого воздушного океана. Человечество пройдено уже гигантский путь от парусного суденышка до авианосца, от речной пироги до вездесущего самолета.

Я от всей души желаю журналу «Вокруг света» плодотворной и долгой жизни. Пусть он будит в сердцах наших молодых людей любовь к просторам, волю к научным завоеваниям, к путешествиям и открытиям во славу родины!

собой восточную часть Сибири, Манчжоу-Го, Японию, Китайскую республику, Французский Индо-Китай, Таи...

— Уж очень большая территория.

— Правильно, это очень обширная сфера, дети».

По такому учебнику вел преподавание японский учитель после того, как японские захватчиков вышибли и из Манчжоу-Го и из Новой Гвинеи, когда мимо школы проходили американские войска и на завтра было назначено подписание безоговорочной капитуляции Японии.

(Окончание следует)

Русский геолог и полярный путешественник Владимир Александрович Русанов начал свою работу в Арктике в 1907 году, исследуя Новую Землю. Во второй раз он посетил Новую Землю в 1908 году в составе французской экспедиции на судне „Жак Картье“. За два года на этом острове В. А. Русанов собрал основные сведения о его геологическом строении. В 1908 году Русанов первый пересек остров от Незнаемого залива до Крестовой губы. В 1912 году он организовал экспедицию на судне „Геркулес“. Обследовав угольные месторождения на Шпицбергене, „Геркулес“ пошел к берегам Новой Земли. Здесь Русанов оставил короткое сообщение о том, что „Геркулес“

отправляется в ледовое плавание. Куда — этого начальник экспедиции никому не сообщил.

С тех пор „Геркулес“ исчез бесследно. Только в 1933 году на одном из маленьких островков Карского моря был найден столб с вырезанной надписью „Геркулес“. Кроме того, в шхерах Мина были обнаружены мелкие предметы, принадлежавшие матросам исчезнувшего судна. Мы помещаем неизвестный снимок, сделанный фотографом-географом З. Виноградовым, где полярный исследователь изображен за работой на Новой Земле в 1908 году.

ДРУЖБА

Рассказ

М. ПРИШВИН

Рис. В. Константинова

Есть степная поговорка в Казахстане о дружбе: «Если товарищ твой кривой, старайся поджимать свой глаз, чтобы стать ему под пару».

— Как вам это нравится? — спросил я своих двух товарищей по охоте.

Полковник Замойский кивнул мне сочувственно головой, но лейтенант Бородин, самый молодой из нас, оказался, как это иногда бывает, больше скептиком, чем мы, сильнее потрепанные жизнью.

— Как это ни хорошо звучит, — сказал он, — но пеший конному не товарищ.

И рассказал нам один случай охоты на лыжах.

— Было это, — сказал он, — в Загорске, тоже вот в такую же снежную зиму и под самый конец зимнего охотничьего сезона. В то время, впрочем, не очень давно, в Загорске еще только начиналось строительство заводов, и на том конце города, где строился завод, одновременно складывалась и новая жизнь, а на этом конце к лесу, где жила моя матушка, днем всюду козы паслись и ночью стучала колотушка.

Я приехал тогда в отпуск к своей матушке и захватил еще несколько последних охотничьих дней. Приехал я поздно вечером, искать кого-нибудь из знакомых для охоты было уже некогда, в одиночку охотиться как-то не очень люблю. Но делать было нечего, пропускать драгоценный денек не хотел и вышел на дворик свой покормить Трубача.

Редкая погода была для февраля: легкий морозец, полная тишина, чистое небо с мерцанием всех звезд, и в этой полной тишине совсем недалеко от нашего домика ночной сторож шел с колотушкой и так мерно постукивал, что казалось, в этом же ритме и звезды на небе дышали. Вдали на том конце города свистели паровозы, гудели электровозы, какой-то моторчик шепелявил на третьем такте, и тут вот эти звезды и доисторическая колотушка.

«А что это такое?» спросил я себя. И с удивлением вспомнил, что в жизни своей никогда не видал колотушку.

«Скоро колотушки совсем исчезнут, — подумал я, — и потом я уже их никогда больше не увижу: история никогда уже больше не вернется к колотушкам. Надо посмотреть».

Я вышел за калитку, а сторож как раз тут и проходил возле самого дома. Я подошел к нему, взял у него из рук колотушку, постучал, посмеялся. Сторож тоже посмеялся, а когда я заговорил, он тоже одновременно со мной говорил, и тут оказалось, что я имею дело с глухим человеком.

«И немудрено оглохнуть, — подумалось мне, — если всю ночь напролет каждые сутки проводить с такой колотушкой».

Руками, глазами, ногами даже я старался показать сторожу мой особенный интерес к колотушке, с тем чтобы понять, почему сторож, которому надо бы ловить воров и затаиваться для этого, сам открывает вора место своего пребывания.

И вот вы говорите, что если товарищ кривой, то должно себе глаз поджимать: я ли не старался с этим глухим говорить, как глухой, а он понял, что я не о колотушке выспрашиваю, а приглашаю его завтра идти с собой на охоту. Узнав, однако, что он охотник, я с большой радостью позвал его наутро с собой на охоту и только просил его сказать мне, каким образом он, глухой, будет мне давать знать о себе: без этого двум из-под одной гончей будет очень трудно охотиться. Он понял меня и сказал:

— А колотушка на что?

Это мне было понятно: колотушка на охоте, как охотничий рог, но для чего колотушка нужна сторожу — это так и осталось для меня тайной.

Сторож поклонился мне дружески, пошел вперед и застучал.

Рано утром при первом свете он явился ко мне с ружьем. Километра два мы прошли, и Трубач поднял беляка и погнался. Мы, как полагается нескольким охотникам с одной гончей, разбежались в стороны, каждый со своим собственным планом в голове.

„Кремль“.

Гравюра И. А. Соколова.

На гравюре изображена часть Кремля, примыкающая к Москва-реке. На переднем плане — новый Каменный мост, построенный по сталинскому плану реконструкции Москвы. За ним — старинная кремлевская стена, возведенная в конце XV века. Центральное место в композиции занимает Большой кремлевский дворец, выстроенный архитектором Тоном в сороковых годах прошлого столетия. Направо от дворца видна так называемая колокольня Ивана Великого времен царствования Бориса Годунова (XVII век).

Против всякого ожидания гон оказался и при глубоком снеге неплохим. Не так давно была ссадка снега, и после того на этот наст снегу навалило не больше, как на сабачью ногу. К великому нашему счастью, оказалось, что Трубач сквозь тст засыпанный наст не проваливается и летит, как по первой пороше. К сожалению, только белячишко попался умнейший, один из тех, кого охотники зовут «профессорами» или «химиками». Воскресные охотники до того настагают таких зайцев, что с подъема они по прямой линии мчат версты две и потом, когда вернутся, начинают так кружиться, что никогда на свой след не приходят, подстоять их почти невозможно и убивают их только случайно.

Наш заяц с подъема бросился вперед по прямой, а потом пошел себе болото с таким частым ельником, что Трубач мог только еле-еле продираться, но никак не бежать. Кроме того, в этом болоте, как это бывает, вода обмерзла и после куда-то сбежала, получился ледтошак, белый с узорами, проваливается под ногой, как стекло, с треском. Не было никакой возможности войти в это болото и ловить на кругах зайца-профессора. Приходилось только ходить кругом в надежде, что когда-нибудь Трубач вытурит из болота мучителя. Самое лучшее было бы отозвать собаку и найти другой след. Но Трубач, как все замечательные гонцы-мастера, был не позывист, и пока зайца не убьешь, до тех пор с собакой своей и не встретишься и не подзовешь к себе даже стрельбой.

Случилось, наконец, заяц вздумал бежать краешком болота, и я увидел его и взял на мушку, и вот только, только бы спустить курок, откуда ни возьмись Трубач, и чуть его не схватил. Заяц с испугу шаркнулся вон из болота, и Трубач с безумным ревом пустился по-зрячему.

Теперь начался гон возле глубокого оврага и так, что заяц ходит по одной стороне, а перелезешь овраг туда, он станет ходить по этой. Особенно плохо было тем, что к вечеру быстро стало морозить, и когда, перелезая овраг, разогреешься, сплотеешь, то потом мороз быстро схватывает, и зубы начинают дробь выбивать. Будь бы товарищ мой не глухой, я потрубил бы ему, мы бы сговорились и ждали зайца на той и другой стороне. И вы говорите, что зрячий человек из-за дружбы должен поджимать себе глаз. Я считаю, что это в корне неверно: не поджимать себе глаз или затыкать себе уши хотел бы я на этой охоте с глухим товарищем, а просто, как лютой зверь, разорвал бы его в то время на клочки. Между тем охота — это такое занятие, что чем больше крепнет мороз, тем сильнее растет в тебе упрямство...

В последний раз я решил перелезть овраг и, приступив к этому труднейшему делу, заметил свежий заячий след. Это не был след нашего гонного зайца, это был новый след, и мало того: лапка этого зайца в одном месте прищлась на мою лыжню. Это значило, что день уже кончался, и спавшие днем зайцы начали вставать. Этот свежий заячий след как будто выговаривал:

— Спи, спи, человек, ходи, ходи, заяц!

Мне всегда становится жутко, когда зимой в лесу вечереет и зайцы встают, в это время природа как будто выживает из себя человека и мстит ему за себя:

— Уходи, уходи, человек, гуляй, гуляй, заяц!

Торопясь перебраться через овраг, я нажал на правую лыжу, и вдруг лыжа моя треснула пополам, и правая нога моя глубоко вместе с поломанной лыжей уткнулась в снег. Я освободил ногу сначала из поломанной лыжи, потом из целой в надежде, что, может быть, подснежный наст, державший так хорошо Трубача, при моей осторожности выдержит и меня. Но расчет мой был неверен: подснежный наст легко хрустнул, и я по грудь очутился в снегу. На этом снегу потерять лыжу значило то же самое, что в открытой всде остаться с худым челноком: там зальет всда, здесь оледенит мороз. По такому снегу без лыж полверсты не пройдешь и выбьешься из сил и замерзнешь.

В лесу вечереет, а морозное небо разгорается, по минутам нарастает мороз, и деревья начинают трещать и шептаться:

— Спи, спи, человек, ходи, ходи, заяц!

Теперь оставалась только одна надежда, что глухой засучит в колотушку и, не дождаввшись меня, станет искать: не бросит же он в лесу товарища!

Я осмотрел поломанную лыжу. Причиной поломки оказался один только гвоздик, несколько лет тому назад второпях забитый мною, чтобы прикрепить ремешок. Этот гвоздик от сырости давал постоянно ржавчину, и мало-помалу эта желтая, разъедающая дерево жидкость распространялась и ослабляла сопротивление дерева. Пришло время, и на этом месте доска просто треснула насквозь, а рядом держалась на тонкой древесной пленке. Я попробовал выправить лыжу и стать на свежем снегу, она опять согнулась. Но когда я поставил сломанную лыжу в старый след, лыжа держала. Попробовал двигаться по старому следу—оказалось, можно: лыжа держала. В этом мало было утешенья.

Стало быстро смеркаться, и вдруг совсем недалеко от меня, в каких-нибудь ста шагах, раздался резкий стук колотушки. Обрадованный, я закричал во все горло, забыв, что имею дело с глухим человеком. Мой крик, казалось мне, оказал обратное действие на поведение товарища: колотушка стала быстро от меня удаляться. В отчаянии я принялся стрелять, и с каждым выстрелом колотушка слышалась все дальше и дальше: это был совершенно глухой человек. Тогда я сообразил, что ведь это охотится со мной ночной сторож, что при наступлении сумерек ему надо спешить на место своей службы, что на поломанной лыже мне его догнать невозможно.

А деревья всерьез начали стрелять, как бывает это только в самый сильный мороз. Мне оставался один только выход: итти своим следом обратно, лазить из оврага в овраг, потом притти к болоту, ходить вокруг болота и вообще сделать столько же движений, сколько я сделал за весь день. Возможно ли это? Будь бы у меня спички, я бы не горевал, я развел бы костер и переночевал бы у костра, но только недавно я бросил курить и спички с собой не захватил.

Мало-помалу наступила такая тьма в лесу, что исчезли из глаз даже следочки зверей. Тьма шептала невидимым зверькам:

— Ходи, ходи, заяц!

Лыжа по старому следу вела меня, я двигался вперед и вдруг уперся в дерево возле оврага. Рисковать скатиться в овраг в темноте было невозможно: лыжа могла зацепиться за куст и совершенно сломаться, если же лезть на ту сторону и потом опять лезть обратно, и опять, и опять...

Я погибал в пяти километрах от города, мне были слышны свистки паровоза, гудки электровозов, и даже так хорошо знакомый четырехтактный моторчик с пришепелыванием на третьем такте отчетливо вел свою обычную беседу с тишиной, как будто я не погибал, а вышел на свой дворик кормить Трубача.

— Спи, спи, человек!

И вдруг страх гибели проник в мою душу, в мое тело до косточки, и тут сразу же явился план спасенья. Я должен итти без лыж, лезть по снегу, как медведь, до того места, откуда мне слышалась колотушка. Осилю — так, не осилю — погибну. Значит, надо осилить: весь я должен собраться теперь в одно это Надо.

Мне удалось все сделать, как я замыслил. Лыжи глухого были значительно шире моих, и мои по этому широкому следу пошли, как неломанные, так вот и пошли, и пошли...

И что-то очень скоро вырос передо мной телеграфный столб, и на дорогу я вышел с такой же радостью, как моряк, потерпевший кораблекрушение, приплывает к берегу.

Этой морозной ночью все звезды собрались над Загорском, и шепелявил моторчик, и колотушка стучала как ни в чем не бывало.

Так Бородин закончил свой рассказ и после обратился ко мне с нравоучением:

Не советую вам поджимать себе глаз, а с глухим затыкать себе ухо.

— Позволь, мой друг, — сказал полковник Замоиский, — ты что же это на глухого обиделся и на кривого, когда сам кругом виноват?

— Я ни в чем не виноват. Что я мог делать в лесу, когда лыжа сломалась и глухой товарищ бросил меня?

— А при чем тут глухой? — спросил Замоиский. — Ты же сам рассказал, что несколько лет тому назад вбил в лыжу гвоздик и он несколько лет распускал от себя в дерево ржавчину, а ты не обращал на это никакого внимания. Тут все дело не в глухом товарище, а в собственном гвоздике: у тебя нехватало в голове какого-то гвоздика внимания.

И когда мы весело посмеялись над молоденьким лейтенантом, Замоиский сказал:

— Нет, я все-таки согласен с казаками: если твой товарищ кривой, старайся поджимать глаз, чтобы стать

В. А. ОБРУЧЕВ

Академик, лауреат
Сталинской премии

Журналу „Вокруг света“

Война с германским фашизмом показала миру силу советского народа-освободителя, народа-созидателя и хранителя величайших ценностей жизни.

Было время — враги нашего строя и враги России старались ставить преграды между нами и окружающим миром, затуманивать правду туманом клеветы. Это время невосвратно прошло. Народы мира прозревают, и этот победоносный жизненный процесс не остановит никто.

С жадным интересом и сочувствием относятся к нам многие миллионы трудящихся, мыслящих людей. Тем более желательно, чтобы знала как можно больше о широком мире, об его просторах наша молодежь: ведь ей принадлежит большое, гордое будущее!

Советская молодежь должна изучить и нашу собственную, дорогую родину лучше, чем изучали когда-либо прежние поколения. Производительные силы родной земли, характер морей и океанов, запасы недр и задачи науки на далеком будущем, загадки и обещания природы — все это захватывающе интересно для хозяев могущественной и славной страны.

Наша родина богата, и богатства ее никогда не оскудеют; сокровища, которые таятся еще глубоко под землей неоткрытыми и неиспользованными, послужат еще и нашим праправнукам. Но мы должны неустанно изучать недра родной земли. Профессия геолога — одна из интереснейших на свете. Разумеется, это должно найти отражение на страницах «Вокруг света».

Поэтому я горячо приветствую новый журнал «Вокруг света» и желаю ему стать одним из любимейших журналов нашей молодежи. Он называется «географическим». Я желаю его работникам и авторам, чтобы они сумели вдохнуть в это слово всю свежесть нашего восприятия мира. Я желаю его читателям, чтобы они получали от своего журнала постоянную зарядку для долгого и славного пути по морям и океанам, по горам и степям.

В. А. Обручев

Н. БАДИГИН

Герой Советского Союза

Журналу „Вокруг света“

Большому кораблю — большое плаванье. А великой стране — великая и гордая судьба.

Наша родина, овеянная славой, вышла на мировой простор, в далекое плаванье по новым путям истории.

Мужество и доблесть советских людей завоевали им народную любовь на всех материках. И наше молодое поколение высоко держит знамя доброй славы, свято чтит героические традиции.

Не только воинскую доблесть и мужество в бою должна воспитывать в себе наша молодежь, но и стойкость, бесстрашие, героизм в повседневной, мирной жизни. Этого требует борьба с природой, борьба с суровыми стихиями, за счастливую и разумную жизнь человека. Впереди еще трудный, суровый фронт современной науки.

Многое предстоит вам испытать, молодые друзья! Подчинить человеческой воле бурные волны океанов и пески пустынь, льды Арктики и необъятный воздушный океан, атмосферу и стратосферу... Добывать сокровища из глубочайших недр, осушать болота, орошать пустыни... Все это интересные, большие, но не легкие дела. И разве не пленяет нас мечта исследовать таинственное дно морей и океанов, богатые недра земли, менять русла рек, улучшать климаты? Здесь тоже понадобятся мужество и доблесть!

Когда я думаю о том, какой должна быть в наши дни литература, мне кажется, что одно из первых мест принадлежит художественной разработке научных тем: приключения и замыслы мужественных географов, геологов, полярников, исследователей — вот что должно захватывать и воспитывать читателя! И как нельзя более своевременен выход такого журнала, как «Вокруг света». Надо только, чтобы работники журнала любили свое замечательное дело.

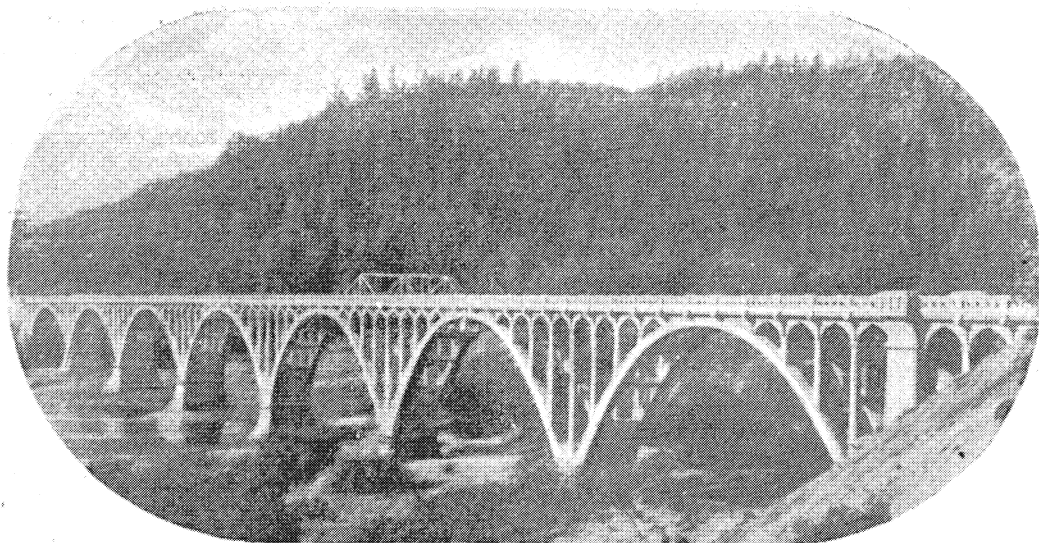
Чтение журнала «Вокруг света» разбудит аппетит читателя к познанию мира, к благородным приключениям путешественника, исследователя. Поэтому желательны и приложения к журналу: повести и романы, выпущенные отдельными книжками для подписчиков. Читатель будет признателен за это.

В добрый час, друзья, и добрый путь «Вокруг света!»

Р. Багин

ему под парю. Я знаю один удивительный случай, когда дружба помогла слепому достигать больше, чем если бы зрячий был, и глухому действовать, как если бы он обладал тончайшим слухом.

И рассказал нам об одном глухом поваре в Вологде и слепом музыканте. Оба любили досмерти глухариную охоту, требующую особенно тонкого слуха и зрения. Слепой музыкант, как это постоянно бывает со слепыми, обладал чрезвычайно тонким слухом, а глухой повар — замечательным зрением. Никто из охотников не мог услышать на току глухаря так далеко, как слепой музыкант, и никто не мог его так скоро оглядеть в полумраке, как глухой повар. И так оба неразлучных друга, глухой и слепой, приносили каждую весну глухарей много больше, чем все обыкновенные охотники.

Портленд—Сан-Франциско

1. ЗА ОКНАМИ ВАГОНА

В поезде Портленд—Сан-Франциско. — Орегон—молодой штат. — Маятник вместо шлагбаума. — Фриско—город на холмах.

Наше судно стояло в Портленде—большом американском порту, раскинувшимся на берегах Тихого океана. Грузили паровозы. Над портом стоял неумолчный гул от множества работавших лебедок, с берега слышались гудки автомобилей, дязг железа, какие-то выкрики, — словом, все те звуки, которые столь характерны для большого океанского порта. Длинной вереницей вытянулись вдоль причалов суда под флагами различных государств. Стрелы мощных лебедок поднимались, и высоко в небе, покачиваясь на крепких стропях, появлялись огромные тюки, ящики, связки железных труб. Большой 120-тонный кран, напоминавший гигантский тренажник, грузил паровозы на наше судно. Это была удивительная картина: кран подхватывал паровоз, поднимал его над землей, а затем медленно опускал в черную пропасть трюма. А наш пароход напоминал в те дни железнодорожный полустанок. Грузовые люки были временно расширены, и к палубам и декам трюмов приварены рельсы. Они были проложены вдоль палубы, стальной сеткой раскинулись и в трюмах. Специальные приспособления были устроены для того, чтобы иметь возможность переводить паровозы с одного пути на другой. Признаюсь, что в эти дни, когда на наш пароход грузили паровозы, я чувствовал себя не капитаном, а заправским железнодорожником — начальником депо или станции.

...Но вскоре мне пришлось на несколько дней оставить борт судна.

(Из записок капитана дальнего плавания)

**Герой Советского Союза
КОНСТАНТИН БАДИГИН**

Дела требовали моего присутствия в Сан-Франциско. Это один из самых больших американских городов и самый большой порт на побережье Тихого океана.

Думая о предстоящей поездке, я прикидывал: то ли лететь в самолете, то ли воспользоваться автобусом, а может быть, просто проделать путь от Портленда до Сан-Франциско испытанным способом — на поезде. Но мне хотелось посмотреть штат Орегон, в котором находится Портленд, и штат Калифорнию, в котором расположен Сан-Франциско. И поэтому я выбрал поезд.

Большой вокзал в Портленде. На перроне множество людей, все куда-то спешат, снуют газетчики: они выкрикивают заголовки свежих выпусков вечерних газет. Сгребаясь под тяжестью своей ноши — большими чемоданами, облепленными разноцветными ярлычками, — спешат вдоль перрона носильщики. Но вот громкоговорители объявили: «Сейчас уходит поезд в Сан-Франциско. Поторопитесь, иначе вы опоздаете!»

У входа в спальный вагон пассажиров встречал негр, облаченный в форменный китель, и провожал до их места в вагоне. Это был большой пульмановский спальный вагон. Его устройство заметно отличалось от того, что мы привыкли видеть в спаль-

ных вагонах на наших советских железных дорогах. Вдоль окон были расположены мягкие кресла, купе отсутствовали, и лишь легкие деревянные перегородки отделяли спинку одного кресла от спинки другого. Когда наступало время ложиться спать, между двумя креслами, стоявшими около каждого окна, проводник-негр укладывал специальную подушку. Таким образом получалась койка. Сосед пассажира укладывался спать на койке, которая откидывалась сверху от стенки вагона. Ночью койки задерживались коричневыми занавесками, и пассажир оказывался в узкой кабинке.

Мне бросилось в глаза, что в американских поездах существуют некоторые странные обычаи, которые как-то не вяжутся с нашим представлением о культурности и чистоплотности американцев. Я имею в виду устройство умывальников, которые были расположены в конце вагона, в специальной комнате, которая одногременно исполняла роль курительной. Представьте себе небольшое помещение с двумя мягкими диванами, расположенными под углом друг к другу. Напротив дивана к стенке вагона приделаны три умывальника. У них нет кранов. Вода наполняет умывальник изнутри, и пассажир вынужден поэтому мыть руки и лицо, употребляя для этого ту воду, которую он налил в умывальник. После того как пассажир закончит свой утренний туалет, он обязан выпустить воду из умывальника, ополоснуть его и вытереть салфеткой, которые горячей лежат на полочке. В тех трех умывальниках, которые имеются, моются все пассажиры вагона. Над этими же умывальниками принято также бриться. Таким образом, пассажир,

2. ФОРТ РОСС

Из прошлого Сан-Франциско. — Хитрость командира «Юноны». — Русские в Калифорнии.

совершая свой туалет, лишен возможности пользоваться проточной водой. Чтобы почистить зубы, надо отправиться к другому, специальному умывальнику.

В туалетной комнате всегда множество курильщиков. Это завзятые спорщики, которые порой много часов подряд проводят в этой комнате. И потому, нравится вам это или нет, туалет приходится совершать в присутствии многочисленных зрителей.

...Поезд мчится полным ходом. В широких окнах пульмановского вагона мелькают пестрые домки, платформы полустанков. То и дело на глаза попадают огромные яркие рекламы, расставленные вдоль железнодорожного полотна. Рекламы не преклонны. Они требуют: «Курите только сигареты Честерфильд!»

Мимо поезда проносятся красивые ландшафты штата Орегон. Снежные зубцы Каскадных гор виднеются вдали. По их склонам карабкаются густые темнозеленые леса. Порой наш поезд мчится в лесу, и тогда я получаю возможность разглядеть огромные мощные деревья, которыми так славится Орегон. Лесные массивы — главные богатства этого штата. Отсюда, из Орегона, во все концы Америки уходят товарные составы, груженные лесом. Нередко за окнами вагона проносятся долины, которые славятся своим необычайным плодородием. Есть даже старая американская поговорка: «В Орегоне не бывает плохого урожая».

Орегон — сравнительно молодой штат Соединенных Штатов. Первая хижина англо-американцев появилась там лишь в 1810 году, и территория штата так долго оставалась незаселенной колонистами, что Великобритания и Северо-Американская республика владели ею совместно в продолжение 30 лет — с 1816 по 1846 год. В наши дни в экономике штата Орегон большую роль играет строевой лес, пшеница и другие злаки, пенька, шерсть. Славится этот штат также своими уловами рыбы, которая в изобилии водится в прибрежных океанских водах и реках. Столицей Орегона является небольшой городок Салем, а самым крупным городом и портом штата является Портленд.

...Нередко почти вплотную к железнодорожному полотну подбегает темносерая лента гидронированного шоссе. И тогда мы видим длинные вереницы легковых автомобилей, автобусов, грузовиков, которые соревнуются в скорости с нашим поездом. Любопытное устройство довелось мне наблюдать у переезда, там, где шоссе встречается с железной дорогой. Здесь нет шлагбаумов, которые мы привыкли видеть в Советском Союзе. На небольшом столбике качается маятник, связанный с электрическим звонком. Можно было заметить, что колебания маятника зависели от того, свободен ли проезд. При приближении поезда раздавался громкий трезвон. Американец, сидящий за рулем автомобиля и встречающий на

своем пути переезд, обязательно обратит внимание на этот маятник, а ночью или в тумане он увидит красный его огонь и услышит предупредительные звонки.

Но вот поезд пересек границу штата Калифорния. Об этом путешественника предупреждает большой плакат. По мере углубления в Калифорнию ландшафт, расстилавшийся за окнами нашего вагона, постепенно менялся. Куда-то влево ушли горы. Перед нами лежали теперь обширные долины, исчерченные стальными лентами рек. Растительность сделалась еще более пышной, почти исчезли хвойные леса, кое-где уже начали мелькать стройные пальмы. А когда наш поезд еще более углубился в Калифорнию, я увидел целые пальмовые рощи.

Вдали блеснула голубая лента океана. Скоро Сан-Франциско. Многие пассажиры засуетились, готовясь покинуть поезд.

Через пятнадцать минут, подъезжая к знаменитому мосту Окленд-Бридж, мы были оглушены криками газетчиков, сообщавших о вступлении Советского Союза в войну против Японии.

Перед въездом на мост я стал свидетелем любопытной сценки. Машина остановилась, и подошедшей девушке, служащей компании, которая строила мост, были вручены 25 центов — плата за право проезда через мост. Известно, что этот мост является самым длинным в мире. Он тянется на 13 километров и связывает город Окленд с Сан-Франциско. Это огромное двухъярусное сооружение. На нижнем ярусе движутся грузовики и автобусы, а на верхнем — легковые машины.

Сутолокой и шумом большого города встретил нас Сан-Франциско. Этот город знают моряки всего мира, они называют его сокращенно — Фриско. На улицах множество автомобилей; они движутся в несколько рядов. Среди многочисленных прохожих выделялись своими синими форменками и белыми шапочками моряки американского военного флота — «Неви». Рестораны, кафе, кино и прочие увеселительные места переполнены людьми, ибо уже наступил час, когда американцы, окончив работу, отдыхали за вечерней чашкой кофе.

Сан-Франциско разбросан на холмах. Его улицы то поднимаются вверх, то спускаются вниз. Порой подъем бывает таким крутым, что кажется, машина вот-вот сорвется и покатится вниз. Тем удивительнее было видеть, как трамваи мужественно взбирались в гору, а их пассажиры спокойно сидели на своих местах, не обращая внимания на рискованный подъем.

...Фриско на всю Америку славится своими чудесными парками, которые занимают огромную площадь. И действительно, гордость обитателей Сан-Франциско вполне законна. Трудно себе представить более прекрасные парки.

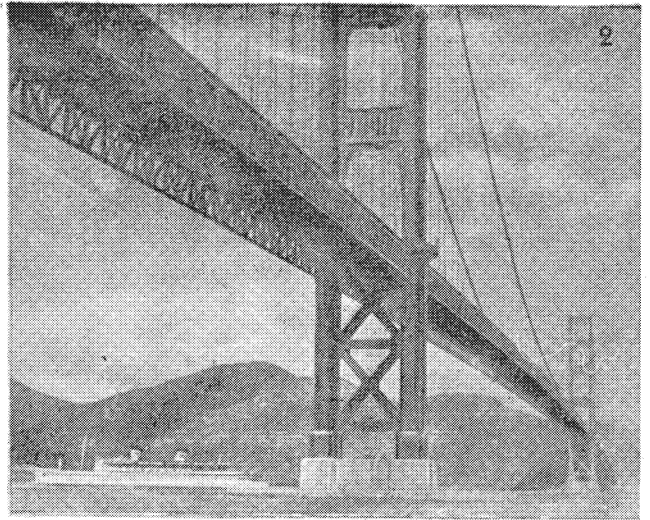
На город опустилась ночь. Я стоял у окна гостиницы и глядел на залитые светом окна домов, на тысячи огней разноцветных реклам, на шумные улицы города. И невольно мне пришла в голову интересная история этого города.

Сан-Франциско, даже во время присоединения к владениям Соединенных Штатов, был скромным селом с несколькимистами жителей. Этот город был основан испанскими миссионерами в 1776 году, вероятно, на том месте, где мореплаватель Франциск Дрек отдал якорь во время своего кругосветного путешествия. Еще в 1847 году он насчитывал всего 800 жителей. Но когда в Калифорнии были открыты месторождения золота, привлекая массу пришельцев со всех концов света, явилась необходимость в основании большого порта. И бывшее небольшое селение стало быстро расти.

Город Сан-Франциско занимает северную оконечность полуострова, выдвинувшегося с юга на север при входе в бухту. Проливом «Золотые ворота» он отделен от другого полуострова, протянувшегося с севера на юг. Так как территория, на которой был основан Сан-Франциско, была мала для быстро растущего города, строители пришли к мысли засыпать мелкую часть рейда песком с дюн. За исключением горок, поросших кустарником и деревьями, все песчаные бугры были скрыты и свезены в море. Этим способом была расширена территория города. С этого времени Сан-Франциско быстро разрастался, становясь одним из самых крупных портов на Тихоокеанском побережье Америки. Его росту очень способствовало то обстоятельство, что он стал тихоокеанскими воротами для Северной Америки. Со всех концов страны двигались к Сан-Франциско поезда с промышленными товарами и сельскохозяйственными продуктами. Здесь они погружались в трюмы кораблей и отправлялись в самые отдаленные уголки света. В наши дни Фриско — огромный город, в котором имеется немало крупных промышленных предприятий и культурных учреждений.

Думая о прошлом Сан-Франциско, я вспомнил любопытную историю, которую мне довелось прочитать в одной из выходящих в США русских газет. Сам факт, о котором речь ниже, был мне известен, но подробности, приведенные в газете, оживили в моей памяти эти интересные эпизоды из прошлого Фриско.

Еще в те времена, когда Россия стойко отражала натиск наступающего Наполеона, здесь, в Западном полушарии, группа предприимчивых русских людей основала первые поселения на той территории, на которой вырос впоследствии форт Росс и

3

Сан-Франциско

1. Деловые кварталы Сан-Франциско, крупнейшего порта западных штатов. На фоне бухты, окруженной холмами, видны небоскребы. Сан-Франциско — ворота США в Тихий океан.

2. Мост „Золотых ворот“, соединяющий материк с полуостровом, на котором расположен город.

3. Пагоды китайского квартала стоят рядом с типичными американскими постройками. Здесь, на узких улицах, Восток встречается с Западом.

4. Памятник Сервантесу в парке „Золотых ворот“. Сооружение этого памятника указывает на сильное влияние испанской культуры в этом городе, начавшем свою историческую жизнь как поселение испанских колонистов.

5. Над доками „Эмбаркадеро“ высятся здания парома. После постройки в 1937 году больших мостов, соединяющих город с его окрестностями, паром сохранил свое значение только для увеселительных поездок по бухте.

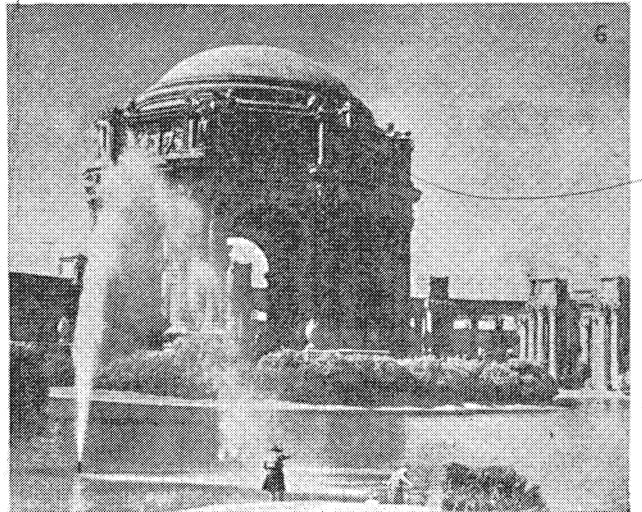
6. Дворец изящных искусств, построенный для выставки, организованной в связи с открытием Панамского канала.

4

5

6

русская колония, существовавшая затем здесь почти тридцать лет.

В 1806 году русско-американская меховая компания, находившаяся на Аляске, стала испытывать острый недостаток в продовольствии. Одному из ее руководителей, Николаю Резанову, пришлось на небольшом парусном судне «Юнона» спуститься в Калифорнию, любыми средствами добыть хлеба и другие продукты. С малочисленной командой, которая к тому же наполовину переболела цынгой, Резанов, претерпев неимоверные трудности в море, два месяца спустя достиг наконец бухты Сан-Франциско. Однако войти в эту бухту оказалось весьма сложно, так как испанцы, в руках которых находились эти берега, очень недоверчиво относились к иностранным кораблям; без особого разрешения вход в бухту был запрещен.

Чувствуя безвыходность своего положения, Резанов решил прибегнуть к хитрости. Он распорядился полным ходом, под всеми парусами пройти мимо фортовых пушек и войти в гавань. Напрасно с прибрежного форта раздавались яростные требования бросить якорь. Резанов приказал матросам:

— Делайте вид, что вы торопитесь исполнить приказание испанцев.

Сам же Резанов вежливо и почтительно кричал людям на берегу:

— Да, синьор, да, синьор...

И лишь тогда, когда корабль очутился в недостижимости пушечных выстрелов форта, был брошен якорь.

С испанского форта на «Юнону» немедленно прибыл комендант Луис Аргуэлло, которому Резанов с извинениями сообщил, что он направляется в Монтерей, но ввиду того, что корабль его сильно поврежден ветрами и нуждается в срочном ремонте, он был вынужден войти в первый встречный форт. Успокоенный этим объяснением и очарованный изысканной любезностью и манерами русского капитана, комендант тут же пригласил Резанова и всех офицеров к себе в дом. Команде «Юноны» было прислано прекрасное и обильное угощение.

Несмотря на строгие колониальные правила по ограничению торговли, на корабль вскоре был погружен провиант—пшеница, мука, горох, свинина и сало. Таким образом, задача Резанова была успешно выполнена, и русские на Аляске получили необходимые продукты.

Получив долгожданное продовольствие, русские промышленники на Аляске стали серьезно обдумывать вопрос о том, чтобы основать на берегах Калифорнии поселение, которое постоянно снабжало бы их продовольствием. Управляющий русско-американской меховой компанией, он же и губернатор Аляски, Александр Баранов в 1808 году отправил Ивана Кускова на корабле «Кодьяк» обследовать берега Калифорнии, чтобы найти подходящее место для основания русской колонии. В течение четырех лет Кусков три раза посе-

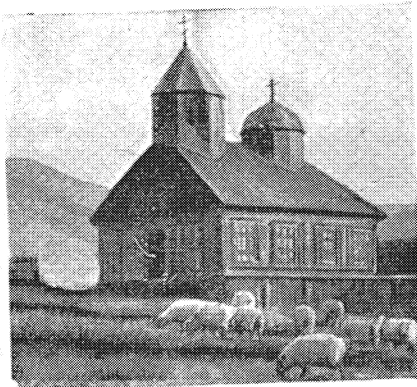
Снимок печати русско-американской компании.

щал Калифорнию, но попытки обосноваться на ее берегах всегда оканчивались неудачей из-за враждебности местных испанцев и индейцев. Наконец весной 1812 года Кускову удалось войти в доверие к местным индейцам, которые продали ему необходимую землю. Эта земля находилась в 18 милях от залива Бодега, на утесе, в 70 футах над уровнем моря.

15 марта 1812 года началась работа по постройке форта, закончившаяся в 1814 году. Форт был окружен стеной с двумя бастионами, в которых помещалось по шести пушек. За стенами форта было выстроено девять зданий: церковь, дом для коменданта, офицерские и солдатские бараки и другие служебные помещения. Снаружи находилось 50 различных зданий, в которых помещались мельница, кузница, сыромятня, плотничья, слесарная и сапожная мастерские, баня, пекарня и дома для алеутов и индейцев.

12 сентября 1812 года состоялось официальное открытие форта Росс, на котором присутствовало 95 русских и 80 алеутов и индейцев. Над фортом взвился русский флаг.

Испанские власти, напуганные неожиданными пришельцами, много раз выражали резкие протесты в связи с открытием русского форта. Кускову несколько раз было строго предложено немедленно оставить поселение, но он, давая уклончивые ответы и обещания, продолжал разви-

Церковка, построенная на форте Росс в 1812 году.—Фото из юбилейного сборника „200 лет открытия Аляски“, изданного Русским историческим обществом в Америке.

вать свою деятельность. Дело получило широкую огласку и было направлено для решения в Петербург и в Мадрид. Испанское правительство жаловалось на незаконное занятие принадлежавшей ему территории. Русское же правительство возражало, заявляя, что нет никаких указаний на то, что земля между рекой Колумбий и Сан-Франциско принадлежит какой-либо европейской стране.

Тем временем форт расширялся, охватывая все большую территорию. За последние 15 лет своего существования форт Росс, кроме удовлетворения своих нужд и торговли с Калифорнией, имел возможность экспортировать на Аляску много различного продовольствия. Несмотря, однако, на такое очевидное процветание и успехи форта Росс, дальнейшее расширение деятельности русских людей в Калифорнии было затруднено. Происходило это главным образом в результате дипломатической оппозиции Англии, Испании, Соединенных Штатов, которые были не на шутку обеспокоены затянувшимся пребыванием русских в Калифорнии. Эти страны стали беспрестанно обращаться с протестами в Петербург.

В 1823 году американский президент Монроэ провел в конгрессе известную «доктрину Монроэ», гласящую, что европейские державы, занимающие территорию в Америке, тем самым совершают враждебный акт, могущий вызвать войну. К тому же постепенно форт Росс стал терять свое экономическое значение. Благодаря открытию свободной торговли между Калифорнией и Аляской последняя была отныне обеспечена продовольствием.

Земля форта Росс истощалась. Занимать новую не представлялось возможным: далекая Россия не собиралась присылать ни поселенцев, ни войск, в то время как со всех концов Америки в Калифорнию потянулись переселенцы, располагаясь вокруг территории форта. Губернатор Аляски Куприянов донес русскому правительству о положении дел, и в 1839 году пришел указ из Петербурга оставить форт Росс. Все русские отправились после этого из форта Росс на Аляску.

Пребывание русских в Калифорнии не прошло бесследно для истории. Форт Росс, Русская река и Русское Ущелье остались навсегда географическими названиями. Кроме того, два русских ученых взобрались на самую высокую гору в окрестностях форта и прибили на ее вершине медную доску, дав горе название «Святая Елена».

В наши дни форт Росс принадлежит штату Калифорния. Некоторые постройки форта реставрированы. И в воскресные дни многие американцы совершают экскурсии к этим старым стенам, которые более столетия назад были построены русскими людьми.

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

Рассказ-гипотеза

Рисунки В. Лодягина

Картина далекого детства навсегда осталась в моей памяти. Высокие холмы обрываются к воде, как будто срезанные гигантским ножом. Широкая река делает крутой поворот. Берега — дикие, каменистые, угрюмые. Сразу за ними — вековая тайга.

Наша лодка поднимается по Верхней Тунгуске, как здесь зовут Ангару. На перекатах только я да рулевой остаемся в лодке. Все остальные, в том числе и отец, тянут бечеву. Сейчас пережат позади, и все сидят на веслах. Я устроился на носу и чувствую себя капитаном. Это гребная галера. Мы отважные корсары и идем открывать новые земли за океаном. Эй, кто там на марсе? Что за остров на горизонте? Пловучий остров? Свищать всех наверх!

Плоты один за другим показываются из-за темной, закрывающей полнеба скалы. Слышится бляение.

Капитану понятно все. Это проклятые рабовладельцы ограбили туземцев, погрузили на пловучий остров их скот, далеко в трюмы спрятали закованных в цепи невольников. Я понимаю, что именно сейчас нас ждет благородный морской подвиг. Смелее, корсары, вперед!

Тихое-тихое утро. Небо безоблачно. Где-то далеко глухо урчит пройденный вчера пережат.

Я проклинаю всплески от наших весел. Ненавистные рабовладельцы ничего не должны заметить. Галера быстро приближается к пловучему острову. Ясно видны овцы и избушка на переднем плоту. Но я-то знаю, что это рубка рабовладельца-капитана. Вон он, бородастый, в синей рубашке, выходит и смотрит на небо. Потягивается, чешет спину, потом зеваает и крестит рот.

Тише, гребцы! Мы должны подойти к противнику незаметно и сразу ринуться на abordаж. Где-то слева шуршит белка на лиственнице. Если он оглянется... Тихо-тихо. Еле слышны всплески от весел.

И вдруг страшный удар. Я втягиваю голову в плечи. Я плачу, я забыл о корсарах. Плотовщик от неожиданности падает на колени. Рот у него открыт. Овцы блеют, шарахаются к самой воде. И тут — второй удар, более страшный. В избушке порывисто открывается дверь, но

никто не показывается из нее. Слева, за тайгой, что-то сверкает, споря с солнцем.

— Держись! — еле доносится до меня голос отца.

Воздух — густой, тяжелый — толчком обрушивается на меня. Я хватаюсь за борт, кричу. Мне вторит испуганное, иступленное бляение овец.

Я вижу, как овцы одна за другой падают в воду, словно их кто-то гигантской ладонью сметает с плота. По реке идет высокий вал. Вижу, как переламывается пустой уже плот. Бревна его встают торчком. Нашу лодку подбрасывает, словно на пережате. Я захлебываюсь и ловлю ртом воздух. Разжимаются пальцы, и, весь мокрый, я скатываюсь на дно. Там вода и пахнет рыбой. И сразу становится тихо-тихо...

Далекое воспоминание, страница из детского дневника. Вот она, затрепанная коричневая тетрадка, помеченная 1908 годом. В этом году, тридцать восемь лет назад, в двухстах пятидесяти километрах от места, где сметены были в воду овцы с плотов, в тайгу упал страшный метеорит, о котором так много писали и рассказывали в Сибири.

Зачем понадобилась мне старая тетрадка? Почему завален мой стол статьями и книгами о тунгусском метеорите?

Полный полемического задора и дискуссионной злости, беру я лист бумаги. Да, я готов спорить!

Рассказ, пожалуй, лучше всего начать с того часа, когда утром 3 апреля 1945 года ко мне, в редакцию журнала, вошли два человека. Каждый из них положил на мой стол по объемистому конверту.

Тот, что поставил на пол большой чемодан, был гигантского роста. Он сильно сутулился; казалось, будто он что-то рассматривал на полу. У него были крупные, словно рубленные черты лица и сросшиеся лохматые брови, из-под которых мечтательно смотрели светло-голубые глаза.

Его спутник сидел на стуле прямо, не касаясь спинки. Он был строен, чуть узок в плечах. Роговые очки придавали его немного скуластому лицу выражение учености.

— В-в-вашему журналу, — начал гигант, заикаясь на букве «в», — несомненно интересен научный спор, который будет разрешен во время этнографической экспедиции Академии наук в район Подкаменной Тунгуски.

— Если научным спором можно назвать утверждение и отрицание бессмыслицы, — едко заметил человек в очках.

— Я спросил бы в-в-вас, — свирепо обернулся к нему первый посетитель, — не прерывать меня. В-в-вот два конверта, — он уже говорил со мной, как бы не замечая своего противника, — здесь изложены две гипотезы по поводу странной этнографической загадки.

— Не познакомите ли вы меня с сутью спора? — спросил я.

— Знаете ли в-в-вы, что на севере Сибири, в-в-восточнее Енисея, живет народность эвенки? Люди нашего с вами возраста, — конечно, я не говорю о специалистах, — иногда неправильно именуют их тунгусами. Эвенки принадлежат к желтой расе и родственны манчжурам. Когда-то они были народом в-в-воинственных завоевателей, в-в-вторгшимся в Среднюю Азию. Однако они были в-в-вытеснены оттуда якутами и, отступив на север, укрылись в непроходимых сибирских лесах. Правда, и якутам пришлось уступить завоеванную ими цветущую страну более сильным завоевателям — монголам — и тоже уйти в сибирские леса и тундры, где они стали соседями эвенков...

— Сергей Антонович настолько любит этнографию, что никогда не упускает случая пропагандировать эту науку, — прервал второй посетитель. — Я позволю себе формулировать его мысль: ни эвенки, ни якуты не являются коренными жителями Сибири.

Он говорил подчеркнуто серьезно, но чуть опущенные уголки губ придавали его рту выражение едва уловимой насмешливости.

— И докажу! В-в-вот! Не угодно ли в-в-взглянуть?

Сергей Антонович, кряхтя, согнулся, раскрыл свой огромный чемодан и, к величайшему моему изумлению, извлек оттуда какую-то пожелтевшую исполинскую кость. Он торжественно положил ее передо мной на стол, поверх рукописей.

— Что это? — невольно отодвинулся я.

— Берцовая кость коренных обитателей Сибири, — с пафосом возвестил Сергей Антонович, глядя на меня счастливыми прозрачными глазами.

— Коренных обитателей? — Я с ужасом попытался представить себе обладателей таких костей.

— Это берцовая кость слона, — рассеял мои предположения Сергей Антонович.

— В Сибири? Слоны? Может быть, мамонты? — усмехнулся я.

— Слоны! Эту кость нашел я. В-в-в прошлом году я исколесил таежные болота и гривы, лазал по неприступным сопкам в поисках кое-каких ископаемых и, представьте себе, наткнулся на 65-м градусе северной широты и 104-м градусе восточной долготы на «кладбище слонов». Плоскогорье, как гигантским забором, было отгорожено хребтами со в-в-всех сторон. Жаркое сибирское солнце растопило слой в-в-вечной мерзлоты и... В-в-вот, закурите, — протянул он портсигар.

— Спасибо, не курю.

— Я сам отпилил заготовку для этого портсигара от настоящего слонового бивня — прямого, а не загнутого, как у мамонта. Три недели я не ел ничего, кроме «пучек». Это растения из семейства зонтичных, из которых куда лучше делать дудочки, чем съедобные блюда. Я оставил на «кладбище слонов» в-в-всю провизию, лишь бы донести эту кость и часть клыка.

Надо заметить, что Сергей Антонович самоотверженно нагрузил на себя эти любопытные кости, помимо образцов найденной им ценной руды. Любитель-этнограф, любитель-палеонтолог, он, в добавление ко всему этому, еще и профессионал-геолог.

Гигант строго взглянул на своего спутника.

— Изучение обнаженных геологических слоев пригело меня к заключению, что до последнего ледникового периода в-в-в Сибири был жаркий африканский климат. Там в-в-водились слоны, тигры...

— И, естественно, жили африканские негры, как го-тов утверждать наш почтенный ученый.

— Да, я уверен, что племя коренных доледниковых сибиряков существовало и, может быть, даже имеет потомков, доживших до нашего времени. В глуши сибирской тайги ходят легенды о неведомой чернокожей женщине...

— Есть красочное описание встречи с ней ангарца-зверобоя Кулешова, — сказал спутник Сергея Антоновича, снимая очки, чтобы протереть их платком. Прищурившись, он посмотрел поверх меня куда-то вдаль. — Благодаря любезной настойчивости Сергея Антоновича я выучил его наизусть. Представьте себе: гев, грохот и черные мокрые камни среди белой пены. Почти шаркая о нависшие с берегов скалы, меж камней скачет шитик — лодка с поднятыми бортами. Высоким носом шитик зарывается в пену. В нем стоит чернокожая женщина. На ней только набедренная повязка. По ветру трепещут, развеваются длинные рыжие волосы. Кулешов готов был поклясться, что она гигантского роста. Лица ее он не рассматривал. Охотник говорил, что она шаманит у стариков. Через перекарт переправлялась она без одежды, вероятно, боясь в ней утонуть.

— Я утверждаю, что это последний потомок доледниковых сибиряков, — положил на стол свой огромный кулак Сергей Антонович. — В-в-в этой женщине сказались стдаленнейшая наследственность!

— Вот любопытный образец вывода, не основанного ни на каких послылках. Здравомыслящий человек вряд ли придет к такому заключению.

— Я посмотрю, как в-в-вы будете это отрицать там, на месте, — рассердился Сергей Антонович. — Я твердо решил в-в-взять в-в-вас с собой, хоть в-в-вы и кабинетный физик, а экспедиция укомплектована. В-в-в-возьму, как своего противника, и не дам вам заниматься никакими электронами и нейтронами, пока в-в-вы не сдадитесь и не признаете моей гипотезы!

Физик улыбнулся.

— Мы просим вас вскрыть конверты, — обратился он ко мне, — и опубликовать ту гипотезу, о которой мы телеграфируем вам из Вановары, куда отправляется комплексная экспедиция Академии наук под начальством Сергея Антоновича.

— А мне телеграфно сообщите в-в-в В-в-в-вановару какой глубокомысленный бред был запечатан в-в-в конверт этим почтенным, в-в-в-все отрицающим ученым, — пробурчал Сергей Антонович.

Мои враждующие посетители распрощались со мной и ушли. Я задумался, глядя на оставленные конверты. Какой странный повод заставил так спорить столь различных специалистов!

— Простите, — услышал я негромкий голос.

Подняв глаза, я увидел перед собой физика. На этот раз его глаза были серьезные, губы крепко сжаты.

— Я вернулся предупредить вас, что в моем конверте действительно изложена одна гипотеза, но она не имеет никакого отношения к чернокожей женщине, что безусловно поразило бы милейшего Сергея Антоновича, не допуская отвращения своей экспедиции посторонними вопросами.

— О чем же ваша гипотеза? — спросил я, заинтересованный. Дело становилось все более и более запутанным.

— О тунгусском метеорите.

— Который упал близ фактории Вановара в 1908 году?

— Который никогда не падал на землю.

— Не падал на землю?! Перед моим мысленным взором прошли плоты с торчащими бревнами, овцы в воде, зарево над тайгой.

— Вы были на месте падения? — едва сдержался я.

— Специальной экспедиции туда нет, и я пользуюсь случайным расхождением во взглядах с Сергеем Антоновичем в вопросе о его чернокожей, чтобы побывать в этом районе. Я хочу установить там некоторые детали и тогда пришло вам телеграмму с просьбой вскрыть конверт. Вы поймете, что надо будет сделать.

Все это он говорил совершенно безапелляционно, с обезоруживающей убежденностью в тоне.

— У меня есть основания пока никому не сообщать о своей гипотезе. Сергея Антоповича я познакомлю с ней по прибытии на место, а то он еще, чего доброго, откажется взять меня с собой. А теперь прощайте!

Необычайный доверитель, протянув руку, назвал свою фамилию. Еще раз я был поражен в этот день. Передо мной стоял известный физик-теоретик.

Я смотрел на закрывшуюся за ним дверь, пытаюсь осознать все происшедшее. История с чернокожей как-то сама собой отодвинулась на второй план. Меня волновала совершенно новая мысль.

Метеорита не было?!

Ну нет, я не сдаюсь так скоро! О метеорите я готов поспорить. Я сам видел зарево катастрофы, и я испытал воздушную волну гигантского взрыва.

Решение было принято. Я опровергну гипотезу знаменитого физика, какова бы она ни была.

Я перерыл свои архивы. Все, что касалось тунгусского метеорита, когда-то специально интересовавшего меня, было извлечено. Вот запись из детского дневника. А вот выдержка из доклада профессора Кулика, сделанного им Академии наук в 1939 году:

«Факт падения тунгусского метеорита около 7 часов утра 30 июня 1908 года отмечен многочисленными наблюдателями... при ясном небе и тихой погоде... После падения болида на тайгу над ней взвился к небу «столб огня», а затем раздался три-четыре мощных удара, слышимых за тысячу километров. Воздушной волной в реках воду гнало «валом», людей и животных сбивало с ног, опрокидывало заборы, повреждало постройки, сотрясало дома, начало в них висячие предметы».

Как можно говорить, что метеорита не было, мой уважаемый друг? Или вы считаете заслуживающей доверия лишь свою проникновенную интуицию, а не показания многих тысяч людей?

Так вот вам объективные записи бесчувственных приборов.

Воздушная волна была дважды зарегистрирована в Лондоне, то есть обошла вокруг земного шара два раза. Сейсмические станции в Иркутске, Тбилиси, Ташкенте и Иене отметили земную волну с эпицентром в районе Подкаменной Тунгуски.

Что вы можете противопоставить этому, мой дорогой ученый физик? Воплощенную самонадеянность?

Я перебирал многочисленные свидетельства очевидцев:

«Огненный шар ярче солнца... огненный столб, видимый за сотни километров... черные клубы дыма, превратившиеся в тучу на безоблачном небе... стекла, лопнувшие на расстоянии 400 километров!»

Это показания корреспондентской сети Иркутской сейсмической станции. Ими нельзя пренебрегать.

Прочтем дальше: «разметало чумы...», «кончало олень...», «ворочало лес...» — это звенки.

«Пахнуло таким жаром, что будто рубашка загорелась...» — это рабочий в Вановаре. Даже близ Канска, за 800 километров от места падения, машинист, испугавшись грохота, остановил поезд.

Нет мой почтенный, но легкомысленный оппонент, время, когда профессору Кулику приходилось доказывать факт падения тунгусского метеорита, прошло. С тех пор под руководством Кулика было проведено несколько экспедиций в район падения. Там были обнаружены следы поразительных разрушений: на площади в восемь тысяч квадратных километров вся тайга сплошь повалена. Вы сами увидите в районе гигантского бурелома, как стволы исполинских лиственниц лежат, показывая своими вывороченными корнями в одно место — в центр феноменальной катастрофы. Вы убедитесь, что в радиусе тридцати километров не устояло ни одно дерево, а в радиусе шестидесяти километров деревья вырваны на всех возвышениях. Чтобы вызвать взрыв такой силы, нужны сотни тысяч тонн сильнейшего взрывчатого вещества.

Откуда могла появиться такая энергия? Я отвечу вам, мой дорогой ученый, как вы сами ответили бы школьнику. Метеорит, сохранивший свою космическую скорость, ударился о землю, а вся его кинетическая

энергия мгновенно перешла в тепло, что равносильно взрыву.

Обращу ваше внимание, мой ученый противник, никогда не бывавший в районе тунгусской катастрофы, что для местных жителей падение метеорита не представлялось спорным. Старожилы уверяют, что к месту, где спустился с неба бог огня и грома — ослепительный Огды, не приближался ни один местный житель. Оно проклято шаманами. Лишь в первые дни после катастрофы звенки ходили по бурелому, разыскивали обугленные туши своих оленей, погибшие лабазы с имуществом, видели фонтан воды, бивший три дня из-под земли. Пожалуй, лучше будет, мой, безусловно заслуживающий лучшей участи оппонент, если вы вместо гипотезы, отрицающей очевидное явление, придумаете объяснение этому запоздалому страху местных жителей.

И, наконец, последнее необъясненное явление, свидетельствующее о связи его с каким-то космическим событием.

Передо мной на столе лежит фотография, сделанная в Наровчатке, Пензенской губернии, местным учителем. Снимок сделан ночью, через сутки после падения метеорита в Сибири. А вот ссылка на находившегося той ночью в Ташкентской обсерватории, ныне здравствующего академика Фесенкова, тщетно ждавшего темноты для начала своих наблюдений.

После падения метеорита во всем районе, от бассейна реки Енисей до Атлантического океана, даже в Средней Азии и на Черном море, стояли белые ночи, позволявшие читать в полночь. На высоте 83 километров были замечены светящиеся серебристые облака неизвестного происхождения.

Вот вам задача, тщетно жаждущий лавров, дорогой мой оппонент. Объясните связь этого явления с упавшим метеоритом, а не компрометируйте себя спором по поводу установленного факта падения болида.

Словом, я был заражен полемическим азартом, и язвительная блестящая статья, громившая не известную мне антиметеоритную гипотезу, была уже в моей чернильнице. Мне не терпелось знать содержание переданного мне конверта.

В шитике стоит чернокожая женщина, по ветру развеваются рыжие волосы.

Но нетерпение мое, равно как и полемический азарт, было подвергнуто большому испытанию.

С 3 апреля по 14 августа 1945 года я не получал от своих доверителей никаких известий.

Сообщение о пресловутой атомной бомбе, сброшенной на Японию, отвлело меня от всяких мыслей о физике, геологе-этнографе и об их гипотезах. Но внезапно полученная телеграмма представила мне все в новом, неожиданном свете.

«Сравните сейсмические данные сотрясений 30 июня 1908 года и второго американского подарка. Ищу негритянку».

Сомнений быть не могло. Мой физик имеет в виду атомную бомбу, о которой услышал по радио.

Не скрою, я пережил ощущение, будто меня ударили туго набитым мешком по голове.

С волнением принялся я изучать подробности взрыва опытной бомбы в штате Нью-Мексико, когда с места испарившейся стальной башни к небу поднялся огненный столб, видимый за многие десятки километров.

С пристальным вниманием читал я описания взрывов бомб в Хиросиме и Нагасаки, где ослепительный огненный шар газов, раскаленных до температуры в двадцать миллионов градусов, взвился вверх, оставив за собой столб пламени, который прожег облака и расплылся по небу гигантским грибом черного дыма.

Фуки у меня дрожали, когда я сравнивал эти подробности с так тщательно подготовленными мной для дискуссии описаниями взрыва в тунгусской тайге.

Чтобы проверить себя, я побывал в Академии наук, в Комитете по метеоритам и получил дополнительный материал о «тунгусском падении». Там же я узнал о гибели профессора Кулика.

Замечательный русский ученый в первые же дни Отечественной войны добровольно встал на защиту родины с такой же верой в победу, какой удивлял мир при розысках тунгусского метеорита.

Как жаль, что этот выдающийся ученый не смог завершить свои исследования сопоставлением сейсмических записей падения метеорита и атомного взрыва!

Это сопоставление с помощью Института Академии наук удалось сделать мне.

Характерной особенностью сейсмических записей тунгусского сотрясения была регистрация двух толчков с тем большим расстоянием во времени друг от друга, чем дальше от места взрыва отстояла сейсмическая станция. Второй толчок в районе регистрирующей станции вызывался воздушной волной, распространявшейся от места взрыва с меньшей скоростью, чем волны земной коры.

Анализ показаний сейсмографов, отметивших атомный взрыв в Нагасаки, с поразящей точностью воспроизвел картину записей 30 июня 1908 года.

Неужели же в 1908 году мы имели дело с первым атомным взрывом на земле?

Передо мной лежал конверт, скрывавший мысли русского теоретика-физика, гениально угадавшего атомную реакцию в тунгусской катастрофе. Я едва мог победить раздражение против ученого, разыскивающего в тайге какую-то рыжую негритянку вместо опубликования своих идей.

Я считал колебания излишними и вскрыл конверт.

Меня ждал сюрприз, оправдавший мои действия. Кроме гипотезы об атомном взрыве тунгусского метеорита, там был теоретический доклад молодого ученого о проблеме использования атомной энергии. Не будучи специалистом, я не смог полностью понять всех смелых мыслей, прогнозов и обобщений этого труда, который я немедленно отослал в Академию наук. Статью же, в которой была изложена метеоритная гипотеза, я направил в набор.

Я оказался прав в своих запоздалых догадках. Мой теоретик предвидел все.

Да, тунгусская катастрофа, во время которой взрывы были слышны за тысячу километров, катастрофа, вызвавшая небывалые разрушения и настоящее землетрясение, породившая ослепительный шар газов, раскаленных до температуры в десятки миллионов градусов, который превратился затем при стремительном

взлете в огненный столб, видимый за 400 километров, — эта катастрофа могла быть только атомным взрывом.

Физик предполагал, что влетевший в земную атмосферу метеорит, вес которого он определял не в тысячи или сотни тысяч тонн, как прежде считали, а максимум в сто килограммов, был не железо-никелевым, как обычные металлические метеориты, а урановым, или состоял из еще более тяжелых трансурановых элементов, не известных на земле.

Огромная температура, которую метеорит, пролетая через земную атмосферу, приобрел, была одним из условий, при которых стала возможной реакция атомного распада. Метеорит взорвался, выделив свою атомную энергию, так и не коснувшись земли. Все его вещество, в основной массе, мгновенно испарилось, а частично превратилось в энергию, равную энергии взрыва двухсот тысяч тонн взрывчатого вещества.

Вот почему не смог найти профессор Кулик каких-либо остатков метеорита или его воронки. В центре булота оказалось лишь болото, образовавшееся над слоем вечной мерзлоты.

Наконец и два последних загадочных момента тунгусской катастрофы объясняла гипотеза моего физика. Таинственные серебристые облака, освещавшие ночью землю, были остатками радиоактивного вещества метеорита, выброшенными силой взрыва до слоя Хевисайда. Радиоактивный распад их атомов вызывал свечение окружающего воздуха.

Суеверный страх эвенков, бродивших в первые дни после катастрофы по бурелому, вызван «гневом» бога грома и грома, ослепительного Огды. Все, кто побывал в проклятом месте, погибали от страшной и непонятной болезни, поражающей язвами внутренние органы человека. Бедные эвенки оказались жертвами атомного распада мельчайших остатков вещества метеорита, рассыпанных в районе катастрофы.

Какими блестящими и тонкими казались теперь соображения моего физика! Ведь именно с этим явлением столкнулись японцы в Нагасаки после взрыва атомной бомбы. Распад оставшихся атомов мог продолжаться в течение полутора-двух месяцев.

Очередной номер журнала со статьей физика был уже сверстан и направлен в типографию, когда я получил от него телеграмму из Вановары:

«Гипотеза неверна. Уничтожьте рукопись. Видел чернокожую. Возвращаюсь».

Я был вне себя от изумления. Теперь я снова не хотел верить физике. Постороннему человеку трудно было бы себе представить, до чего мне было жаль расстаться с гипотезой об атомном взрыве метеорита! Я не мог... не мог заставить себя позвонить в типографию. Хорошо еще, что я хоть доклад физика об атомной энергии отослал в Академию наук.

Но как же быть? Какие опровержения мог найти физик на месте катастрофы?

Принесли еще одну телеграмму — опять из Вановары. Трясушимися пальцами развернул я бланк:

«Последний отпрыск доледниковых чернокожих сибириков найден. Публикуйте».

С недоумением разглядывал я телеграмму Сергея Антоновича. Какое же влияние могла оказать доледниковая негритянка на гипотезу атомного взрыва?

Наконец я сообразил, что все равно ничего понять не смогу. Мне казалось, что тут надо иметь воображение по меньшей мере помешанного.

Махнув рукой на все догадки, я вскрыл конверт Сергея Антоновича и стал прикидывать, сможет ли его статья заменить по объему другую, уже заверстаную в очередной номер журнала.

Я так увлекся этим профессиональным занятием, что не заметил, как дверь ко мне открылась и в комнату вошел бородачатый человек в грязных сапогах, оставивших следы на паркете. Расстегнув меховую куртку и сняв шапку-ушанку, он протянул мне руку, как старому знакомому.

Выжидающе смотря на незнакомца, я вежливо поздоровался и... вдруг сразу узнал его.

Борода! Отсутствующие очки! Однако как же мог он так скоро оказаться в Москве? Ведь я только что получил его телеграмму!

Я взял в руки телеграфный бланк и посмотрел на дату отправления: ну, конечно... задержка.

— Рукопись... — тяжело дыша, видимо от быстрой ходьбы, проговорил физик.—Я спешил с аэродрома...

— Журнал еще в типографии,—ответил я.—Но где же ваши очки?

Физик махнул рукой.

— Они разбились.

Молча он уселся в кресло, вытащил из кармана кигет, свернул закрубевшими коричневыми пальцами цыгарку и достал кремень с трутом.

Я протянул ему электрическую зажигалку. Посетитель смущенно улыбнулся.

— Одичал,—односложно сказал он прикуривая.

Мы сидели молча друг против друга. Я рассматривал моего преобразовавшегося ученого. Он казался теперь шире в плечах. Здоровый загар и окладистая курчавая борода делали его похожим на доброго молодца. Затягиваясь крепкой махоркой, он мечтательно смотрел в угол. Повидимому, мыслями он был далеко.

— Рассказывать?—односложно спросил он.

— Конечно же!

— Вы знаете,—он посмотрел на меня и вдруг, близко-руко прищурившись, превратился в уже знакомого мне теоретика-физика.—До сих пор я никогда не спал в лесу, а болото видел только из окна вагона. Я не выносил комаров и поэтому избегал ездить на дачу. Ванну я принимал два раза в неделю,—он сбросил пепел на пол, потом усмехнулся и виновато посмотрел на меня.—Словом, одичал,—совсем непоследовательно добавил он.

Мы помолчали.

— Вас, вероятно, интересует, зачем же, собственно, я ездил на место тунгусской катастрофы, что там искал? Я начну с пейзажа тайги в месте бурелома. Представьте себе: в центре катастрофы, вокруг болота, прежде считавшегося основным кратером, где, казалось бы, действие взрыва было страшнее всего, лес остался на корню. Деревья, поваленные всюду в радиусе тридцати километров, там не лежат, а стоят. Из земли торчат огромные палки, между которыми уже порос молодняк... Это бывшие деревья, корни их давно мертвы, на них нет коры, она обгорела, обвалилась. Все ветви срезаны чудовищным вихрем, а на месте каждого сучка — уголек. Телеграфные столбы — вот на что походят эти деревья. Они могли устоять только под вертикальным ураганом, под ураганом, улавшим сверху.

Мой посетитель сильно затаился и с видимым наслаждением выпустил в потолок густой клуб дыма. Я не прерывал его молчанья.

— Именно эта картина и нужна была мне,—продолжал он, с видимым трудом отрываясь от своих мыслей.—Почему устоял этот мертвый лес? Только потому, что деревья в том месте были перпендикулярны к взрывной волне. А это могло быть лишь в том случае, если взрыв произошел над землей! Раскаленные до температуры в сотни тысяч градусов, газы, пролетев с огромной скоростью, срезали ветви, ожгли деревья и создали за собой разрежение. Холодный воздух, устремившийся следом, загасил пожар.

— Так, значит, взрыв все же произошел?—почти обрадовался я.

— Да, на высоте трехсот пятидесяти метров над землей. Я подсчитал эту высоту, исходя из размеров площади мертвого леса, оставшегося на корню. Простая геометрическая задача.

— Никакого взрыва, кроме атомного, не могло произойти, если метеорит не коснулся земли. Теперь я готов защищать вашу гипотезу даже против вас самого! — с жаром воскликнул я.

— Это интересно,—сказал физик.—Научная дуэль? Защищайтесь!

И вот мы приступили к довольно странной дискуссии. Физик все-таки оказался моим оппонентом, но... мы поменялись с ним ролями.

— Отчего же мог произойти мгновенный взрыв метеорита?—спросил физик, затягиваясь махрой.

— Надо полагать, что он был из изотопа урана с атомным весом 235, способного к так называемой «цепной реакции».

— Правильно. Или изотоп урана, или еще более тяжелый радиоактивный металл плутоний, уже не встречающийся на земле, но искусственно создаваемый из урана. Теперь опишите картину цепной реакции, и вы сразу увидите слабость защищаемой вами гипотезы.

— Охотно вам отвечу. Если атомы изотопа урана бомбардировать нейтронами, электрически не заряженными элементарными частицами материи, то при попадании нейтрона ядро будет делиться на две части, высвобождая огромную энергию и выбрасывая, кроме того, три нейтрона, которые разбивают соседние атомы, в свою очередь выбрасывающие по три нейтрона. Вот вам картина непрерывной цепной реакции, которая не прекратится, пока все атомы урана не распадутся.

— Совершенно правильно. Но ответьте, что требуется для начала атомной реакции?

— Разбить первый атом, попасть нейтроном в первое ядро.

— Вот именно. Но здесь-то и кроется ловушка. Вы знаете, как далеко друг от друга расположены атомы? Расстояния между ними подобны расстояниям между планетами, если приравнять величину планет и атомных ядер. Попробуйте попасть несущейся кометой, какой можно себе представить нейтрон, в одну из планет — в ядро. Физики подсчитали, через какую толщу урана надо пропустить нейтрон, чтобы по теории вероятности он попал в атомное ядро. У некоторых получилось, что для начала цепной реакции так называемая критическая масса урана должна быть не менее 80 тонн.

— Неправда! Вы прибегаете к нечестным приемам. Так думали прежде. Но ведь я сам направил в Академию наук ваш собственный доклад. Вы забыли об этом? Вы доказали вздорность этого утверждения и подсчитали, что для начала атомной реакции достаточно, чтобы урана было только один килограмм.

— Согласен,—улыбнулся физик.—Вы бьете меня моим же оружием, но не разгадали еще моего коварства. Да, действительно, в полкилограмме урана ценная реакция под влиянием потока нейтронов начаться не может, в килограмме урана она начнется обязательно. Что же из этого следует? Как будто уже ясно, что падавший метеорит должен был иметь изотопа урана 235 не менее килограмма.

— Совершенно верно.

— Но, с другой стороны, нужны летящие нейтроны. Скажите мне, отчего же началась реакция? Откуда взялись потоки нейтронов?

— А космические лучи? В них ведь встречаются летящие нейтроны?

— Вы подготовлены, безусловно подготовлены,—усмехнулся физик.— Но ведь такой поток нейтронов существовал и за пределами атмосферы. Почему же метеорит не взорвался там?

— Решающую роль здесь должна играть скорость нейтронов. Ведь при большой скорости нейтроны могут не причинить ядру вреда, подобно пуле, пробивающей доску, но не роняющей ее.

— Замечательно верно,—ударил физик кулаком по столу.—Для начала цепной реакции летящие нейтроны надо притормозить.

— Если на изменение скорости нейтронов повлияла высокая температура, нагревание метеорита при прохождении им атмосферы...

— Попались!—закричал физик вскакивая.—Вы разбиты, дорогой оппонент! Нам уже приходится делать допущения. «Если!» Никаких «если!» Я не знаю, как сделали американцы свою атомную бомбу, но мы с вами сейчас невольно разобрали весь ее «механизм». Да, самое трудное, что американцам пришлось сделать — это затормозить нейтроны. И в этом они вряд ли обошлись без тяжелой воды.

— Верно, американцы действительно применили тяжелую воду. Как, однако, вы были хорошо осведомлены, находясь в тайге!

— Я был осведомлен не в тайге, а до тайги. Я ведь теоретик. Теоретики должны видеть решение задачи за много лет вперед, за много лет до того, как она будет решена практиками, эмпириками. Так вот, в нашем с вами метеорите трудно себе представить наличие тормозящих элементов, включающихся в нужный момент. Ведь в американской атомной бомбе они были сделаны искусственно.

— Так что же вы искали в тунгусской тайге, если до отъезда туда знали, что атомного взрыва произойти не могло?—вскочил я, готовый броситься на физика, с такой убийственной холодностью опровергавшего самого себя.

— Я искал «то», что могло быть там до катастрофы. Для этого я с миноискателем в руках исходил немало километров, в кровь искусаанный проклятым гнусом.

— С миноискателем?

Я уставился в физика и несколько мгновений молчал соображая.

— Что же, найденное там изменило ваши взгляды?— почти закричал я.— Неужели вы подозреваете, что взрыв был подготовлен искусственно, что мы имели дело с атомной бомбой?

— Нет, — спокойной возразил физик.—Этот атомный взрыв не был вызван бомбой.

— Я сдаюсь. Я больше не могу. Значит, все неверно... Вы ничего не нашли?

— Да, в течение полутора месяцев пребывания в районе бурелома я не нашел ни метеоритного кратера, ни осколков метеорита или его следов, ни каких-либо металлических предметов, которые могли быть там до взрыва. Это и немудрено. Взрывом даже деревья вдавливалось в торф на четыре метра. Но...

— Что «но»? Не мучайте... Рассказывайте, что же вы нашли?

— Не прерывайте. Я расскажу вам все по порядку.

— Я сдаюсь. Я уже не оппонент, но лишь слушатель. Разрешите только записывать.

— Как я уже вам сказал, поиски с миноискателем не дали мне ничего. Так как экспедиция только начинала работу, то я вынужден был после поисков в районе бурелома отправиться вместе с Сергеем Антоновичем, по нашему с ним уговору, разыскивать его дурацкую чернокожую женщину, жившую где-то в тайге. Конечно, я тогда не думал, что она сможет опровергнуть мою первоначальную гипотезу. Мы достали проводников-эвенков и верхом на их оленях двинулись в путь.

— Атомный взрыв и чернокожая! Какая связь? — простонал я.

— Вы обещали не прерывать.

— Но должна же быть у вас, ученых, логика. Ну, хорошо, молчу.

— Около двух месяцев гонялись мы безустали за последней из племени чернокожих сибиряков. Мы узнали, что она была жива и чуть ли не шаманила где-то. Мы добрались до нее, наконец, в стойбище, около местечка с удивительно звучным названием «Таимба», неожиданным и для русского и для эвенкийского языка. Привел нас туда эвенк Илья Потапович Лючеткан, когда-то служивший проводником профессору Кулику, несмотря на шаманские запреты. Это был глубокий старик с коричневым морщинистым лицом и настолько узенькими глазами, что они казались почти всегда закрытыми.

— Шаманша—непонятный человек, — говорил он, поглаживая голый подбородок. — Сорок или меньше лет назад она пришла в род Хурхангырь. Порченная была.

Мы знали, что порченными эвенки называют одинаково и контуженных и безумных.

— Говорить не могла, — продолжал Илья Потапович, — кричала. Много кричала. Ничего не помнила. Умела лечить. Одними глазами умела лечить. Стала шаманшей. Много лет ни с кем не говорила. Непонятный человек. Черный человек. Не наш человек, но шаман... шаман... Здесь еще много старых эвенков. Русского царя давно нет. Купца, что у эвенков мех отбирал, давно нет, а у них все еще шаман есть. Другие эвенки давно шамана прогнали. Учителя взяли. Лесную газету писать будем. А здесь все еще шаманша

есть. Зачем ее смотреть? Лучше охотничью артель покажу. Так вам говорю, баё.

Сергей Антонович всячески пытался, из какого рода сама шаманша, надеясь узнать ее родословную. Но удалось нам установить только то, что до появления ее в роде Хурхангырь о ней никто ничего не знал. Возможно, что языка и памяти она лишилась во время метеоритной катастрофы, повидимому, окончательно не справившись от этого и до наших дней.

Лючеткан говорил:

— Эвенков при царе заставили креститься, а они шаманов оставили, не хотели царя слушаться. Все черной гагаре, рыбе таймену да медведю поклонялись. А теперь шаманов прогнали.

Он же рассказал нам, что у черной шаманши были свои странные обряды.

Она шаманила ранним утром, когда восходит утренняя звезда.

Лючеткан разбудил нас с Сергеем Антоновичем. Мы тихо встали и вышли из чума. Рассыпанные в небе звезды казались мне осколками какой-то атомной катастрофы вселенной.

В тайге нет опушек или полян. В тайге есть только Солота.

Конический чум шаманши стоял у самой топи. Сплошная стена лиственниц отступала, и были видны более низкие звезды.

Лючеткан остановил нас.

— Здесь стоять надо, баё.

Мы видели, как из чума вышла высокая, статная фигура, а следом за ней три эвенкийские старушки, казавшиеся совсем маленькими по сравнению с шаманшей. Процессия гуськом двинулась по топкому болоту.

— Бери шесты, баё. Провалишься — держать будет. Стороной пойдем, если смотреть хочешь и смеяться хочешь.

Словно канатоходцы, с шестами наперевес, шли мы по живому, вздыхающему под ногами болоту, а кочки справа и слева шевелились, будто готовые прыгнуть. Даже кусты и молодые деревья раскачивались, цеплялись за шесты и, казалось, старались заслонить путь.

Мы повернули за поросль молодняка и остановились. Над черной уступчатой линией леса, окруженная маленьким ореолом, сияла утренняя звезда.

Шаманша и ее спутницы стояли посредине болота с поднятыми руками. Потом я услышал низкую длинную ноту. И, словно в ответ ей, прозвучало далекое лесное эхо, повторившее ноту на какой-то многооктавной высоте. Потом эхо, звуча уже громче, продолжило странную, неясную мелодию. Я понял, что это пела она — шаманша.

Так начался этот непередаваемый дуэт голоса с лесным эхом, причем часто они звучали одновременно, сливаясь в непонятной, но околдовывающей гармонии.

Песня кончилась. Я не хотел, не мог двигаться.

— Это доисторическая песнь. Моя гипотеза о доледниковых людях в-в-верна, — восторженно прошептал Сергей Антонович.

Днем мы сидели в чуме шаманши. Нас привел туда Илья Иванович Хурхангырь, сморщенный старик без единого волоска на лице. Даже ресниц и бровей не было у лесного жителя, не знающего пыли.

На шаманше была сильно поношенная эвенкийская парка, украшенная цветными тряпочками и ленточками. Глаза ее были скрыты надвинутой на лоб меховой шапкой, а нос и рот закутаны драной шалью, словно от мороза.

Мы сидели в темном чуме на полу, на вонючих лешурах.

— Зачем пришел? Больной? — спросила шаманша низким бархатным голосом. И я сразу вспомнил утреннюю песню на болоте.

Подчиняясь безотчетному порыву, я пододвинулся к чернокожей шаманше и сказал ей:

— Слушай, баё шаманша. Ты слышала про Москву? Там много каменных чумов. Мы там построили большой шитик. Этот шитик летать может. Лучше

птиц, до самых звезд летать может, — я показал рукой вверх. — Я вернусь в Москву, а потом полечу в этом шитике на небо. На утреннюю звезду полечу, которой ты песни поешь.

Шаманша наклонилась ко мне. Кажется, понимала.

— Полечу на шитике на небо, — горячо продолжал я. — Хочешь, возьму тебя с собой, на утреннюю звезду?

Шаманша смотрела на меня совсем синими испуганными глазами.

В чуме стояла мертвая тишина. Чье-то напряженно-внимательное лицо смотрело на меня из темноты. Вдруг я увидел, как шаманша стала медленно оседать, потом скорчилась и упала на шкуру. Вцепившись в нее зубами, она стала кататься по земле. Из ее горла вырывались клокочущие звуки — не то рыдания, не то непонятные, неведомые слова.

— Ай, баё, баё, — закричал тонким голосом старик Хурхаггырь, — что наделал, баё!.. Нехорошо делал, баё. Очень нехорошо... Иди, скорей иди, баё, отсюда. Священный звезда, а ты говорил — плохо...

— Разве можно задевать их в-в-верования? Что в-в-вы наделали? — злобно шептал Сергей Антонович.

Мы поспешно вышли из чума. С непривычной быстротой бросился Лютеткан за оленями.

Я не знаю более миролюбивых, кротких людей, чем эвенкийские лесные охотники, но сейчас я не узнавал их. Мы уезжали из стойбища, провожаемые урюмыми, враждебными взглядами.

— В-в-вы сорвали этнографическую экспедицию Академии наук, — с трудом выговорил Сергей Антонович, придерживав своего оленя, чтобы поравняться со мной.

— Гипотеза ваша не верна, — буркнул я и ударил каблуками своего рогатого коня.

Мы поссорились с Сергеем Антоновичем и все три дня, прошедшие в ожидании гидроплана из Красноярска, не разговаривали с ним ни разу.

Один только Лютеткан был доволен.

— Молодец, баё, — смеялся он, и глаза его превращались в две поперечные морщины на коричневом лице. — Хорошо показал, что шаманша только порченый человек. В эвенкийскую лесную газету писать буду. Пускай все лесные люди знают.

Странные мысли бродили у меня в голове. Прилетевший гидроплан от быстрого течения уже подрагивал на чалках. Уже шитик доставил меня к самолету, но я все не мог оторвать взгляда от противоположного берега Подкаменной Тунгуски.

За обрывистой, будто топором срезанной скалой река, как бы нехотя, поворачивала направо. туда... к местам атомной катастрофы. Но на противоположном берегу ничего нельзя было разглядеть, кроме раскачивающихся верхушек уже пожелтевших и покрытых ранним снегом лиственниц.

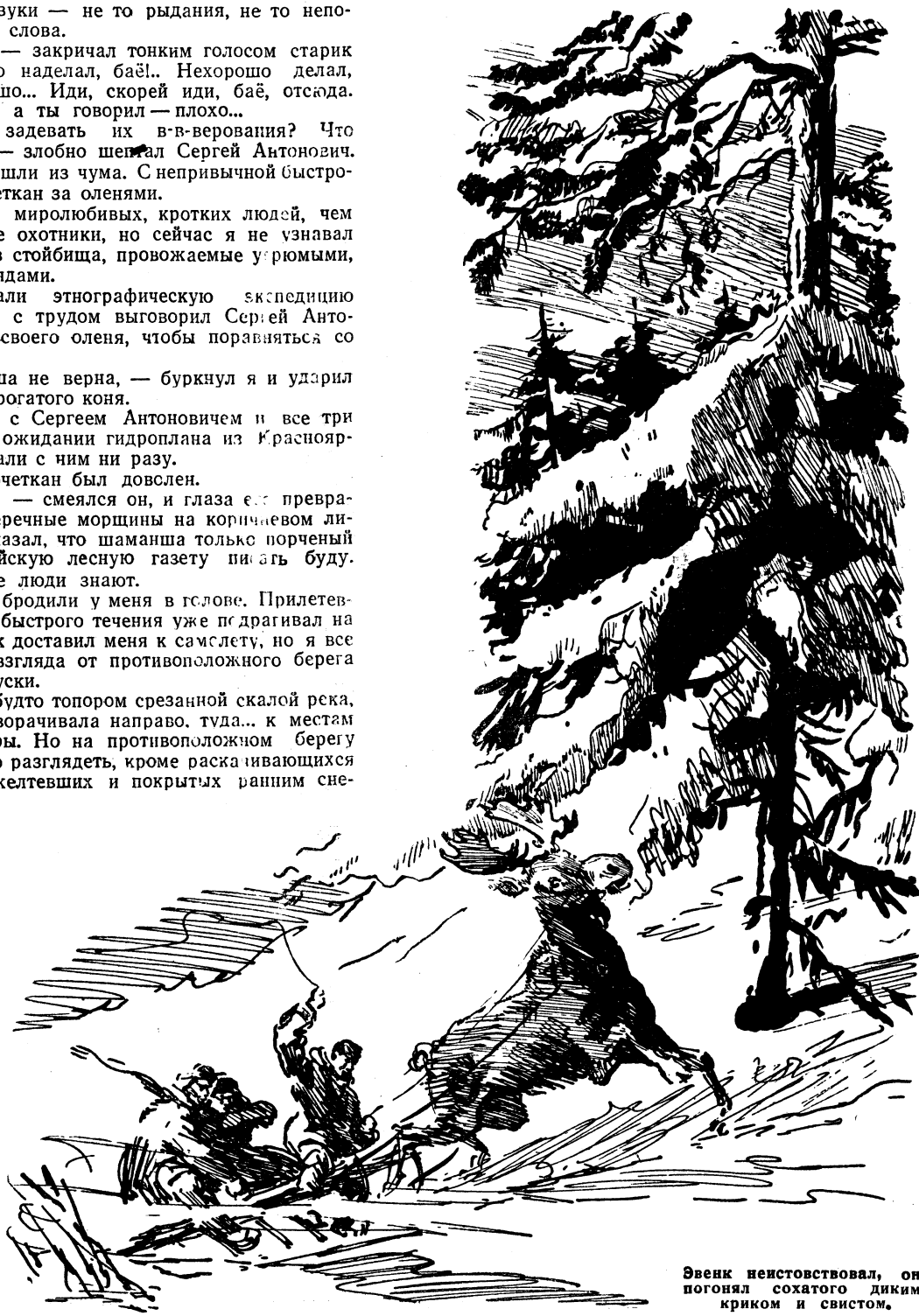
Вдруг я заметил над обрывом подпрыгивающую фигуру. Послышались выстрелы. Какой-то человек, а рядом с ним сохатый!

Эвенк на лосе!

Ни минуты не колеблясь, я сел в шитик, чтобы плыть на ту сторону. Неожиданно в лодку тяжело прыгнул грузный Сергей Антонович. Ангарец налег на весла. Эвенк перестал стрелять и стал спускаться к реке.

Шитик с разбегу почти наполовину выскочил на камни.

— Баё, баё! — закричал эвенк. — Скорей, баё! Времени бирда хок. Совсем нету. Шаманша помирает. Велела тебя привести. Что-то говорить хочет.

Эвенк неистовствовал, он погонял сохатого диким криком и свистом.

Он разорвал свою статью на аккуратные мелкие кусочки.

Впервые со времени нашей ссоры с Сергеем Антоновичем мы посмотрели друг на друга.

Через минуту лось мчал нас по первому снегу, между обрывистым берегом и золотисто-серой стеной тайги.

Когда-то я слышал, что лоси бегают со скоростью восьмидесяти километров в час. Но ощущать это самому, судорожно держась за сани, чтобы не вылететь... Видеть проносящиеся, слитые в мутную струю пожелтевшие лиственничные... Щуриться от летящего в глаза снега... Нет, я не могу вам передать ощущения этой необыкновенной гонки по тайге! Эвенк ченствововал. Он посылал сухого диким криком и сантом. Комья снега били в лицо, словно была пурга. От ураганного ветра прихватывало то одну, то другую щеку.

Вот и стойбище. Я протираю запорошенные глаза. Очки разбиты во время дикой гонки.

Толпа эвенков ждет нас. Впереди старик Хурхангырь. — Скорее, скорей, баё! Времени совсем мало! — По щекам его одна за другой катятся крупные слезы.

Бежим к чуму. Женщины расступаются перед нами. В чуме светло. Трещат смолистые факелы. Посредине, на каком-то подобии стола или высокого ложа распростерто чье-то тело.

Неволью я вздрогнул и схватил Сергея Антоновича за руку. Окаменевшая в предсмертном величии, перед нами, почти не прикрытая, лежала прекрасная статуя, словно отлитая из чугуна. Незнакомые пропорции смолисто-черного лица были неожиданны и ни с чем не сравнимы. Да и сравнишь ли красоту скалы из дикого черного камня с величественной красотой греческого храма!

Мужественная энергия и затаенная горечь создали

изгиб этих с болью сжатых женственных губ. В напряженном усилении поднялись у тонкой переносицы строгие брови. Странные выпуклости надбровных дуг делали застывшее лицо чужим, незнакомым, никогда не встречавшимся.

Рассыпанные по плечам волосы отливали одновременно и медью и серебром.

— Неужели умерла?

Сергей Антонович наклонился, стал слушать сердце.

— Не бьется, — испуганно сказал он.

Ресницы черной богини вздрогнули. Сергей Антонович отскочил.

— У нее сердце в-в-в правой стороне! — прошептал он.

Вокруг стояли склонившиеся старухи. Одна из них подошла к нам.

— Баё, сна уже не будет говорить. Помирать будет. Передать велела. Лететь на утреннюю звезду будешь, обязательно с собой возьми...

Старушка заплакала.

Черная статуя лежала неподвижно, словно и в самом деле была отлита из чугуна.

Мы тихо вышли из чума. Надо было уезжать. Ледостав мог сковать реку, гидроплану — не подняться в воздух. Ну вот... и я здесь.

Физик кончил. Он встал и, видимо в волнении, прошелся по комнате.

— Она умерла? — нерешительно спросил я.

— Я вернусь, обязательно вернусь еще раз в тайгу, — сказал мой посетитель, — и может быть... увижу ее.

К его гипотезе об атомном взрыве метеорита мы уже дописали несколько фраз, когда в комнату вошел тоже обросший бородой Сергей Антонович.

— Опубликовали мою гипотезу о чернокожей? — спросил он, даже не здороваясь от волнения.

Вместо ответа я протянул ему страницу, на которой я начал писать под диктовку физика. Ошеломленный Сергей Антонович несколько минут сидел молча, не выпуская из рук бумажки. Потом встал, попросил у меня свою статью и методически разорвал ее на аккуратные мелкие кусочки.

Я еще раз перечитал добавление к гипотезе физика:

«Не исключена возможность, что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, использовавшем атомную энергию. Приземлившись в верховьях Подкаменной Тунгуски путешественники могли разойтись для обследования окружающей тайги, когда с их кораблем произошла какая-то авария. Подброшенный на высоту трехсот пятидесяти метров, он взорвался. При этом реакция постепенного выделения атомной энергии перешла в реакцию мгновенного распада урана или другого радиоактивного топлива, имевшегося на корабле в количестве, достаточном для его возвращения на неизвестную планету».

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

❖ Южноафриканские жуки-носороги настолько велики и сильны, что, налетая с размаху на электрические лампочки, они разбивают их вдребезги.

❖ Малайская летучая ящерица бескрыла. Делая прыжок, она раскрывает широкие перепонки, натянутые на подвижные, далеко выступающие концы ребер, и несколько мгновений держится в воздухе.

❖ Первая экспедиция к истокам Нила была послана римским императором Нероном в первом веке нашей эры.

❖ На Северном полюсе человек оказывается на двадцать один километр ближе к центру Земли, чем на экваторе.

❖ Ледяные горы полярных морей плавают в соленой воде, но сами состоят из пресного льда материкового происхождения.

❖ На морском дне живет неподвижное червеобразное животное — голотурия. Некоторые разновидности голотурий в момент опасности как бы выворачиваются наизнанку, выбрасывая прочь внутренности, которые затем отрастают вновь.

ЖИЗНЬ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Капитан-лейтенанта
ГОЛОВНИНА
путешественника
и
МОРХОДЦА

Р. ФРАЕРМАН и П. ЗАЙКИН

Морская повесть

Рисунки Н. Витинга

ВЕСНА В ГУЛЬЕНКАХ

В

есна 1788 года в Гульенках¹ была поздней. Уже стояли первые дни мая, а в помещицьем парке еще только зацветали северные фиалки, бледные, непахнущие цветы, и веселые большеголовые галки готовились устраивать гнезда в дуплах старых парковых лип.

За криками и возней галок наблюдали два мальчика. Один из них, постарше, лет двенадцати, в мягких сапожках, без шапки, со смуглым и смышленным лицом, был Вася—барчук, глядевший черными, блестящими глазами вверх на птиц, на разлитые вершины старых деревьев. А другой, весь белый, с белыми волосами, с маленькими синими глазками, был дворовый мальчик Головинных, Тишка, определенный волею тетушки Екатерины Алексеевны в казачки к молодому барчуку. Одет он был, как казачок, в новенький мундир со светлыми пуговицами, из-под которого, однако, виднелся край длинной рубахи, сшитой из грубого домотканного холста нянькой Ниловой, которой Тишка приходился внучатым племянником.

Оба мальчика с особенным волнением следили за птицами, хотя шумные гульенковские галки были им давным-давно знакомы.

Но через два дня Вася уезжал в Москву к дядюшке Максиму, а оттуда в Петербург, в Морской корпус, куда был предназначен еще волею своего покойного отца и всех родственников, в том числе и дальней родней покойной матери, тетушкой Екатериной Алексеевной, с которой он жил в Гульенках.

Теперь Вася прощался с гульенковским парком и с галками, которые, казалось ему, сегодня галдят по особенному, словно понимают, какое большое событие

происходит в его жизни, понимают, что он покидает родной дом.

С тех пор как Вася узнал, что он будет учиться в Морском корпусе, море стало занимать его воображение с такой силой, что даже снилось ему иногда, хотя он его никогда не видел.

Он прочел на французском языке «Одиссею», которую дала ему гувернантка, старая француженка Жозефина Ивановна, прочел другие книги, где рассказывалось о море, но моря самого все же представить себе не мог. И снился ему обыкновенно гульенковский пруд, который тоже был очень большой и начинался в парке, затем выходил далеко за его пределы, оканчиваясь где-то в заболоченном лесу.

И сейчас, нагледевшись вдоволь на галок, мальчики побежали к пруду, где уже давно в одном из заливишков был спрятан старый, полусгнивший дощаник, превращенный Васей втайне от тетушки в славный корабль «Телемак» с парусами, послушный воле океанских ветров.

Надо было попрощаться и с кораблем и с прудом.

На пруду было тихо. Из леса тянул только слабый ветерок, который не морщил даже воду. Плотно наевшиеся гуси, затеявая веселую игру, носились вперегонки по пруду и, ленясь подняться на воздух, чертили лапками по его зеркальной поверхности.

Мальчики долго глядели на воду.

— Ленивые,—сказал Вася, следя за игрою гусей.—Смотри, как хорошо летают чайки, все небо облетят кругом, а ведь тоже жрут рыбу. А ты бы хотел быть птицей?—спросил он вдруг у Тишки.

— А то нет разве,—сказал Тишка.

— Коли хочешь, так надо быть птицей, — сказал Вася своему казачку и другу. — А чего же зря хотеть?

Но Тишка в ответ только покачал головой.

Тишка хорошо знал, что он крепостной человек и что птицей ему быть не дозволено.

¹ Гульенки, или Гульинки, — бывшее родовое поместье дворян Головинных в Рязанской губернии Пронского уезда.

И это вскоре же оказалось правдой, как только Тишка влез вслед за своим капитаном — Васей — на гнилой дощаник, и оба они тут же опрокинулись в воду. При этом Тишка разорвал о гвоздь, торчавший из кормы дощаника, свой мундирчик с ясными пуговицами, а Вася весь вымок и чуть не утонул.

Гнев тетушки Екатерины Алексеевны, когда она узнала об этом, был очень велик.

Вася был оставлен без сладкого и без прогулок, а у Тишки тетушка отняла мундир, и сам Тишка был выгнан из господского дома вон и снова водворен в темную избу своей матери — птичницы Степаниды.

Вася был сильно огорчен.

Терзал его не столько гнев тетушки и не столько страх перед нею, сколько беда, постигшая его, казачка Тишку.

В этой беде Вася считал виноватым только себя. А наказан же был Тишка. И эта несправедливость и жестокость тетушки так сильно поразили сердце Васи, что он заплакал.

«Это все потому, — подумал Вася, — что я сирота».

И даже старая нянька Ниловна не могла его утешить.

Несмотря на строгое запрещение тетушки, Вася покинул свою классную комнату, выбежал на широкое крыльцо гульенковского дома и отправился искать Тишку.

Он нашел его на зеленой луговине перед птичьим двором. Тишка как будто вовсе не был огорчен своим несчастьем. Он сидел на траве и, время от времени поглядывая на пасшихся по луговине гусей, мастерил дудочку из лозы. Вместо мундирчика на нем была уже обыкновенная домотканная рубаха из новины.

Васе хотелось хоть чем-нибудь заглядеть свою вину перед Тишкой, и, порывшись в карманах, он извлек оттуда большой серебряный рубль с изображением царицы и протянул его Тишке.

— Вот, возьми себе...

Подарок Тишке понравился.

— Эта штука хороша, — сказал он, — это, брат, денга, ее можно закопать в землю, ни в жизнь не найдут.

И Тишка стал пробовать монету на зуб. Затем он повернул ее изображением царицы кверху, похлопал по ней своей грязной ладошкой и сунул в рот, ибо больше ему было некуда спрятать столь ценную вещь. Потом взял валявшуюся в траве хворостинку и стал собирать гусей, которые разбрелись по луговине.

А Вася пошел куда глаза глядят. Он долго бродил по самым дальним дорожкам парка, заросшим травой и густым кустарником.

Незаметно день погас, и тихий весенний вечер, душистый и свежий, спустился на землю. В парке пели соловьи. Хотелось есть и спать. Но для этого нужно было идти домой. И Вася решил никогда-никогда больше туда не возвращаться. Завтра рано утром он уйдет пешком в Москву, где живет дядюшка Максим. А затем поступит в корпус. Но где переночевать? Где раздобыть хоть немного еды, чтобы его не задержали и не отвели в дом? И Вася осторожно пробирается к птичьему двору и тихо стучится в крохотное оконце Степанидиной избы.

— Кто? — спрашивает из темноты голос Тишки.

— Это я, — шепчет Вася. — Тише! Твоя мать дома?

— Не, — отвечает Тишка. — Углядела даве твой рублевик, теперь пошла сдавать его в господский дом.

— Где ты был? — спрашивает Тишка. — Тебя целый день искали, весь парк обшарили.

— Пусть ищут, — отвечает Вася. — Нет ли у тебя хлеба?

Тишка протянул ему в окно краюху кислого черного хлеба. Вася отщипнул большой кусок его и сунул в рот.

«Как вкусно!» подумал он почти вслух и исчез в темноте ночи.

Из-за ближнего леса показалось пылающее зарево. То всходила луна. Надо было спешить. И он побегал по направлению к гумну, где ометы прошлогодней со-

ломы стояли длинными порядками, как дома в горюде. В узких проходах между ометами было сыро и темно, но от соломы еще отдавало дневным теплом и запахом спелого зерна.

Вася влезает на начатый омет, зарывается в солому по горло, достает из-за пазухи остатки Тишкиной краюхи и с аппетитом доедает хлеб. Где-то в соломе шуршат мыши. Между ометами бесшумно, как тени, носятся совы, охотясь на мышей. Бесшумно движется луна по безоблачному небу. Где-то высоко над гумном проносятся со звонкими криками невидимые кулички.

Вася слышит сквозь сон какие-то странные звуки. Солома вдруг начинает двигаться. Его лица касается что-то холодное и серое. На грани сна и яви он не может понять, что это. Но ему делается страшно, и он просыпается.

— Пегас!

Огромный, серопегий, в черную крапину отцовский лягаш Пегас вертится вокруг него, довольный тем, что наконец разыскал так хорошо спрятавшегося барчука. Ему не впервой эта игра. И Пегас радостно лижет Васю в самые губы. Вася укладывает Пегаса рядом с собою и прижимается к собаке, которую теперь считает своим единственным другом.

Луна уже склоняется к горизонту. Поля курятся легким туманом. Должно быть, скоро рассвет. Вася прижимается покрепче к собаке и снова засыпает. Он не слышит, как Пегас осторожно оставляет его, спускается с омета и исчезает. Пес бежит крупной деловитой рысью, где по дороге, где прямо по траве, направляясь к господскому дому и стараясь ничем не отвлекаться. Но иногда его носа касаются такие завлекательные запахи, что никак нельзя не остановиться и не порыться носом в росной траве.

Но вот из-под ног его выпрыгивает холодный, мокрый лягушонок. Этого Пегас уж никак не может пропустить. Он на ходу ловит лягушонка передними лапами и, брезгливо подбирая свои брудастые губы, прихватывает его одним зубом, трясет головой изо всей силы и забрасывает лягушонка куда-то в траву.

На подъезде барского дома Пегас замечает стоящих в нерешительности женщин, бургомистра Моисея Пахомыча и кучера Агафона, в которых он по запаху еще издали узнает хорошо знакомых и уважаемых людей. И он приветствует их умильными гримасами и усиленным маханием хвоста. Нянька Ниловна, увидев собаку, говорит:

— Вот Пегас. Где ты гонял, непутевый? А ну, ищи барчука! Ищи, ищи!

Пегас любит эту привычную для него игру. Он радостно гавкает и устремляется в ту сторону, откуда только что прибежал.

БОЛЕЗНЬ ВАСИ

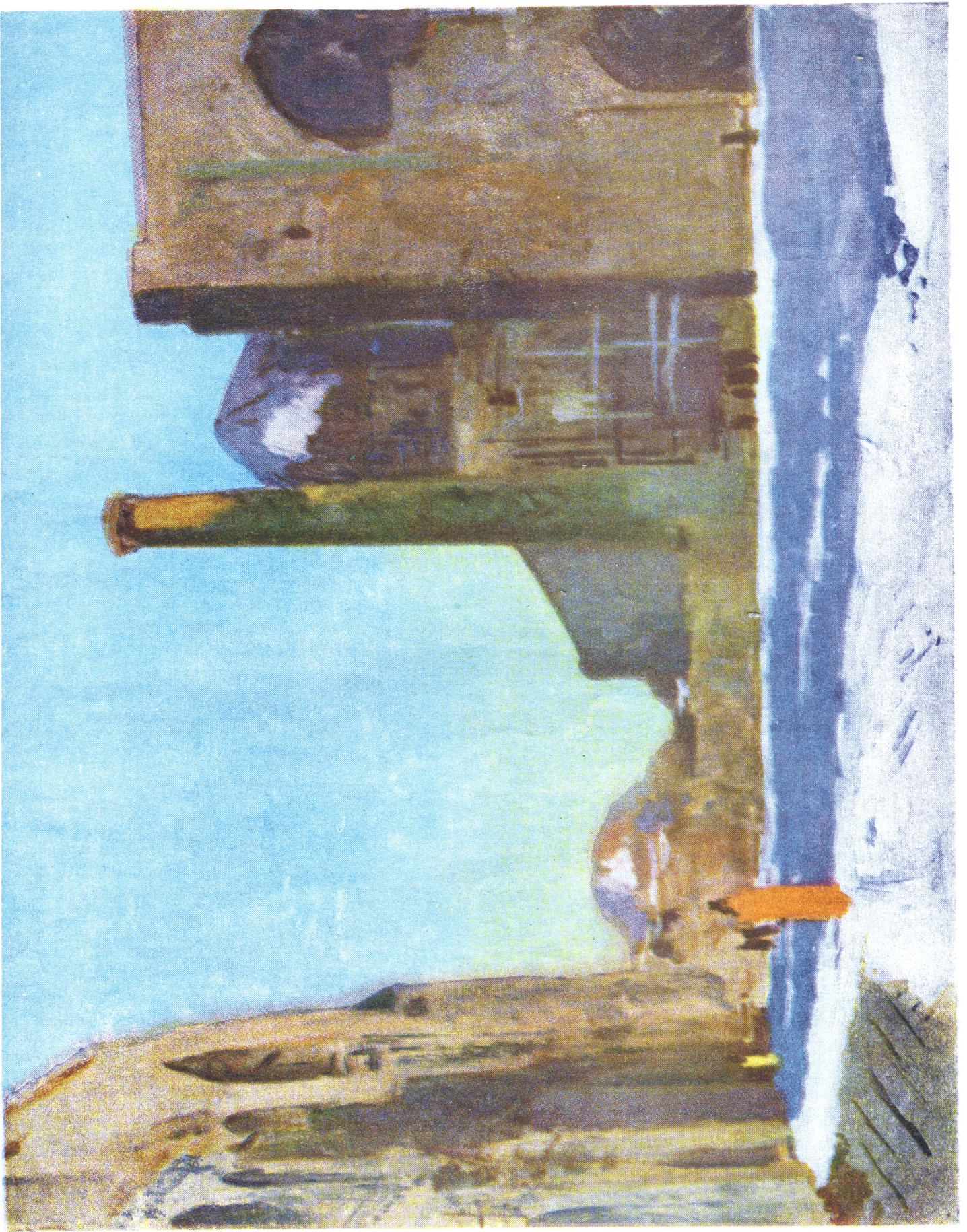
И так скоро, как предполагала тетушка и как думал сам Вася, прощаясь с галками в парке, пришлось ему покинуть Гульенки. Росная весенняя ночь, проведенная им в омете среди сов и мышей, не прошла для него даром. Целых три дня пролежал Вася в постели, в жару и полусабытии, пока привезенный из уездного города Пронсака лекарь не поставил Васе пивки и не дал выпить бальзама.

На четвертый день Васе стало лучше. И вскоре он уже был здоров. Но гулять его еще долго не выпускали.

Только что прошел короткий дождь с грозой. Еще в водосточной трубе журчат последние струйки дождевой воды, а за окном уже звенят зяблики, и по мокрой траве осторожно шагают, боясь замочиться, молчаливые куры с кокетливо опущенными хвостами.

Вася сидит на подоконнике, в халатике, в мягких туфлях. На коленях у него лежит раскрытая французская книга. Это кругосветное путешествие английского мореплавателя Джемса Кука.

Вот уже целых три дня он не выпускает этой книги из рук. Да и как было не читать? Снова море было перед ним. Он плыл вместе с Куком на его корабле «Ре-

„Зима в Самарканде“.

*Картина народного художника РСФСР
С. В. Герасимова.*

Сергей Васильевич Герасимов является одним из выдающихся мастеров советского искусства. Его кисти принадлежит целый ряд прекрасных пейзажей, передающих богатство и многообразие русской природы.

Репродуцируемая нами картина „Зима в Самарканде“ представляет площадь Регистана с ее архитектурным комплексом старинного восточного города. С присущими ему остротой и ярким чувством цвета художник воспроизвел своеобразие пейзажа одного из древнейших культурных центров Узбекской ССР.

золушкин» бурной Атлантикой, попадал в страшные ураганы Южного океана¹, побывал среди дикарей Новогвельдских островов, штормовал, лежал в дрейфе.

— Ах, — воскликнул он, захлопывая книгу, — кто сей отважный капитан со столь кратким именем Кук? Ужель никто из россиян не мог бы сравниться с ним?.. Нянька, — говорит он вдруг, — ты знаешь, сколь велика Россия?

— Где же мне, батюшка, знать, — отвечает Ниловна. — А вот лучше, может, хочешь откусать? Может, киселька малинового с миндальным молочком тебе принести? Может, ватрушечку со сливками?

Вася отрицательно мотает головой.

— Ни ани, ни нуа не хочу, — отвечает он. — У меня табу расиси.

— Чего? чего? — недоумевает старушка. — Это где же ты выучился такой тарабарщине? От цыган слышал, что ли?

— Не от цыган, а от дикарей острова Тана, нянька. Я был в путешествии.

— Господи, батюшка, уж не повредился ли ребенок? — бурчит про себя Ниловна. — В каком же путешествии ты был, Васенька, ежели из горницы который день не выходишь?

— А вот! — и Вася потрясает в воздухе Куком.

— А ты не зачитывайся, батюшка, — советует Ниловна. — От этого повреждение ума может случиться. Ты бы покушал чего.

— Я ж тебе уже сказал!

— Да разве я по-дикарски понимаю, батюшка? Я, чай, православная.

— Я тебе сказал, — поясняет Вася, — что ни пить, ни есть не хочу, что брюхо у меня полно.

И вдруг громко кричит в окно:

— Эввау! Эввау! Гляди, кто по дороге-то идет! Это я ему. Эввау!

Ниловна выглядывает в окно.

— Ну, кто? Тишка гуся несет. Наверно, гусь куда ни на есть заблудил, а он его поймал и несет домой.

— Эввау, Тишка! — кричит Вася. — Арроман, арроман, иди сюда. Не гляди на эту старую бран! — И он знаками показывает на няньку.

Но Тишка, пугливо озираясь по сторонам, ускоряет шаг и, не глядя в сторону Васи, скоро исчезает из виду.

— Побежал к своей эмму, — говорит Вася, поясняя: — Эввау — это кричат, если рады кого видеть. Арроман — это мужчина, а бран — женщина. Эмму — хижина. Тишка убежал в свою хижину, потому что трус.

— Не трус, а тетенька не велела ему сюда ходить. Он приказ тетеньки сполняет.

— Это або, — замечает Вася. — А может, ему хочется послушаться?

— Тогда, значит, на конюшню, — говорит Ниловна.

— Ну и або.

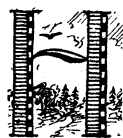
— А это что за слово такое? Тоже по-дикарски?

— Да, и обозначает оно нехорошо.

— Ну, — говорит Ниловна, — по-дикарски, может, и нехорошо, а по-нашему хорошо, потому что установленно от бога: раб да слушается господина своего.

— Ну и або — нехорошо, — с возмущением говорит Вася и начинает сердиться на няньку.

В ДУБОВОЙ РОЩЕ

Наступил, наконец, в самом деле канун отъезда.

В эти последние дни пребывания Васи в Гульенках тетушка Екатерина Алексеевна дала ему полную свободу, как бы махнув на него рукой, и даже друг и участник его игр Тишка, с молчаливого согласия ее, снова мог всюду сопутствовать Васе, как всегда.

И вот они оба на рабочем дворе, обстроенном конюшнями, амбарами, амбарушками, избами. Посредине двора колодец с высоким журавлем и колодой, покры-

той зеленой слизью, с лужей, в которой нежится огромная пестрая свинья с дюжиной поросят.

У стены конюшни — четверка добрых темногневых степенных коней, привязанных к кольцам. Агафон с конюхом чистят лошадей и мажут им копыта дегтем. Двое мужиков взяты около огромного тарантаса на дрожинах с кожаным верхом, подтягивая ослабевшие гайки, смазывая колеса. От тарантаса вкусно пахнет дегтем и прелой кожей. При всяком сотрясении его мелодично позванивают колокольчики, подвешенные к дышло.

Тарантас этот, за свою долгую жизнь не раз побывавший не только в Москве, но и в самом Санкт-Петербурге, завтра увезет его, Васю, из родных Гульенок. От сознания этого ему делается и грустно и страшно, и новизна предстоящих впечатлений волнует его детское сердце.

— Пойдем в конюшню, — зовет он Тишку.

В конюшне деловитый спокойный сумрак, слышится пофыркивание сытых коней, слегка пахнет навозцем, лошадиным потом и сеном. Кудлатый, грязно-белый козел Ванька бродит по конюшне, подбирая овес под лошадиными кормушками.

Здесь же стоит маленькая чалая лошадка с раздвоенным от жира крупом. Это Васина Зорька. Раньше он ездил на ней почти каждый день, но год назад выпал из седла, и с тех пор тетушка запретила ему верховую езду. Надо проститься и с Зорькой. Он нащупывает в кармане кусочек сахара и протягивает ей на ладони. Вдруг откуда-то из глубины конюшни слышится раздирающий уши крик: «И-га! И-га!» То Васин ослик кричит в своей загородке. Надо на нем покататься в последний раз. Конюх Кузя вытаскивает на поводу это ленивое маленькое существо мышиного цвета с длиннейшими, не по росту, ушами, налезает на него игрушечную сбрую и запрягает в маленькую тележку. Вася берет вожжи в руки, но осел — ни с места. Вася пробует его хлестать кнутом. Осел сначала жметесь задом, а потом начинает брыкаться.

— Ну-ка, дай сюда кнут, — говорит Кузя и принимает за ослика, приговаривая: — Эх ты, каменный!

Ослик, плача, семенит за ворота. Не переставая кричать, он трусит вдоль деревенской улицы на радость мальчишкам, которые вместе с Тишкой бегут за ним толпой по обеим сторонам тележки, подражая ослиному крику.

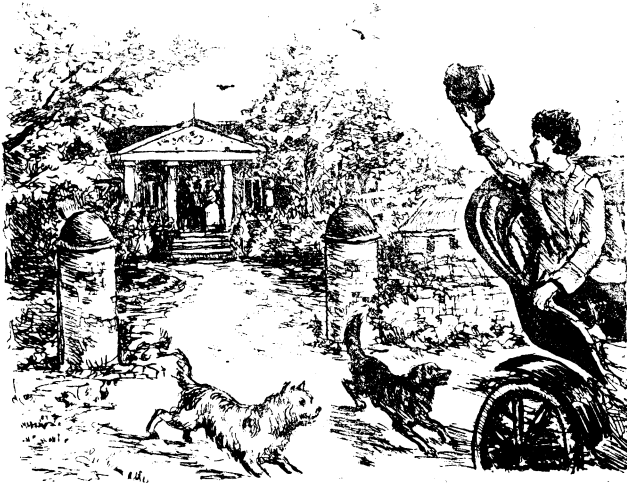
На этот шум из подворотень выскакивают собаки, сваливаются в одну яростно лающую стаю, скачут впереди тележки, грызутся между собой. Телята, мирно щипавшие траву у изгороди, задрав хвосты, скачут в разные стороны. Гусыни бегут с гусенятами, громко гогоча и прикрывая детенышей распростертыми в воздухе белыми крыльями. Бабы с руганью выскакивают на улицу. Встречные лошади в испуге шарахаются прочь.

А вот и дубовая роща — красивейшее место из всех гульенокских окрестностей. В гущине ее дубы стройные, прямые, как свечи, а на опушке — это кряжистые развесистые великаны. У корней их лежит ковер из сладких трав всех оттенков попеременно с лиловыми колокольчиками, белыми ромашками, пунцовыми гвоздиками, лилово-красным кипреем, который так любят пчелы. Через рощу куда-то бесшумно пресобирается тихая речушка Дубовка. Вода в ней так прозрачна, что видно, как ходит рыба, неуклюже ползает в траве жирные раки, куда-то деловито плывет на глубине родяная крыса, распустив длинный хвост ниточкой и огребаясь когтистыми лапками.

Вася любит бродить здесь по высокой душистой траве, щекочущей лицо. Здесь великое множество бабочек, жучков, мушек различной величины и окраски, которые снуют, гудят, жужжат под жаркими лучами июньского солнца, сверкая яркостью своей окраски, зеленым золотом своих надкрыльев.

В верхних дубов мелодично перекликаются желтые иволги, а над самой травой, касаясь ее крылом, несут

¹ Так в те времена назывался Индийский океан.

Прощай, Гульенки!

ся с веселым щебетанием ласточки. Здесь, как под любящим взором матери, Вася бессознательно ощущает тихую радость жизни. Он может часами лежать здесь в густой траве на спине, наблюдая за тучей облюбовавших это место ястребов, которые без конца плавают в воздухе на распростертых крыльях.

Но теперь к этой радости прибавилась и грусть расставания. Вася прощался со своей дубровкой, с небом, облаками, птицами, с тихой, прозрачной Дубовкой, в которой Тишка давно уже мерз, разыскивая раков и шелкая от холода зубами.

И Вася даже не был огорчен тем обстоятельством, что ослик, предоставленный самому себе, ушел с тележкой в усадьбу.

«Не все ли равно, — думал он, — ехать или идти пешком? Ведь больше никогда-никогда всего этого я уже не увижу».

И казалось странным, что еще так недавно он готов был бежать отсюда, готов был так легко покинуть все это столь родное и милое сердцу. И в то же время ему было ясно, что это нужно, что это неизбежно, что иначе быть не может, что он должен это сделать. И впервые, еще смутно пока, он почувствовал, что, кроме птиц в небе, кроме дубовой рощи и тихой речки Дубовки, кроме всей этой радости, каждого в жизни ждут труды и обязанности.

ПРОЩАЙ, ГУЛЬЕНКИ!

Орошо съезженный четверик старых сытых коней спокойно и дружно взял с места тяжелый тарантас. Захлебнулись оглушительным звоном колокольчики, и дружно заворковали искусно подобранные шорки на пристяжных. Мелькнули лица стоявших на крыльце тетушки, о. Сократа—деревенского священника, с благословляюще поднятой десницей, горничных девушек, дворни. А где же Тишка? Ах, вот и он. Он стоит поодаль. Его лицо бледно и как будто искривлено гримасой, и Васе кажется, что он плачет.

А вот уже побежали назад молчаливые окна дома, хозяйственные постройки, зеленая луговина с белыми гусями, со Степанидой, кланяющейся проезжающим в пояс, как на молитве, белая церковь с зеленой белоствольной рощей, задумчивые липы старого парка, деревенская улица с яростно лезущими под ноги лошадей собаками, с бабами и ребятишками, выскакивающими на звон колокольцев. Прогремел под колесами горбатый бревенчатый мостик через речку Дубовку, и тарантас покотился по проселку среди полей зацветающей ржи, по которой легкий ветерок гонял зеленые волны.

Звенели жаворонки в голубой вышине, весело пофыркивали кони, чувствовавшие вольный воздух; изредка пощелкивая подковой о подкову, чуть покачивался тарантас, малиново пели колокольчики...

«Прощай, Гульенки! Навсегда», думает Вася.

И на глаза его навертываются слезы.

Ехавшие молчали, занятые каждый своим мыслями—младмуазель Жозефина и нянька Ниловна, полулежа на перине, а Вася, сидя на широких козлах рядом с Агафоном. Чувство щемящей грусти наполняло детскую душу Васи. Ведь все, что сейчас промелькнуло мимо, начиная с большого белого дома и кончая мостиком через Дубовку, все это уже отошло в прошлое, а вместе с тем и его бездумная жизнь, его детство. Впереди—все новое, вся жизнь с ее таинственной неизвестностью, иные, незнакомые люди, учение и суровая жизненная муштра. Все это было неизвестно, и все было немного страшно. Однако, если бы Вася предложили вернуться обратно, он не согласился бы.

Солнце жарит все сильнее. Плавают коршуны в вышине. Тарантас укачивает. Хочется спать, глаза понемногу начинают слипаться, бесконечные поля кружатся, убегая куда-то слева направо. Отяжелевшие от гоньбы кони покрываются потом и уже начинают ронять на дорогу клочья белой пены. Вася перебирается на перину и крепко засыпает под качанье тарантаса.

Прощай, Гульенки, навсегда!

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Вот теперь все это уже в прошлом: и Гульенки, и московский дядюшка Максим, и его подмосковная, в которой Вася провел последние месяцы лета, и отъезд в Петербург с приятелем дядюшки Звенигородцевым, как с попутчиком и провожающим.

Даже прощанье с нянькой — самое тяжелое событие из последних лет его жизни после смерти родителей, прощанье у полосатого верстового столба, под старой рукастой березой, откуда старая Ниловна поехала на дядюшкиной тележке в Москву, а он, Вася, — в другую сторону, в Петербург. Он никогда не забудет ни этого полосатого столба, ни корявой березы, ни того, как он оторвался от крестившей его старушки и побежал к своему тарантасу.

Лошади тотчас взяли с места. И скоро в наступивших сумерках растворились и тележка Ниловны, и полосатый верстовый столб, и старая рукастая береза.

Вася никогда-никогда не забудет, как он обернулся в последний раз и вдруг почувствовал, что вот сейчас именно, а не ранее, что-то оборвалось в его жизни и безвозвратно отошло назад.

Так весенняя льдина, еще морозным утром жавшаяся к забреге, в полдень незаметно для постороннего взора отрывается от родного берега и навсегда уносится в неизвестную туманную и бурную даль.

Все это было уже позади. Сейчас начиналась новая жизнь, грань которой он перешагнул, проезжая петербургскую заставу.

«Вот он, Петербург, столица российская! — думает Вася. — Здесь начинается море».

Стоя в тарантасе на коленях, он широко открытыми глазами смотрел вдаль, где над храмом Александроневской лавры, над золотом Смольного собора снижалась узкая, дышащая пламенем заря. Он не смотрел на дворцы, на чугунные решетки ворот и садовых оград, на прямые воды каналов. Он искал море. Должно же оно где-то быть здесь. Разве не о нем думал он и мечтал и в Гульенках, и в Москве, и в дороге? Разве не оно снилось ему по ночам? Так где же оно? Почему же оно не встречает его первым, как друг, которого он так ждал и так сильно любил?

И вдруг за поворотом улицы, над берегом, выложенным камнем, прямо перед взором Васи сверкнула водная гладь. Во всю свою ширину светилась она при закате.

— Это море? — воскликнул он, вскакивая на ноги.

Возница, сидевший на козлах, громко рассмеялся. Нет, это было не море. Это была только Нева...

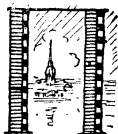
Море Вася увидел только на другой день, когда на рассвете они подъезжали к Ораниенбауму, чтобы переехать оттуда на лодке в Кронштадт, где тогда помещался Морской корпус.

Уже погасли созвездия, все шире раздвигались дали, и вдруг Вася увидел корабль, плывущий, казалось, по небу, двухмачтовый корабль с полными парусами, на которых дрожал луч восходящего солнца.

— Что это? — с испугом и удивлением воскликнул Вася. — Поглядите на небо!

Но это было не небо. Это было море, уходящее вверх к горизонту.

В КОРПУСЕ

Прошло больше года со дня поступления Васи в Морской корпус.

Как ни сиротливо, ни необычно поначалу было в корпусе после Гульенок, но по мере того как шли дни, Вася все больше привыкал к шумной толпе сверстников, к тому, что здесь около него не было няньки Ниловны и никто в отдельности о нем не заботился, все больше привыкал к учителям, порою грубым, чудаковатым людям, к самим стенам дворца.

Постепенно корпус стал для него семьей, и Васе казалось, что так было всегда, что другой семьи у него никогда и не было. Он учился усердно, хотя и не все давалось ему сразу и до многого приходилось доходить своим умом. Учителя мало знали, а наук было много. И чаще всего Васе приходила на помощь его собственная развитая память. Он любил книги. Иногда, просыпаясь ночью, он делал из одеяла будку в своей кровати, зажигал сальную свечу, кулленную на собственные деньги, и, часами лежа на животе, читал, держа перед собою в кулаке оплывший огарок, не обращая внимания на то, что тающее сало больно жжет пальцы.

Он учился с наслаждением. И скоро его прозвали зейманом, что значит «ученый моряк» — прозвище, удержавшееся в корпусе для преуспевающих кадетов еще со времен Петра.

Но не одна книжная наука поглощала его внимание. В сознании Васи вечно жила одна, никогда не покидавшая его теперь мысль — мысль о корабле, о настоящем корабле, с настоящими мачтами и парусами. Этот корабль снился ему иногда во сне.

Здесь, в Кронштадте, кораблей было много, они проходили вдали и вблизи острова, по хмурому, изжелта-серому морю, мимо окон итальянского дворца, в котором помещался в те дни Морской корпус. Но ни разу нога его не ступала на корабельную палубу. И вот однажды он увидел корабль совсем близко, не на воде, а

...и вдруг Вася увидел корабль, плывущий, казалось, по небу, двухмачтовый корабль с полными парусами...

рядом, в огромной зале дворца. Это был трехмачтовый фрегат, настоящий фрегат, на котором корпусный боцман учил старших кадетов управлять парусами.

И в первый раз Вася целый час простоял в толпе гардемарин, слушая боцмана. Грот-мачта, бизань-мачта, гюйс, контрабрасы, галфинд — то были сладкие слова, которые Вася уносил с собою, как уносят с собой запах мсяя впервые познавшие его.

Побывав однажды на таком уроке, Вася медленно возвращался по коридору к себе в спальню. День кончался, и в коридоре никого не было, только один маленький кадетик стоял у дверей и плакал. Вася подошел к нему и заглянул в лицо мальчика. Оно было смугло, большие черные глаза с теплым взглядом смотрели на Васю смущенно. Мальчик, видимо, стыдился своих слез. В руках у него был тяжелый гардемаринский сапог, старательно, до глянца начищенный щеткой, которую он держал в свободной руке.

— Как тебя зовут? — спросил Вася.

— Петя Рикорд, кадет первого класса, — отвечал мальчик.

— Чего ж ты плачешь? — спросил Вася, хотя сразу понял, что кто-то из старших заставил его чистить себе сапоги.

Это было обычное право старших, которое редко кто из первоклассников решался нарушить. Не нравился этот обычай и Васе. Он спросил:

— А чьи это сапоги?

— Дыбина, — ответил Рикорд печальным голосом.

Вася подумал секунду. Дыбин был гардемарин, на один класс старше Васи. Он был широк в плечах, силен и ловок, и взгляд его светлых глаз был всегда смел и дерзок. Ссориться с ним избегали все кадеты, даже те, кто считал себя сильнее его. Однако Вася сказал:

— Отдай мне сапоги. Я отнесу их Дыбину, пускай сам чистит. Ты, чай, тоже дворянин?

— Да, дворянин, — ответил Петя, но сапог все же не отдал. В глазах у него появилось выражение недоверия, даже испуга, — он не верил, что Вася может защитить его от Дыбина.

— Отдай, не бойся. Он тебя бить не будет, драться с ним буду я.

Петя отдал сапоги. Один из них был недочищен. Вася взял их и пошел в спальню гардемарин. Там никого не было, только один Дыбин сидел у себя на кровати и, в ожидании сапог, свирепо грыз орехи, которые доставал из-под подушки. Увидав свои сапоги в руках Головнина, он удивился, и светлые, холодные глаза его прищурились, что не предвещало для Васи ничего хорошего. Однако тот спокойно подошел к Дыбину и поставил сапоги возле него.

— Ты Пустошкину в прошлом году сапог не чистил, хоть он и старше был? — спросил Вася.

— Не чистил, — ответил Дыбин.

— Хлестался с ним за это?

— Хлестался. Так что из того?

— Я могу с тобой за того, за Петю Рикорда, тоже хлестаться. Хочешь? — предложил Вася и стал в позицию, готовясь отразить удар, который, казалось ему, должен был последовать немедленно за столь дерзким вызовом.

Но Дыбин даже не пошевелился.

— Я никогда сразу не хлещусь вот тут, в спальне, я не попович. Ты меня вызвал. Теперь слово за мной. Жди, когда скажу. Хлестаться будем при всей роте, а то никто и позора моего не увидит, — ехидно улыбнулся он, изображая из себя старого бретера. — А до того Петьку трогать не буду, — продолжал он. — Когда же побью тебя, снова заставлю чистить сапоги. Жди моего ответа, Головнин, — сказал он тихо, с подчеркнутой вежливостью, как настоящий дуэлянт.

И Вася вышел.

«Но лучше было бы хлестаться сейчас же», подумал он.

Ожидать этой драки нехватало терпения. Гнев не долго держался в его сердце, а гнев придает силу удару.

Петя всё ещё стоял в коридоре, прижавшись к стене. Увидев Васю, он поднял на него свои черные, с маслянистым блеском глаза и протянул ему руку. Вася с улыбкой пожал ее.

— Он не бил тебя? — спросил Петя.

— Нет, — отвечал Вася. — Мы будем хлестаться потом.

Петя с восторгом смотрел на своего неожиданного заступника и покровителя. Драться с Дыбиным... Не каждый мог на это решиться.

— Я буду чистить сапоги тебе, — предложил Петя, — коли это полагается в корпусе.

— Не надо, — строго сказал Вася. — Разве для того я буду драться с Дыбиным, чтобы не ему, а мне ты чистил сапоги?

— Тогда я буду твоим другом, — сказал мальчик и робко добавил: — Но, может, ты не захочешь с первоклассником водиться?

Вася с улыбкой положил руку на плечо Пети.

— Во мне нет небрежения к младшим, — отвечал Вася, которому нравился столь неожиданно приобретенный друг. Он впервые посмотрел на него своим внимательным взглядом и засмеялся: — У меня волос черный, а у тебя еще черней. Отчего сие?

— Мой отец и мой дед были итальянцами, — ответил Петя. — Разве то худо?

— Нет, не худо, — сказал Вася. — Добрая земля всегда черна, я видел у нас в Гульенках, как мужики пахали. Я буду драться, рыцарский девиз мой будет: «За правых провидение». Я прочел сие днями у одного сочинителя, имя коего вельми славно. А ты корабль любишь? — спросил он вдруг.

— Не плавал ни единожды, а люблю.

— И я люблю, — сказал Вася. — Пойдем сегодня же, я покажу тебе корабль.

И мальчики пошли по длинным, освещенным вечерним солнцем коридорам сумрачного дворца.

Поздно вечером, когда все в корпусе спали, Вася в самом деле показал своему новому другу обещанный корабль. Это было то самое трехмачтовое судно, у которого Вася не так давно слушал урок корпусного боцмана.

В огромном зале грустили сумерки белой ночи. В чуткой тишине его звонко отдавались шаги двух мальчиков. Они поднялись по трапу на борт. Тут пахло деревом, парусиной, смолой; все здесь было, как на настоящем корабле: при странном свете не уходящего дня блестяла палуба, белели паруса, устремлялись в вышину мачты. И только не было моря, не было его вечного движения и шума, и ветер не наполнял парусов.

Мальчики долго стояли на баке. И в сумерках северной ночи этот трехмачтовый корабль в полном парусном оснащении казался здесь томящимся пленником, как и мальчики, застывшие на его неподвижной палубе.

РОЖДЕНИЕ МОРЯКА

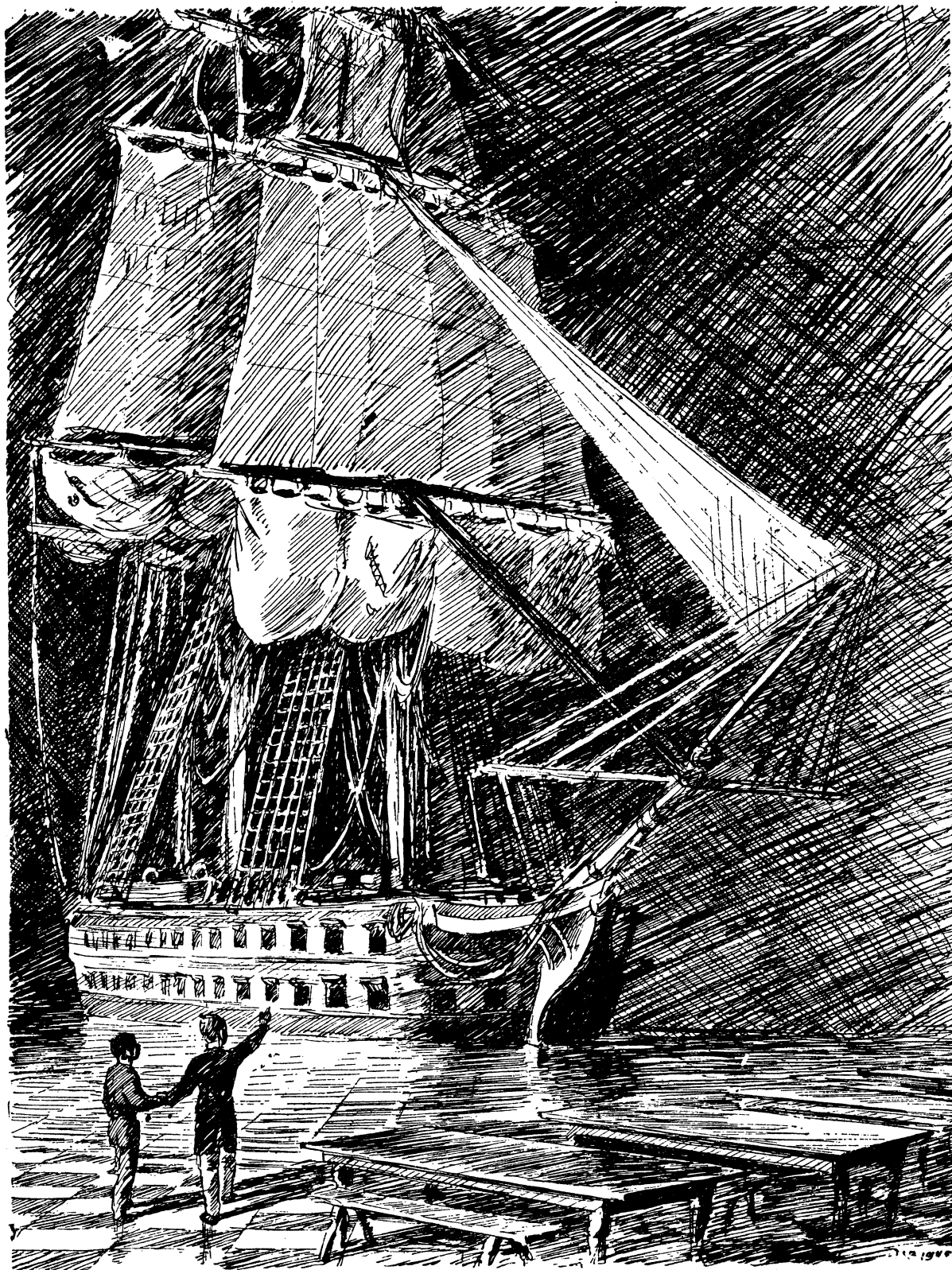
ни для Васи текли быстро и незаметно, слагались в недели, месяцы, в годы ученья.

Сирота, заброшенный в далекий Кронштадт, Вася Головнин даже не знал радости хоть раза два-три в год съездить на парусном катере в Петербург, ибо у него там не было никого из родных.

И он ушел с головой в науку, преуспевая в ней, вызывая всеобщее одобрение учителей.

Вместе с днями шли события его корпусной жизни — то мелкие, как дуэль с Дыбиным на Купеческой стенке в Кронштадте, когда он упал в воду, сильно зашибившись о сваю, то более крупные, как практическое плавание в шхерах на парусном бриге «Феникс», когда произошло первое поэтическое сближение Васи с морем, первое узнавание и рождение в нем моряка.

Это последнее пришло к нему в дни плавания в шхерах.

Поздно вечером, когда все в корпусе спали, Вася в самом деле показал своему новому другу обещанный корабль.

Если гардемарин Дыбин избрал себе девизом отвагу, укрепляясь в отчаянности и вольности, свойственной его характеру; если Вася выбрал себе другое правило — за правых провидение, которое было ближе его мягкому сердцу, где от рождения обитала справедливость; если преподаватель Николай Гаврилович Курганов,

краса и гордость их корпуса, постоянно говорил воспитанникам о знаниях и науках и о совершенствовании в оных, то корпусной офицер Турчанинов, старый русский моряк и солдат, тоже имел свое правило, коему старался научить юных мореходцев. Имя тому правилу было — бесстрашие.

— Ибо, — говорил он, — тот не мореходец, не даже последний из служителей корабля, кто хоть раз испугается моря.

В том старший офицер «Феникса» Милюков, который ведал практическими занятиями на корабле, был с Турчаниновым полностью согласен, предоставив ему возможность обучать кадетов сему правилу, как ему заблаго рассудится.

И вскоре после посещения финских берегов наступила на корабле череда приятных, но не легких дней морской практики.

Кадеты были разбиты на группы, из которых одна выходила на бриге на морской простор для работы с парусами, совершенствуясь в искусстве управлять кораблем; другая, во главе с штурманским офицером, в это время занималась астрономическими работами на берегу; третья проделывала разные эволюции на галерах, учась абордажному бою; четвертая плавала на мелких гребных судах среди бесчисленных островков, знакомясь с условиями шхер.

Вася побывал в каждой из этих групп, трудясь усердно во всех одинаково. И порою море то казалось ему мирной пажитью, над которой пахарь трудится от утренней зари до вечерней, чтобы потом вкусить от плодов рук своих, то представлялось оно ему живым существом, своевольным и опасным, которое надо укротить, подобно тому как искусный наездник укрощает дикого коня.

И тогда, слушая слова Турчанинова о бесстрашии, обязательном для мореходца, Вася должен был признать, что к морю он еще не привык и что в душе его вместе с любовью таится еще и неведомо откуда взявшийся страх перед ним. Этот страх дремал на самом дне Васиной души после того самого дня, когда он однажды упал с Купеческой стенки в море и чуть не расшибся насмерть.

Никому Вася не мог признаться в этом чувстве и делал все, чтобы убить его в себе навсегда. Он смелее всех исполнял упражнения, какие только мог придумать Турчанинов для воспитания в кадетях мужества. Босой или в тяжелых сапогах он одинаково бесстрашно бегал по самому борту корабля, прыгая через коечные скатки, разложенные там в виде препятствия. Во время купанья прыгал прямо с рей в море и подолгу оставался под водой.

Он лучше других научился мгновенно спускаться с марса или салинга вниз головой, как того требовала настоящая матросская ловкость. Обхватив веревку босыми ногами, он так быстро скользил по ней вниз, что рисковал даже стать торчком на темя и переломить себе череп, а однажды так сильно ожег руки о канат, что пришлось пролежать в лазарете трое суток.

И Турчанинов часто хвалил Васю, не подозревая в сердце его никакого страха.

— Молодец, Головнин, — как-то сказал он. — Вижу, скоро научишься и под бриг нырять.

— А разве это может кто-нибудь сделать? — спросил с недоверием Вася.

— А вот посмотрим поначалу, — ответил Турчанинов. — А ну, кто может нырнуть под бриг? — обратился он к кадетам.

— Я могу, — вызвался Чекин — «старикашка», — так называли в корпусе неисправимых второгодников. — Только для того, Иван Семенович, нужен другой харч. А с нашим обедом, сами понимаете...

— А чем плохи наши обеды?

— Я их не хаю... Однако для подводного плавания маловаты.

— Ладно, получишь сегодня двойную порцию котлет с кашей. Твоя плата известна.

Чекин тотчас же начал раздеваться и, став на правый борт, сложил над головой руки, легко прыгнул в море, на несколько мгновений исчезнув в нем. И вскоре, от-

фыркиваясь и мотая головой, он снова показался на поверхности уже по ту сторону брига.

Вася, не колеблясь, стал на место Чекина и тоже бросился в море. Тяжелая вода плотно обняла его тело. Он растолкал ее плечами и ушел вглубь под корабль. Два раза поднимался он наверх, остро ощущая прикосновение ослизлой поверхности корабельного киля, покрытого мелкими ракушками и травой, и вновь уходил в глубину, пока, наконец, голова его не показалась над водой уже по другую сторону корабля, у левого борта.

Он достиг желаемого, а страх все еще оставался в душе и однажды чуть не стоил ему даже жизни. Это было утром, когда палуба была уже убрана, вымыта и уже давно шли упражнения.

— Что ж, — говорил Турчанинов, — спускаться с марса по веревке каждый кронштадтский житель может. А вот пройти по канату с грот- на фок-мачту — то наука матросская. Ну, кто первый? — спросил он, обводя глазами кадетов.

На этот раз даже Чекин молчал, не говоря ни слова о харчах и добавках. Мачты поднимались над палубой в бледное небо, и канат между ними был натянут туго.

— Страшновато, — в конце концов сказал Чекин. — Если бы что подстелить внизу...

— Подстелить? — протянул Турчанинов с насмешкой. — Да ты кто: сбитенщица или моряк русского военного флота? Разве для тебя может быть невозможное?

— Никак нет, не может...

— Ну, так делай.

Чекин ненадолго задумался. В ту же минуту Дыбин, стоявший в группе гардемарин, обратился к корпусному офицеру:

— Разрешите мне, Иван Семенович, попробовать. Давно уж не ходил, с прошлого плавания.

— Пробуй!

Дыбин снял сапоги и легкими, гибкими движениями, которые, казалось, не стоили ему никакого труда, забрался на рею. Там, став босой ногой на тугую канат, оп. словно ласточка, скользнул в воздухе и уже был на фок-мачте.

Чекин полез за ним. Несмотря на грузность и неуклюжесть его фигуры, он проделал то же самое, что и Дыбин.

Наконец настал черед Васи. Он легко забрался наверх. Босые ноги его скользнули по гладкому дереву реи, и он поспешил стать ногой на канат, опробовав его тугость. Легкий ветерок ласково обнял его за плечи, шепнув на ухо что-то ободряющее, и полетел дальше, со слабым шумом пробираясь меж снастей. Вася взглянул вниз, на палубу, на товарищей, смотревших на него с замиранием сердца, на море, колебавшееся вместе с палубой, и где-то глубоко, на дне его души, на короткий миг ожило забытое чувство страха.

Но он поборол это чувство и пошел по канату, расставив для равновесия руки, от грота к фоку, съедаемый взглядами десятков глаз, устремленных на него снизу.

Наступила трепетная тишина, в которой слышно было, как где-то слегка поскрипывала снасть. Вася был уже близко от фок-мачты, как вдруг тело его качнулось, нога соскользнула с каната. Он изогнулся, мгновенно коснулся рукой веревки. Не то общий крик, не то стон огласил палубу. Стоявшие внизу рванулись с мест, чтобы принять падающего товарища на свои руки и тем смягчить удар его тела о палубу.

Но неожиданно для самого себя Вася не упал. Он повис на канате, ухватившись за него одной рукой. Тело его слегка поворачивалось то влево, то вправо. Казалось, что он выбирает место, куда прыгнуть, и кадеты торопливо растянули под ним парус, а Турчанинов крикнул:

— Отпусти канат, Головнин! Прыгай в парус!

Но Вася не мог разжать руку, охваченную спазмой. Это было невольное движение мускулов, спасительный

Но он поборол это чувство и пошел по канату, расставив для равновесия руки.

инстинкт, который заставил его сильное тело в минуту опасности подумать о самом себе.

— Подвести беседку! Живо! — скомандовал Турчанинов.

Матросы подкатили площадку на высоких стойках, употреблявшуюся при подвязке снастей, и стали снимать Васю. Но даже тогда они не могли оторвать его от каната — так крепко была сжата его рука. Вася был бледен. Глаза его были закрыты. Он был в полуморочном состоянии. Доктор приказал растереть ему руку спиртом, тогда она разжалась, и Васю спустили вниз.

— Ну как, страшно было? — спросил его Турчанинов. — Еще попробуешь?

— Отчего же? — ответил Вася. — Если руки сами цепляются за ванты, что их не разжать, то чего же бояться?

И через несколько дней Вася снова полез на мачту. Он хотел убить чувство страха, дремавшее в его сердце. Он снова ступил на канат и, не глядя больше вниз, прошел от грота до фока, как Дыбин.

Но страх все же не исчез совсем и на этот раз. Он умер гораздо позже, в конце плавания, когда «Феникс» уже возвращался в Кронштадт. Бриг шел по Финскому заливу в виду берега, лавируя против изменчивого восточного ветра, который то начинал дуть ровно и сильно, наполняя паруса, то ослабевал, то налетал отдельными шквальными порывами.

Старший офицер Милуков, за болезнью командира брига командовавший кораблем, считая погоду самой подходящей для практики, с утра держал кадетов на работе с парусами. Они то брали рифы, то усиливали парусную оснастку, то один паруса заменяли другими. При этом роль вахтенного офицера по очереди исполняли кадеты. К вечеру на востоке показалось темное облачко. Через полчаса это облачко обратилось в темную тучу в полнеба, в которой огненными змеями полыхали молнии. Все нараставшие в своей силе раскаты грома наполняли воздух грохотом, гасившим все остальные звуки и даже самый шум моря.

Наступила темнота, раздраемая молниями такой яркости, что мгновениями на море делалось светло, как днем. На минуту ветер стих, затем перешел в шторм, разводя волнение, срывая верхушки волн, неся над морем тучи водяных брызг.

И вдруг потоки воды, просвечиваемые молниями, обрушились на корабль. Паруса рвало в клочья. Палуба дрожала под ногами от напряжения снастей. Бриг валило с борта на борт. И голос грома был так силен, что заглушал слова команды. Свисток боцмана ворвался в этот хаос звуков.

— Всех наверх! Брать рифы!

Почти в полной темноте, нарушаемой лишь блеском молний, в потоках воды, оглушаемые громом, матросы лезли по вантам, впиваясь руками и ногами в рей и снасти, чтобы не оборваться и не упасть.

Кадеты не отставали от них. Вася работал в самых опасных местах. В первый раз увидел он столь гневное лицо моря, грозное даже для не робких сердец. Но на этот раз ему уже не было страшно. Он спокойно смотрел в это лицо, и оно даже казалось ему прекрасным, еще более прекрасным, чем в штиль. Исчезла всякая мысль о себе. Он, как матрос, думал только о порученном ему деле, он видел только обрывки снастей, улетавших за ветром, которые надо было поймать и прикрепить к своему месту. Была ли это радость победы, или радость сродства, но только казалось ему, что сейчас будто в первый раз встречается он с морем, и он назвал его другом, и море назвало его другом.

Он работал на рее. Одной рукой держась за снасть, а другой убирая мокрый парус, он раскачивался вместе с реей, которая, словно взбесившаяся лошадь, старалась сбросить его с себя. Под ногами у него бешено металась огромная волна, шумя от собственной своей тяжести, и брызги их обдавали его с ног до головы.

Но все же он продолжал чувствовать себя победителем и даже смог поддержать Дыбина, работавшего рядом с ним, и помог ему утвердиться на ногах, когда тот оскользнулся на рее.

После этого Вася почувствовал себя старше на несколько лет. Он похудел за эти дни, но все его тело стало плотнее; он вытянулся, глаза его немного ввалились, но силы прибыло. В руках его появилась безбоязненная цепкость. Глазомер никогда не обманывал его, и головоломные прыжки его над палубой делались с каждым днем все увереннее и смелее.

Он навсегда перестал бояться моря. И размахи волн, несущих на себе корабль, стали казаться ему привычным, давным-давно знакомым колыбелью.

Он вернулся в Кронштадт мореходцем.

(Продолжение следует)

Курить встречается

ЧАРЛЬЗ АЛЕКСАНДЕР

Рис. Н. Вадимова

Лесной массив заповедника Грин-Бэйсин тянется от подножия до самого гребня Каскадных гор; и близ вершины, где залежи лавы напоминают о вулканическом прошлом хребта, ночи бывают холодные, как на севере. Объездчик лесной охраны Билл Боган чувствовал это, хотя ночь он провел не то чтобы вовсе в бессознательном состоянии, но где-то на границе между бодрствованием и тревожным, прерывистым сном. Когда первые лучи солнца проникли в расселину, он застонал и пошевелился.

Искаленный фордик лежал на боку. Боган был за тиснут между сиденьем и баранкой руля. Повидимому, когда машина свалилась с обрыва, руль сделал ему нокаут по всей форме. Он потер подбородок, с трудом вылез наружу, встал на ноги и огляделся поживаясь.

Расселина была неглубока, но стены ее, совершенно отвесные, представляли сплошные куски лавы, изрезанные продольными трещинами. Нечего было и думать о том, чтобы выкарабкаться на дорогу. И прыгнуть на такую высоту — три человеческих роста — Билл при всей своей кошачьей ловкости тоже не мог.

Он удивлялся, как это ему посчастливилось остаться живым при подобном сальто-мортале. Фордик был разбит вдребезги, — впрочем, по мрачному заключению Билла он и не заслуживал лучшей участи. Уж во всяком случае Аннабелла, гнедая кобыла объездчика, не дала бы парочке городских хлыщей столкнуть ее сзади с обрыва.

Но Аннабелла еще не оправдалась от ожогов, полученных, когда Боган проскакал на ней через горящий участок леса. И ему волей-неволей пришлось на этот раз довериться фордику. Предписание начальника! Начальник совсем помешался последнее время на приказах, инструкциях и предписаниях. Боган сердито хрюкнул, хлопая себя ладонями, чтобы согреться, и его рыжие с проседью волосы встали дыбом. Не ввяжись начальник со своими предписаниями, он отправился бы пешком, и ничего бы не случилось.

Боган любил эти тихие прогулки среди огромных деревьев; вонь и грохот автомобиля он терпеть не мог. Он был заслуженным ветераном лесной службы, привык действовать, не считаясь с правилами, и никогда не заглядывал в толстенный том Свода инструкций — библиотеку

лесного объездчика, которую начальник усиленно рекомендовал изучать.

Еще чего! Он вылавливал тут поджигателей и лесокрадов еще задолго до того, как чинуши из Лесного ведомства в Вашингтоне додумались составить этот Свод. Сам начальник и его ученые заместители знали, что у Богана нюх, что он за милю чувствует нарушителя. И вот потому-то он и сидит теперь с подбитой челюстью на дне расселины и ругает начальника, инструкций, городских хлыщей, автомобили и в первую очередь некоего Билла Богана, тупицу и непревзойденного остолопа.

Он проехал вчера на этом дребезжащем фордике сорок миль по узкой лесной дороге, выходящей от главной конторы лесничества к залежам лавы у вершины. Здесь не встречалось особенно ценных древесных пород, но вспыхнувший пожар легко мог перекинуться ниже по склону, на густые пихтовые леса. Поэтому запрещение курить соблюдалось здесь так же строго, и так как целых десять дней никто не патрулировал верхний склон, начальник приказал Биллу Богану немедленно отправиться в объезд. Кобыла больна? Пусть возьмет форд в гараже лесничества.

В сумерки Билл остановился у расселины. Дорога здесь была узкой, только-только хватало места для форда. С одной стороны обрыв, с другой — невысокая сосна, и на ней белый щит с плакатом и телефонный провод.

Провод напомнил Богану о том, что ему давно уже следовало сдать рапорт. Согласно Своду инструкций все объездчики должны были каждый час — не то два или три, Билл не помнил точно — по телефону сдавать рапорты районному диспетчеру. Ну и наплевать. Не может человек управлять громыхающей керосинкой и в то же время налаживать телефонную связь. Скажет завтра диспетчеру, что аппарат испортился.

И тут он увидел эту пару. Они точно из-под земли выросли на дороге и остановились у самого форда. Один был маленький, сутулый, с белесыми волосами и глазами, похожий на хорька. Другой — высокий, толстый, черный. Боган сразу отметил их щеголеватый городской вид, бриджи, шнурованные краги, светлые песочные пиджаки. И все новенькое, словно только что из магазинной картонки. Маленький смотрел на Богана искоса, но проницательно и не отрываясь; и что-то было в них обоих свирепое и решительное в то же время.

— Ну, — сказал маленький Богану, — так в чем, собственно, дело?

— А вам что? — ошетинился Билл. Но тут же спохватился. Начальник не раз говорил: начинать нужно вежливо, осторожно. — Я из лесной охраны, ребята, — сказал он миролюбиво.

Маленький весь подобрался.

— Вот как! А похож на шпика.

— Вот это, — продолжал терпеливо Билл и при этом повел рукой кругом, — этот маленький лесной участочек называется заповедник Грин-Бэйсин. — И вдруг он озверел. У толстого верзилы очутилась во рту папираса, и он с наслаждением затягивался дымом. — За решетку захотелось? — наскочил на него Боган.

— Не понимаю, — ответил тот. Лицо его не изменило выражения, глаза в упор смотрели на Билла. Маленький засунул руку за борт пиджака.

— Не видишь разве? Повернись налево и посмотри, — приказал Боган. В конце концов нужно просто вразумить этих франтов. — Брось сейчас же, не то мне придется забрать вас обоих.

— Легче, легче, — огрызнулся хорек. — Никакая ты не охрана. Тоже нашел дурачков. «Повернись налево», а сам за пушку хватается. Видали мы таких.

Боган взглянул вниз. Действительно, его правая рука машинально легла на кобуру револьвера.

Он пыхтел от негодования. Даже рыжая щетина у него на затылке топорщилась. Но он овладел собой. Совсем недавно начальник задал ему изрядную взбучку. К ору-

жию без крайней надобности не прибегать. Билл отдернул руку и протянул ее вперед. Левая осталась на ба-ранке.

— Что я, разбойник с большой дороги! — зарычал он. — Смотрите, куда сказано смотреть. И не выводите меня из терпения, а то сейчас заберу.

Но в эту самую минуту хорек вытащил руку из-за борта пиджака, и Боган заглянул прямо в черную пасть автомата 45-го калибра.

— Правильно, — сказал верзила. — Хватит с ним церемониться.

— Погоди. Главное, без шума. Может, тут еще шпика водятся. — Хорек сделал своему товарищу знак левой рукой. Потом рывкнул Биллу: — Бросай руль! Руки вверх! Ну!

От черного дула автомата уйти было некуда. Боган только зашипел в ответ — и повиновался. Толстяк обошел машину кругом, вынул у Богана из кобуры револьвер, потом лягнул ногой переднее колесо и скрылся за машиной. Вдруг Боган почувствовал неожиданный толчок сзади; машина качнулась, накренилась, заскользила и ухнула в расселину. А те два жулика наверху постояли, послушали грохот падения машины, внимательно обследовали край обрыва, желая убедиться, что если Боган и уцелел, то во всяком случае из ловушки ему не выбраться, — и пошли своей дорогой.

Дрожь в предутреннем холодке, Боган разыскал среди обломков, инструментоз, частей жестянку консервов — свинину с бобами, вскрыл ее и плотно поел. О том, что бы развести огонь, сварить кофе, нечего было и думать; на дне расселины не нашлось бы ни сучка. Да ведь в машине был бак с бензином, вспомнил Боган. Но бак оказался продавленным, бензин весь вытек и всосался в пористую лаву. К тому же, если говорить о кофе, все равно негде было взять воды.

Боган принялся обследовать стены. Кое-где выступали острые куски лавы, но они были слишком хрупки, чтоб служить опорой для ноги. В одном месте у самого края торчало на дороге выходящее дерево с расщепленной обгорелой верхушкой. Боган остановился, рассуждая вслух. Будь у него веревка, можно бы сделать петлю и накинуть на это дерево. Но веревки не было, а штаны его достигли такого плачевного состояния, что едва ли выдержали бы собственную тяжесть, не то что тяжесть своего хозяина.

Билл снова стал рыться в грудe обломков. Внимание его привлекла цепь передачи, конец которой высовывался паружу. Он потянул и вытащил всю цепь. Держа ее в руках, он продолжал размышлять вслух.

— Чортова керосинка: влететь сюда влетела, а вылететь-то и не может. Да вот и сиди тут, — толковал он, разглядывая цепь, словно ждал от нее совета, как ему быть.

Вдруг его маленькие серые глазки сверкнули. Весь дрожа, он принялся руками и ногами ворошить останки злуполучного фордика. Через несколько минут в руках у него были еще три цепи. Еще через несколько минут они уже были сцеплены в одну. Получилась лестница, которая выдержала бы великана.

Забросить тяжелую цепь на дерево оказалось не так просто. Все попытки неизменно оканчивались неудачей. Один раз вся масса тяжелой стали обрушилась прямо на него. Он едва успел защитить голову руками. Лежа на земле, наполовину оглушенный, он безостановочно крыл фордовы керосинки, тупоголовых начальников, нахальных городских франтов и рыжих остолопов из лесной охраны, с овечьей покорностью поднимающих руки вверх и позволяющих спустить себя под откос. Потом, с новыми силами, он опять взялся за цепь. Ничего, они с дядей Сэмом еще себя покажут, дайте только ему вылезть.

Он снял кожаное сиденье с шоферского места, приставил к стене. Потом взобрался на него и одним ловким взмахом забросил конец цепи на дерево. Потом слегка потянул вниз. Цепь соскользнула, и одно из звеньев зацепилось за расщепленную верхушку. Дело

было сделано. Он соскочил, уселся на сиденье и несколько минут сидел, переводя дух. Наконец встал, надел на спину рюкзак и полез вверх.

По звеньям цепи взбираться было все равно, что по лестнице. Но у самого края торчал острый выступ лавы, и тут Билла ждала неприятность. Тяжесть тела оттягивала цепь и вплотную прижимала ее к лаве. Когда он схватился за цепь рукой в этом месте, пальцы его прищемило между звеном цепи и выступом стены.

Остался один шаг, но этот шаг нельзя было сделать. С трудом, постепенно раскачивая цепь, он высвободил искалеченные пальцы и медленно спустился вниз. Когда он снова полез наверх, в руке у него был гаечный ключ. В опасном месте он вдвинул ключ под цепь в виде клина и таким образом отвел ее от выступа стены настолько, что пальцы свободно проходили в образовавшийся зазор. С шумом отдуваясь, Боган подтянулся в последний раз, и плечи его прильзили на уровне дороги. Выбрался.

Но праздновать победу было рано. До слуха Билла донеслись отдаленные голоса, поскрипывание башмаков по лаве. Так и есть. Они возвращаются посмотреть, что с ним. Он упустил благоприятную минуту.

Без оружия встретиться с ними лицом к лицу нельзя было никак. Оставалось одно: нырнуть обратно и спрятаться на дне расщелины. Боган вытянул руку, снял цепь с сосны, бросил ее вниз и сам прыгнул за ней.

Ловкий, как кошка, он благополучно приземлился возле разбитого фордика, подтащил к себе драгоценную цепь и залез под кузов машины.

Голоса раздавались уже на дороге, у обрыва. Нужно притвориться мертвым. Тогда они оставят его в покое, и когда совсем стемнеет, можно будет спокойно выбраться наверх.

Но были обстоятельства, которых лесной объездчик Боган стерпеть не мог. Выглянув украдкой из своего укрытия, он увидел огонек папиросы, которой со вкусом попыхивал высокий толстяк.

— Эй, ты! — заорал он. — Загаси папиросу. Сейчас же загаси, не то...

— Смотри, пожалуйста! — воскликнул удивленный хорек. — Он еще барахтается. Двужильный, что ли.

— Давай-ка я его угощу, — сказал верзила. — Не броневик же у него там.

Но хорек запротестовал. Он боялся, как бы звук выстрела не взбудоражил всю окрестность. Эти люди чувствовали себя, как рыба в воде, в трущобах города. Но в лесу им было не по себе, лесная тишина пугала их; они не решались нарушить эту тишину, чтобы не вызвать к жизни неведомые и грозные силы леса.

Боган снова высунул голову и едва успел вовремя убрать ее — камень, брошенный хорьком, ударился в землю совсем рядом. Он выругался сквозь зубы. Теперь он у них в руках; стоит ему показать нос, они закидают его камнями. Ах, бродяги!

Тем временем наверху совещались. Шум поднимать нельзя. Но с этим рыжим надо разделаться. От него всего можно ожидать. Чорт его знает, что он может придумать, чтобы подать сигнал во внешний мир! А они до поры до времени не желали иметь никаких сношений с этим внешним миром. И не имели бы, если б не он. Припасов у них было достаточно, чтобы несколько недель, даже месяцев укрываться тут, в лесу. Да, надо как-нибудь покончить с этим деревенским дуршлепом.

Хорек предложил план. Объездчик безоружен; спустившись туда, к нему, верзила мог бы проломить ему череп камнем — так что даже если труп найдут, то подумают, что произошел несчастный случай. Можно включить свет в фарах; все будет выглядеть так, будто он ехал ночью по дороге и свалился с обрыва. Ловко придумано! Хорек пришел в восторг от собственной находчивости.

Но товарищ отнесся к плану скептически:

— А лестницу где взять?

— А ты пошевели мозгами. Мало тут кругом сучьих? Выберем дерево покрепче, с раскидистыми сучьями, опустим вниз — вот тебе и лестница. Ну, пошли; нечего времени терять.

Боган услышал их удаляющиеся шаги. Он не мог угадать, что они задумали, но твердо знал, что задумали что-то против него. Он вылез из-под машины и прислушался. Донесся треск сучьев. Судя по звуку, они были довольно далеко. Боган взобрался на сиденье, размахнулся и сразу набросил цепь на верхушку дерева.

— Я делаю успехи, — самодовольно заметил он себе. Но это приятное сознание не помешало ему проворно взобраться по цепи до края обрыва, вылезть и вытянуть цепь за собой. На дороге он остановился и снова прислушался, потом шагнул в сосняк за белым щитом и исчез из виду.

Нарушители вышли на дорогу, таща длинный ствол с обломанными ветками. Этот ствол они опустили в расщелину и прислонили к краю обрыва. Потом верзила стал спускаться по обломанным веткам, как по ступенькам. Хорек, с револьвером в руке, остался наверху.

Это не входило в расчеты Богана. Но через минуту верзила закричал снизу:

— Спускайся-ка и ты. А то я своим глазам не верю!

Хорек, заинтересованный, поспешно юркнул вниз. Боган улыбнулся. Толстый дурень позвал своего товарища, чтобы заставить его поверить в невероятное: что у деревенского дуршлепа выросли крылья и он улетел. Боган подполз к их лестнице. Это была сухая сосна, прямая и легкая. Ее вершина приходилась на уровне его головы, так что верхний конец образовывал плечо рычага. Боган навалился на него всей тяжестью, и прежде чем достигнутые врасплох нарушители успели сообразить, в чем дело, нижний конец подскочил вверх и лестница на их глазах уплыла из расщелины. Боган вытащил ее и предусмотрительно отбросил подальше в сторону.

Внизу сразу забыли об уважении к лесной тишине. Впрочем, вопли и ругань, понесшиеся из расщелины, были для ушей Билла слаще музыки. Он даже склонил голову набок, чтоб лучше слышать, но тут его потрепанную шляпу пробил пуля. И в мгновенной вспышке выстрела Билл увидел, что верзила снова закурил, должно быть для успокоения нервов.

— Эй, ты! — загремел Билл. — Сию минуту гаси. Я ж тебе еще вчера говорил, чтоб ты не смел..

Нарушитель закричал было что-то в ответ, но тут же замолк, так как камень, брошенный Биллом, ударился о лаву у самых его ног.

Верзила отер пот с лица. Самоуверенность изменила ему. Он хотел было зажечь потухшую папиросу, но спички вывалились у него из рук. Он отбросил папиросу в сторону и, как мешок, бухнулся на землю.

Хорька привели в отчаяние было не так легко. Он переменил позицию и вступил с неприятелем в переговоры. Говорил он вкрадчиво и тихо. Они не сделают Биллу ничего дурного, уверял он. Они отдадут ему револьвер. Они уйдут из этих мест. И никогда больше не будут называть его деревенским дуршлепом. Только бы он им спустил лестницу.

Билл сперва отнесся к его обещаниям недоверчиво и сказал об этом вслух. Но мало-помалу он смягчился.

— Ну, ладно, — сказал Билл. — Погодите минутку.

Он отцепил одну цепь и спустил остальные три вниз. Хватит длины и так. У хорька даже челюсть отвисла, когда он понял, каким способом Билл вылез из расщелины. Но он не стал тратить времени на обещанные комплименты. Он вскарабкался по цепи с быстрой белки, торопящейся в свою нору. Но у самого верха он прищемил пальцы, так же как Билл в первый раз, и завыл от боли.

— Помогите! — кричал он. — Я не выдержу. Я упаду сейчас! Дай мне руку!

— А ты возьми свой револьвер и подсунь под цепь, — посоветовал ему Боган. — Пальцы и высвободятся.

Правая рука хорька поднялась к борту пиджака, и тут его глаза встретились с глазами Билла. На мгновение у него мелькнула мысль—может, этот рыжий не такой простофиля, каким кажется. Потом он высвободил левую руку, ухватился за край и вылез на дорогу. В ту минуту, как он поднимался, его правая рука с револьвером вскинулась вверх.

Но Боган был настороже. Концом четвертой, неиспользованной, цепи он стукнул хорька по голове и оттащил в сторону безжизненное тело... Верзилу пришлось стукнуть дважды, и покрепче. «И поделом,—подумал Боган.—Пусть не курит в моем лесу».

Чтоб привести их в чувство, Билл принес воды в своей шляпе. При этом пришлось заткнуть пальцем дырку от пули, но в общем шляпа была еще ничего. Руки он им связал за спиной ремнями, вынутыми из рюкзака. Кроме того, каждого перетянул поперек живота цепью, а двумя другими цепями сковал их вместе.

— Чем не каторжники! — полюбовался Билл своей работой. — Единственный прок от этой керосинки — что в ней нашлись цепи.

Интересно, что скажет начальник, когда он доставит эту парочку в контору. Чорт возьми! Все хорошо в меру, и вежливость и инструкции. Сто раз Билл предупреждал этого франта, а он все не бросал папиросу. Что ж с поджигателем делать?

Вспомнив о начальнике, Боган решил, что, пожалуй, все-таки надо позвонить. Начальник устроит ему разнос — уже больше суток, как он ушел из лесничества и ни разу не позвонил за это время. Билл отцепил от пояса аппарат полевого телефона, присоединил его к проводу, высовывавшемуся из-за плаката на сосне, и заземлил другой конец. Потом нажал кнопку соединения.

— Где вы пропадали? — обрушился на него начальник. — Почему не позвонили ни разу? Что вы, инструкции не знаете? Придется вам, Боган, отучиться от некоторых ваших привычек.

— А в чем дело? — спросил Билл.

— Вы нас опозорили. В данную минуту Грин-Бэйсин кишмя кишит шерифами, полицией, приставами, стражниками и чорт его знает чем еще. Газеты...

— Да что я такого сделал?

— Что сделал! Вам приказано было проехать по верхней дороге из конца в конец. Чорт вас знает, куда вы занесли! А тем временем эти двое... Ах, да, вы же еще ничего не знаете. Позапрошлой ночью двое бандитов взорвали железнодорожный туннель на предгорьях Каскадов. Масса убитых и раненых. Колоссальные

убытки. Бандитам удалось бежать, но вчера их видели в Редмонде, и они направлялись в Грин-Бэйсин. Если бы вы были там, куда вам было предписано отправиться, вы бы захватили их. Если бы вы хоть позвонили, мы дали бы вам указания. А теперь из-за вас, осел вы этакий, газеты кричат, что мы не в состоянии уследить за тем, что делается в нашем лесу, что полиция должна выполнять за нас наши обязанности. И это вы...

— Подождите, начальник...

— Что ждать?! Я и так уже двадцать четыре часа жду случая поговорить с вами. Мы теперь можем разговаривать — все равно бандиты уже бог знает где. Гуляют себе на свободе...

Билл фыркнул.

— Ошибаетесь, начальник, — сказал он.

— Что такое?

— Ошибаетесь, — повторил Боган. И, посмеявшись в кулак, прервал соединение.

— Ну, вставай, ребята! — скомандовал он своим пленникам. — Нам итти не близко, а там уже нас заждались.

Хорек подозрительно оглядел объездчика. Кое-что из телефонной истерики начальника донеслось до его ушей. И это кое-что совершенно сбило его с толку.

— Скажи, пожалуйста, — обратился он к Биллу Богану. — Ты что же, не знаешь, кто мы такие, когда встретил нас и собрался задержать?

— Понятия не имел, — ответил Билл. — Только видел, что вы не из порядочных людей. Порядочные люди не разгуливают по моему лесу с горящими папиросами.

— Будь я неладен! За что ж ты нас собирался задержать?

— Я же вам велел посмотреть на плакат. Если бы вы не заартачились, а посмотрели сразу, я взял бы с вас пять долларов штрафа и отпустил на все четыре стороны.

Хорек и верзила, как по команде, повернулись к плакату. На нем значилось большими буквами: **КУРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ**.

— С ума сойти! — простонал верзила.

— То-то, — дружелюбно сказал Боган. — Тут наш лес. Мой и дяди Сэма. Так что, если мы пишем: «Курить воспрещается», значит так оно и есть, и это относится ко всем одинаково.

Толстый верзила беззвучно выругался.

— Ну, в путь! — прикрикнул Боган. — Там, куда я вас веду, накуритеесь вволю.

Перевод с английского В. Калашниковой

Бутылки-путешественницы

Я хочу рассказать не о тех бутылках, которые путешествуют, стоя на столе кают-компании, и не о тех, которые берут на себя роль письмоносцев, неся весть о кораблекрушении.

Я хочу рассказать о бутылках-исследовательницах, о бутылках-разведчицах.

Есть у ученых приборы, о которых знают все, — компас, телескоп.

А есть и скромные труженики, которые незаметно делают свое важное и трудное дело.

Бутылка и с виду-то не похожа на научный прибор. А как много пользы принесла она науке!

Бутылки-исследовательницы целыми флотилиями странствуют по морям. Они обгают материки, пересекают океаны. Тысячами отправляются они в путь, и только сотни их добораются до берегов.

Пароходы движет сила пара. Парусные корабли гонит ветер. А какая сила несет бутылку-корабль по морским просторам?

Каждый видел, как по реке плывут ветки, щепки, бревна. И на море тоже есть свои реки — водяные реки среди водяных бере-

гов. Они несут с собой все, что им удается по пути захватить.

На безлесных, пустынных берегах Новой Земли находят иногда стволы гигантских сибирских кедров. Эти стволы выносятся в Ледовитый океан полноводные сибирские реки. А там их подхватывает морская река — течение — и несет далеко на север.

На Вест-Индских островах растут на деревьях стручки в человеческий рост. Они падают в воду, и морские течения переносят их через Атлантический океан к берегам Европы.

По морским рекам годами скитаются обломки кораблей, потерпевших крушение. Моряки не любят встречать ночью или в туманный день этих выходцев «с того света». Если налететь на такой обломок корабля, недолго пойти ко дну.

Вся ширь океана изоборужена течениями. Попутное течение помогает кораблю итти вперед, а встречное мешает.

Чтобы не сбиться с дороги, капитану все время приходится считаться с тем, что течение относит корабль в сторону от курса. Течения несут с собой невидимый груз — тепло южных стран или холод севера.

И капитанам, ведущим корабли, и ученым, изучающим жизнь океана, нужно знать, откуда и куда идут течения.

Есть карты рек, текущих по суше. Нужны и карты рек, текущих по морю.

И вот тут на помощь моряку приходит его старый друг — бутылка.

В бутылку насыпают песок и кладут записку,

в которой сказано: «Эта бутылка брошена в воду тогда-то с такого-то корабля, столько-то градусов широты и долготы. Нашедшего просит сообщить по такому-то адресу, где и когда бутылка была найдена».

Хорошо закупоренную и засмоленную бутылку бросают с корабля в воду. Бутылка почти не видна. Для того в нее и насыпают песок или привязывают к ней в виде груза вторую бутылку, чтобы только горлышко торчало из воды, чтобы ее несло не ветром, а течением.

И вот бутылка пускается в путь. Из холодных морей, где блуждают ледяные горы, она попадает в теплые, и проходит мимо островов, на которых растут пальмы.

Сколько опасностей подстерегает бутылку в пути! Она может разбиться о камни, может застрять среди водорослей. Ее путешествие продолжается иной раз годы.

Рекорд побил бутылка, которая прошла 20 000 километров — от берегов Патагонии до берегов Новой Зеландии. Она отправилась в путь 16 октября 1900 года, а нашли ее 9 июня 1904 года.

Каждому моряку приходилось видеть карту плавания бутылки. Их пути на карте — это пути течений.

Часто пустая бутылка находит бесславный конец в мусорном ящике или на чердаке, среди старогохлама. Но есть заслуженные бутылки, которые проводят свою старость в Морском музее. Это бутылки-разведчицы, бутылки-путешественницы.

Елена Сегал

СЕРГЕЙ МАРКОВ

В августе 1945 года мощный удар артиллерии, танков и советской пехоты обрушился на железобетонные форты Курильских островов. После упорных боев вся островная гряда была очищена от японцев. На земле острова Сюмусю теперь вырастет величественный памятник — на том месте, где два русских бессмертных героя со связками гранат бросились под японские танки.

Красный флаг реет над Курилами, над темными скалами, окруженными шумными волнами прибоя. От Камчатки до острова Хоккайдо возвышается над морем эта суровая страна. В ней все необычно, все похоже на сказку. Как каменная стрела, устремляется к югу Большая Курильская гряда, длиною свыше 1 200 километров. Правее ее нижнего конца лежит Малая гряда, распавшаяся на несколько мелких островов. Подсчитано, что площадь всех островов равна 15,6 тысячи квадратных километров. Это надо знать.

Еще мало изведена и покорена природа этой интеллигентной страны. Моряки говорят, что иногда им приходилось безошибочно определять положение корабля близ Курил по дикому реву сивучей на островных ложбинах. Замечено, что именно вдоль Большой Курильской гряды летом идут в Берингово и Камчатское моря кашалот и сельдяной кит. Осенью они тем же путем возвращаются в корейские воды. Не менее восемнадцать вулканов гряды выбрасывают до сих пор свои пары. Здесь есть и снежные вершины и темные «горелые» макушки огнедышащих гор. Охотское море излучает также свечение, что мореходу кажется, будто высокие волны пронизаны электрическим огнем. Почти каждый из островов окружен чудовищным венцом из водорос-

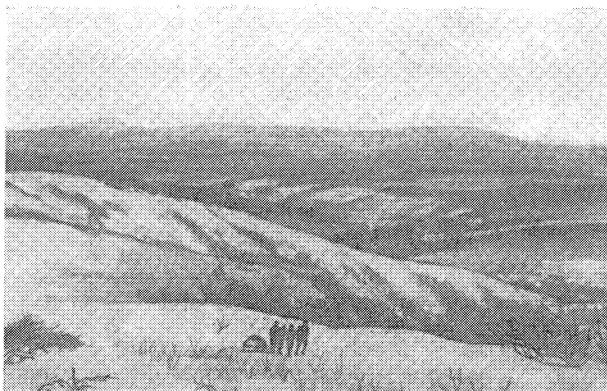
лей. Нет другого места во всем мире, кроме Курил, которое было бы так богато подводными лесами и лугами. Морской туман, свечение волн, колыханье длинных водорослей, серные пары и огонь вулканов, черные базальтовые скалы... Это Курильские острова. Корабли заходят в их бухты, и иногда эти круглые гавани оказываются кратерами потухших вулканов. Каменные осыпи нависают над морем; говорят, что от одного прикосновения крыла птицы в волны свертаются тысячи пудов черного щебня. Прибрежные скалы покрыты птичьими базарами. Водопады стремятся в своих руслах. Пар поднимается над горячими источниками, которых так много в этой вулканической стране.

Серу и золото, железо и жемчуг можно найти на Курилах. Все богатство их еще не открыто. Русская белостыльная береза растет в островных долинах почти рядом с бамбуком. Новгородская незабудка уживается здесь с геранью, душистой розой и гвоздиками. Острова прорезаны светлыми реками; в них водится благородная форель, в устья заходит лосось. Леса южных Курильских островов глухи и дики. Их никто не расчищал. Вряд ли и теперь можно пройти через тайгу острова Эторофу (Итуруп); в конце прошлого века это считалось невыполнимым, так же как преодолеть необозримые заросли бамбука. Японцы, хозяйничавшие на Курилах, не смогли проникнуть внутрь островов. Японские поселения, звероводческие питомники, небольшие заводы стояли на морских побережьях. Только нам теперь по праву дано стать подлинными хозяевами всех богатств Курил. Сера и иод, морская капуста, крабы, жемчуг, морской бобер, котики, нерпы, сивучи, сотни пород промысловых рыб, китовый ус, меха дорогих зверей — вот что дадут нам угрюмые Курилы.

Нам придется все заводить и строить заново. Японцы не думали, например, о земледелии на Курилах, а наши предки еще в 1830—1831 годах получали там хороший урожай овощей. Да и ранее этого времени, в XVIII веке, «сибирский дворянин» Антипин, один из первых исследователей Курил и Северной Японии, не раз сеял на курильской земле сибирскую пшеницу и ячмень. Не одно поколение русских людей жило на Курильских островах. Следы наших предков сохранились там всюду — на Уруппе и Итуруппе, на Сюмусю и Симушире. Разверните морскую карту Курил, раскройте мореходные лоции, и вы увидите там множество русских названий — вершины Креницына и Сарычева, проливы Дианы, Головина, Надежды, вулкан Левашева... Старинные русские люди, первые открыватели Курильских островов, жили в дружбе и согласии с курильскими туземцами — айнами — и уважали их обычаи и язык. Поэтому в русской географии было принято много названий и на айномском языке, относящихся к Курильским островам.

Во время своего «владычества» на Курилах японцы так извратили русские или айнские названия, что их зачастую просто нельзя узнать. Сейчас нам придется вновь восстановить утраченное единство русских названий XIX века.

Остров Этрофу зимой.

Поселок на острове Кунасири.

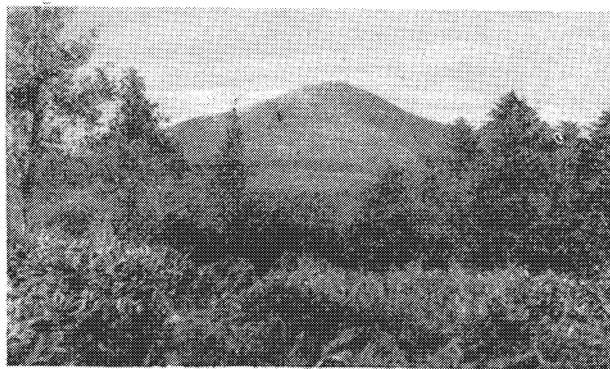
Курильские острова издавна населены крепким, здоровым и миролюбивым народом айнов (айну). Ученые думают, что когда-то они населяли всю Японию, но были вытеснены отсюда японцами на Курилы и Сахалин. Сама история происхождения айнов крайне загадочна. Их обычно не причисляют к какой-либо определенной группе народов. Рослые, бородатые, чем-то похожие на великорусских крестьян, как это подмечали путешественники, айны всегда занимались мирным трудом — охотой и рыбной ловлей. Русский ученый Л. Я. Штернберг, немало потрудившийся над изучением айнов, уже в наше время (1927 г.) поставил на обсуждение мировой науки свою догадку о том, откуда айны пришли на суровые Курилы. Взор ученого устремился в Океанию, а именно — в Новую Зеландию. У новозеландских маори и айнов существуют общие художественные орнаменты; подмечено было также сходство языка айнов с наречиями некоторых племен на островах южных морей.

Судьба курильских айнов воистину страшна. Нет такой клеветы, которую не возвели бы японцы на айнов. Еще в 1887 году в одной из книг, изданных императорским японским университетом о Токио, писалось, что айны «представляют действительно что-то переходное между человеком и зверем», уже тогда утверждалось, что айны являются «низшей расой». Как только японцам удалось захватить Курилы, они начали насильственное переселение айнов в особые деревни, где кучильды жили под строгим надзором японских чиновников. Айнам даже запрещено было отлучаться куда-либо с острова Сикотан, который стал для них тюрьмой. И айны стали вымирать. Раздражение и злоба японцев усиливались из-за того, что айны не забывали русских обычаев, носили русскую одежду. На Сикотане айны свободно разговаривали по-русски. Их имена были: Яков, Лаврентий, Аверьян, Елисей. В конце XIX века японский антрополог И. Когенан не затруднял себя долгими поисками скелетов и черепов айнов — и того и другого было в изобилии. Судьба айнов Курил была тогда в руках японского «Патриотического общества воздаяния справедливости». Оно истребляло айнов. Уничтожение их как народа было завершено к началу XIX века. Но нет ничего удивительного, если сейчас к нашему солдату где-нибудь на Курилах подойдет бородатый айн и радостно заговорит по-русски, называя свою фамилию — Сторожев. Когда-то это была самая распространенная айнская фамилия. Но сколько айнов осталось в живых к нашему времени, на этот вопрос ответить невозможно.

О русских на Курильских островах и Сахалине в XVIII—XIX веках я расскажу читателю в другой раз. Сейчас же стоит сказать, что когда-то на Курилах, кроме айнов и русских, жили русские креолы и алеуты из б. Русской Америки. Все они именно и составляли коренное, исторически сложившееся население Курильских островов. Русский гений вызвал Курилы к жизни; русские люди жили долго на каменистых островах, простиравшихся от берегов Камчатки до северной Япо-

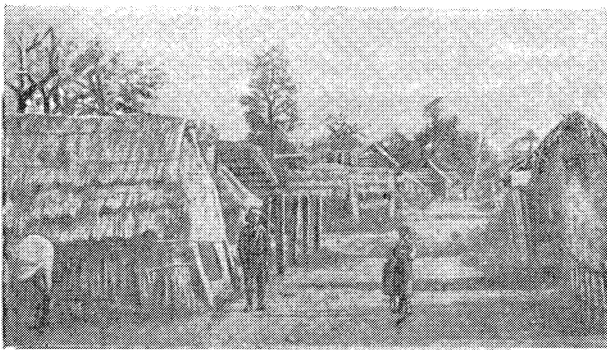
Бухта на Курильских островах.

Вулкан на острове Кунасири.

Бухта на острове Сикотан.

Деревня айнов.

нии. Наши предки изучали и осваивали Курильские острова, жизнь их была полна трудов и доблести. Это они еще в XVIII веке воздвигали огромные кресты, положившие больше на знаки для мореходов, на земле острова Эторофу (Итуруп) — над могилами первых поселенцев из Охотска. Был случай, когда самурай Кондоо Зюузоо Морисигэ, тайно пробравшись на русский Итуруп, сверг эти кресты-маяки и осквернил русские могилы.

Японцы и в последние годы не писали в печати о количестве населения Курильских островов. Полагают, что на островах насчитывалось до десяти тысяч постоянных жителей. Почти все они — японцы. О численности японских гарнизонов на Курильских островах, вероятно, подробно рассказал советским офицерам в августе 1945 года генерал-лейтенант Цуцуми Хусаки. Он командовал группой войск на Курилах, он и подписал акт о

капитуляции. Самураи сдались не сразу. Они цеплялись за каждый клочок лавовой земли, обороняя Курилы. Недаром на гранитных обелисках, расставленных на курильских берегах, можно было прочесть надпись: «Курильские острова — ключи к господству Японии в северных морях, наши ворота на сезер».

Но настал день, когда заговорили советские пушки. Орудия береговой обороны с камчатского мыса Лопатка посылали снаряд за снарядом через бурный пролив, отделяющий Камчатку от Суюмусю (Первого острова). Железный ураган ломал японские форты. Советские войска пошли на штурм Курил. В этих боях наши солдаты совершили удивительные подвиги. Во время атаки на мыс Маячный (Кокутан) морской старшина Николай Милков и военный моряк Петр Ильичев закрыли своими телами бойницы японских осинных гнезд.

Как всегда, японцы прибегали к предательскому обману. Они пообещали сдать к известному сроку морскую базу Катаока, на южном берегу Первого острова. Когда советские корабли показались в виду Катаока, японцы открыли бешеный огонь из береговых орудий. Но ничто не помогло японцам. Скорее над черными базальтовыми скалами развеялись красные знамена и бело-голубые флаги советского военного флота.

Многие видели на своем веку Курильские острова: и долгие годы жизни наших русских поселенцев и ярым случайного японского «владычества» на Курилах. Умолк гром сражений. Суровое море похоронило в своих святающихся глубинах тела токийских «завоевателей». Мы снова пришли на Курильские острова, которые отныне стали вновь нашим нерушимым оплотом на севере Тихого океана. А свинцовый ливень навеки стер кирпичные надписи на непрочных, хоть и гранитных обелисках «великой» Японии.

ЛЯГУШКИ НА РЫНКЕ

Уже в течение многих столетий задние ножки лягушки *Rana esculenta* считаются у народов Старого Света тонким деликатесом. Различные подвиды этой лягушки водятся

по всей Европе, в восточной Азии и в Северной Африке.

В Соединенных Штатах Америки одна из самых крупных разновидностей съедобной лягушки — лягушка-вол (*Rana catesbeiana*) — регулярно ловится для продажи на рынке. Вес такой лягушки нередко превышает полтора килограмма.

Примерно в пятнадцати штатах США, особенно в Луизиане, существуют профессиональные охотники за лягушками. На легких берестяных лодочках, свободно скользящих по мелководью и ползатоппленным болотам, вооруженные специаль-

ным шестом, они ловят живую лягушку. Шест снабжен особым спусковым механизмом. Аппарат прижимает лягушку к земле, но не убивает ее. Живые лягушки поставляются в лучшие рестораны и гастрономические магазины Америки.

Неоднократно предпринимались попытки устроить специальные лягушечьи фермы. Оказалось, однако, что взрослых лягушек можно кормить только живой пищей, а это невыгодно.

ПОЧЕМУ ВЕЧЕРОМ СОЛНЦЕ ГРЕЕТ СЛАБЕЕ?

Каждый из нас замечал, что вечером солнце греет слабее. Почему?

Нередко можно услышать следующие объяснения:

1) При приближении солнца к

горизонту оно от нас удаляется, а при удалении греет слабее.

Это верно, но относительное увеличение этого расстояния, в сравнении с расстоянием до солнца, настолько мало, что разность температур ощутить невозможно.

2) Когда солнце приближается к горизонту, лучи падают на землю под острым углом, а потому греют они слабее.

Это тоже верно, но истинной причиной этот факт все же не объясняется. Если, например, подставить под лучи заходящего солнца ладонь, а потом повернуть ее перпендикулярно лучам, то разницу температур почувствовать можно, но эта разность будет невелика.

Так почему же вечером солнце греет слабее?

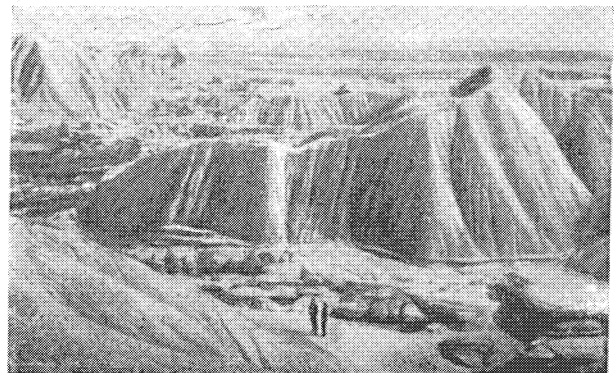
Лучи солнца, прежде чем достигнуть поверхности земли, должны пройти слой атмосферы. В полдень солнце стоит высоко, а потому лучи прорезают самый тонкий слой воздуха. Далее прорезаемый слой увеличивается и достигает максимума при заходе солнца (слой увеличивается в 2—4 раза).

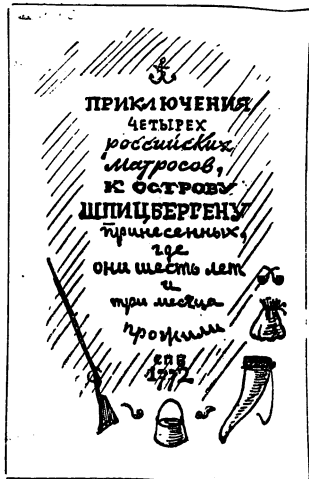
Так как воздух — плохой проводник тепла, то с увеличением воздушного слоя температура прорезающих его лучей падает; при заходе солнца она близка к температуре слоя воздуха, прикасающегося к поверхности земли.

ПАРК В ТОАТСТУЛЕ

Причудливое зрелище представляет собой дно давно забытого моря, где расположен сейчас парк Тоатстул (близ

Крауфорда в Соединенных Штатах Америки). Еще и сейчас здесь можно найти остатки доисторических животных.

Эта старинная книга рассказывает следующую любопытнейшую историю.

В 1763 году промысловое судно пришло к острову Шпицбергену. Шесть матросов со шкипером Алексеем Синковым высадились на берег, для того чтобы приготовить место для высадки всей команды. Когда они вернулись на берег, то своего шитика не нашли.

Корабль их был унесен в море и раздавлен льдами.

Люди погибли.

На берегу Шпицбергена остались шестеро человек. При них было: одно ружье, рожок с порохом на двенадцать зарядов, один топор, полпуда муки, четыре трубки, немного табаку, огниво и один котелок.

Шкипер определил место вынужденной зимовки и принял на себя командование. Из плавника развели огонь. Нашли доску с клюком. На камнях выкопали гарпуны. Начали собирать травы, для того чтобы не заболеть скорбутом — цингой.

Шкипер велел всем много гулять, много работать. Все слушались его, кроме Федора Веригина, погибшего в результате от цинги.

Построили дом, сделали ловушки, бились с медведями гарпунами. В ловушках находили песцов и лисич.

Через шесть лет наших матросов подобрало другое промысловое судно. У команды было десять медвежьих шкур и без числа шкур песцов и лисич.

Одета была команда в звериные шкуры, шитые жильными нитками. А шили матросы иголками, сделанными из рыбьих костей.

Жена Алексея Синкова ждала его в Архангельске на причале шесть лет, выходя к прибытию любого корабля.

Увидавши мужа на борту промыслового судна, она узнала его, несмотря на меховую одежду, упала в воду, но была спасена.

Матросы были вызваны на доклад к губернатору Шувалову; были осмотрены вещи, которые они с собой привезли.

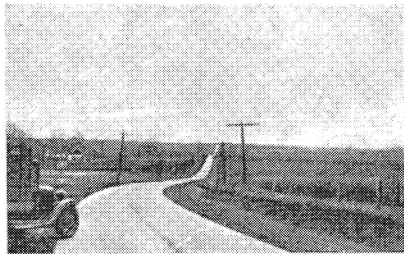
Рассматривали резную шкатулку, сделанную из кости. В ней хранились костяные иглы.

Немцы, здесь случившиеся, говорили, что такую вещь сделать без станка нельзя. Вызвали наших искусных токарей, и они распознали, что вещь эта вырезана ножом.

Синков после этого еще жил долго, ходил на промысел и только не употреблял хлеба, по шестилетней привычке, заменяя его сушеным мясом.

Стоило бы эту книгу переиздать так, как она была записана со слов Алексея Синкова.

★

„Одноэтажная Америка“

В издательстве «Молодая гвардия» выходит книга И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка».

Много лет прошло с тех пор, как увидели И. Ильф и Е. Петров с борта парохода «Нормандия», как прямо из воды океана, как столбы, поднимаются американские небоскребы.

Почему же мы опять радуемся появлению книги?

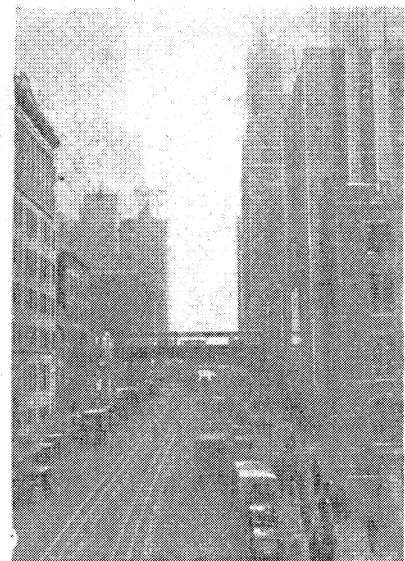
Потому что она не устарела.

И. Ильф и Е. Петров правильно увидели Америку, представление о которой до сих пор мы обязательно связывали с нью-йоркскими очень высокими и очень неудобными небоскребами.

И. Ильф и Е. Петров правильно увидели и американцев. Сейчас, когда для миллиона американцев не хватает жилья, им не хватает именно небольших жилых зданий. Эти люди с горечью говорят о прославленном американском «просперити».

Книга не забудется и останется одной из лучших русских книг о путешествиях.

Бежит маленький фордик наших зорких путешественников по аме-

Иллюстрации из книги „Одноэтажная Америка“.

риканской дороге, мимо одинаковых гостиниц, мимо ритмически встречающихся автомобильных бензинонаборных колонок, которые кончат стробы дорог, и начинают следующую стробу.

Изменяется климат, небо меняется над головой, меняются люди, а «стандартный» американский быт неизменен.

Недавно американские инженеры, которые занимаются строительством и эксплуатацией дорог, заинтересовались вопросом: куда едет средний американец?

Оказалось, что американский автомобиль ездит около своего дома, так километров семьдесят в день.

Не тысячами и даже не сотнями километров с юга на север и с запада на восток, а на небольшом ограниченном пространстве ездит американский автомобиль.

Тем не менее дороги нужны, и дороги открыты, автомобили бегут, но невидимыми нитями связаны американцы, приклеплены к своим одноэтажным домам.

Великая и сграниченная Америка показана в книге И. Ильфа и Е. Петрова. Мы любим Америку и хотим ее знать.

Для того чтобы знать Америку, ее машины, ее города, ее мосты, леса, американцев, индейцев, безропотно вымирающих среди скал, которые уже стоят над ними, как природой поставленные памятники; для того чтобы узнать, что за люди негры; для того чтобы знать, что они дали Америке, как получила от них Америка песню, и знать, что говорит Америка о них, — читайте книгу «Одноэтажная Америка».

Это спокойная, правдивая книга, полная иногда невеселой иронии. Это очень честная книга, очень хорошая книга.

В. Шкловский

Н. Н. Михайлов
Моя страна 2

А. Липатов
На Всемирной конференции молодежи.—Фото И. Шагина 11

Н. Тихонов
Шваб (рассказ).—Рис. П. Шараченцова 15
Н. Богданов
В побежденной Японии
Фото Н. Петрова 22

М. Пришвин
Дружба (рассказ).—Рис. В. Константинова 32

К. Бадигин
Портленд—Сан-Франциско (из записок капитана дальнего плавания) 35

А. Казанцев
Взрыв (рассказ-гипотеза).—Рис. В. Лодыгина 39

Р. Фраерман и П. Зайкин
Жизнь и необыкновенные приключения капитана-лейтенанта Головина, путешественника и мореходца (морская повесть).—Рис. Н. Витинга 47

Ч. Александер
Курить воспрещается. (Перевод с английского Е. Калашниковой).—Рис. К. Вадимова 56

С. Марков
Курильские острова 60

В. Шкловский
В мире книг 63

Обложка гравирована на дереве А. Павловым по рисунку П. Суворова. В рамке — акварель К. Арцеулова «Самолет над столицей».

На титульном листе — фототюб профессора В. Зенковича.

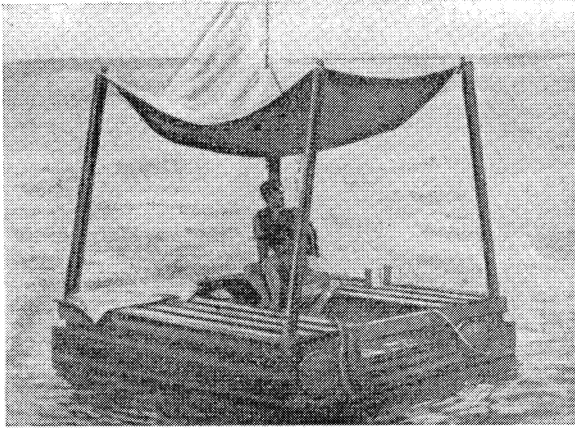
На 4-й стр. обл. — рисунок Н. Кузьмина.

На цветных вкладках:
1. «Кремль» — гравюра на линолеуме И. А. Соколова.
2. «Зима в Самарканде» — картина народного художника РСФСР С. В. Герасимова.

★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Адрес редакции:
Москва, Новая пл., 6.
Тел. К 5-24-71.

★
Неприятные рукописи не возвращаются.

**ОДИН 133 ДНЯ
В ОКЕАНЕ**

Пун-Лим служил стюардом на английском пароходе «Банломонд». На пути из Калштадта в Южную Америку пароход был торпедирован вражеской подводной лодкой. Пун-Лим находился у себя в каюте, когда взорвалась первая торпеда. Это случилось в полдень в ясную, хорошую погоду. Едва он, выскочив на палубу, схватил спасательный пояс, как взорвалась вторая торпеда, и пароход пошел ко дну.

Пун-Лиму казалось, что прошла вечность, прежде чем спасательный пояс вынес его на поверхность. Проплыв около часа, он увидел вдалеке никем не занятый спасательный плот. Когда он добрался до плота, никого из его спутников уже не было видно на поверхности океана. Изнеможенный от усталости, Пун-Лим сейчас же заснул.

На плоту был запас воды и провианта на 50 дней, а единственным «инструментом» оказался ключ от бака с водой. Из ключа Пун-Лим сделал себе нож и, боясь потерять, носил его на шее на веревке. Кроме рубашки и пиджака, у Пун-Лима никакой одежды не было. Брюки он сделал из найденного на плоту мешка. Брезент, укрепленный на четырех подпорках, служил ему для защиты от солнца и для собирания дождевой воды. На самой высокой подпорке он повесил желтый флаг — сигнал бедствия. По вечерам на этом навесе отдыхали птицы. Двигаясь бесшумно, как змея, Пун-Лим подбирался к птицам и молниеносно хватал их за ноги. Птичье мясо он сушил на солнце.

Из гвоздя Пун-Лим сделал рыболовный крючок. Сначала он расщепил гвоздь ножом, а потом вытащил его зубами.

На таком крючке насадка не держалась. Тогда из пружинки карманного электрического фонаря он сделал маленький рыболовный крючок. Пойманную на него мелкую рыбешку он насаживал в качестве живца на большой крючок. Это позволило ему иметь неограничен-

ный запас свежей и сушеной рыбы.

Вскоре Пун-Лим увидел пароход. Приняв плот за приманку, поставленную подводной лодкой, пароход ушел в сторону...

На сотый день пребывания Пун-Лима на плоту его заметила шестерка самолетов, но сильное волнение помешало им подобрать Пун-Лима.

Ему пришлось пробыть еще 33 дня одному в океане, прежде чем его взяла на борт бразильская рыбацкая лодка. Находчивость и самообладание спасли его от верной гибели.

„ДЕД“

Река Енисей прорезает на своем течении огромную толщу сланцов (бескварцевых гранитов). Совместным действием выветривания, выдувания и размыва дождевыми и снеговыми водами отвесные берега реки разбиты на отдельные стоящие утесы — «столбы», своеобразно обработанные силами природы. Наиболее высокий

столб поднимается над рекой на 592 метра. В районе города Красноярска находится своеобразный «столб», получивший у

местного населения картинное название «Дед».

Район красноярских столбов, площадью почти в 4 тысячи гектаров, объявлен государственным заповедником. Бывалые туристы считают этот заповедник одним из живописнейших уголков нашей страны.

„ОРЕЛ“

На южном побережье Крыма резко выделяется по своему геологическому строению его восточная оконечность, сложенная вулканическими горными породами. Вулканические изменения (лавы) и туфы, лежащие здесь бесформенными массивами, резко отличны от слоистых морских осадков — таврических глинистых сланцев и юрских закарстованных известняков, образующих обрывы к морю, и скалы Яйлы, Ай-Петри и Чатырдага — более западных частей побережья. Хаосы обвалов представляют нагроможденные глыбы нередко гигантских размеров и оригинальных очертаний. Большой известностью

пользуется громадный «Орел», примостившийся у самого взморья и как бы высматривающий в открытом море свою добычу.

**ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ
ПРИ ДНЕВНОМ
СВЕТЕ**

Можно ли облететь земной шар в короткое время с восхода до захода солнца?

Самый длинный день по параллели Москвы бывает 21—23 июня; продолжается он 17 часов 34 минуты.

Если с восходом солнца самолет вылетит из Москвы на запад, то для того, чтобы он, облетев земной шар, прилетел в Москву к заходу солнца, необходимо затратить 24 часа + 17 часов 34 минуты, то есть 41 час 34 минуты.

Длина параллели Москвы — 22 400 километров. Следовательно, средняя скорость самолета при беспосадочном его полете будет 540 километров.

Если необходимо трехчасовое приземление для набора горючего, то скорость должна составить 580 км/час.

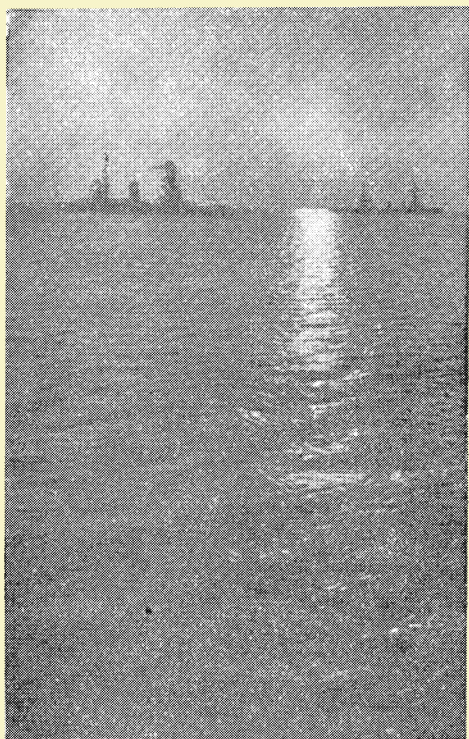
Как видим, кругосветный полет при солнечном освещении вполне возможен.

Редакционная коллегия: И. А. Ефремов, И. В. Иноземцев (отв. редактор), А. П. Назанцев, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Техред И. Соленин.

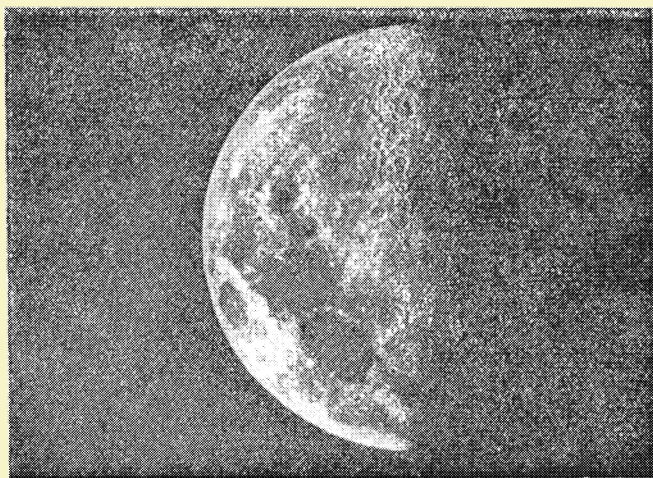
Подписано к печати 15/II 1946 г. А00432. Бумага 62×94 см 1/8. 8-печ. листов по 63 тыс. зн. Тираж 50.000 экз. Цена 6 руб. Заказ 3107
Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.

Можете ли вы сказать...

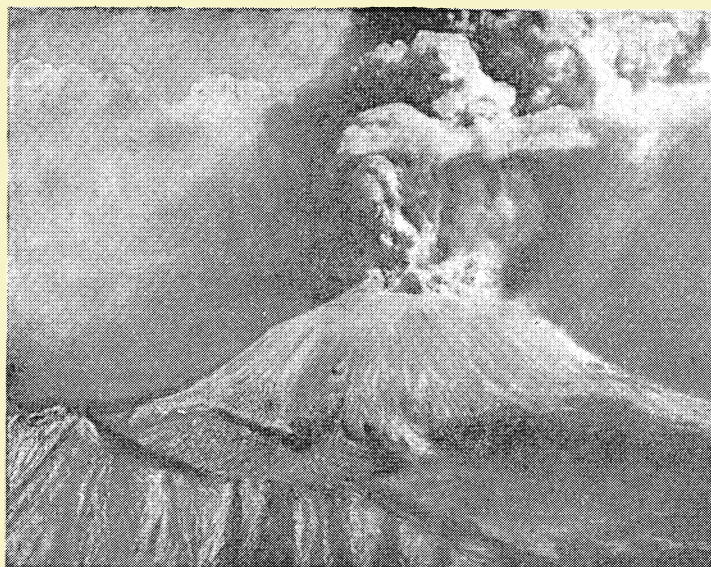
Вл. Якубович

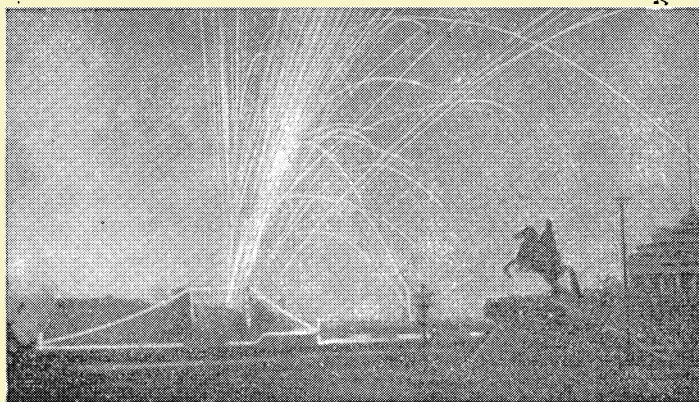
1. Черное море. Больше оно или меньше Белого?

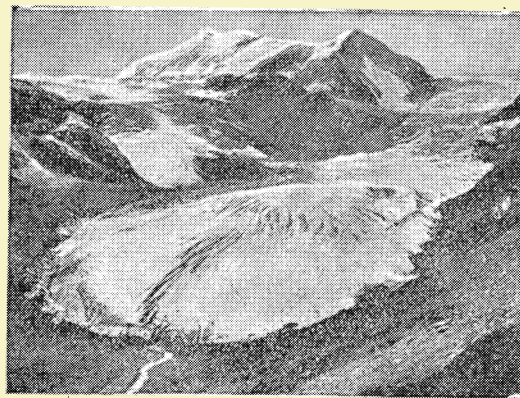
2. Поперечник луны равен 3480 километрам. Какая река СССР имеет в длину почти столько же километров?

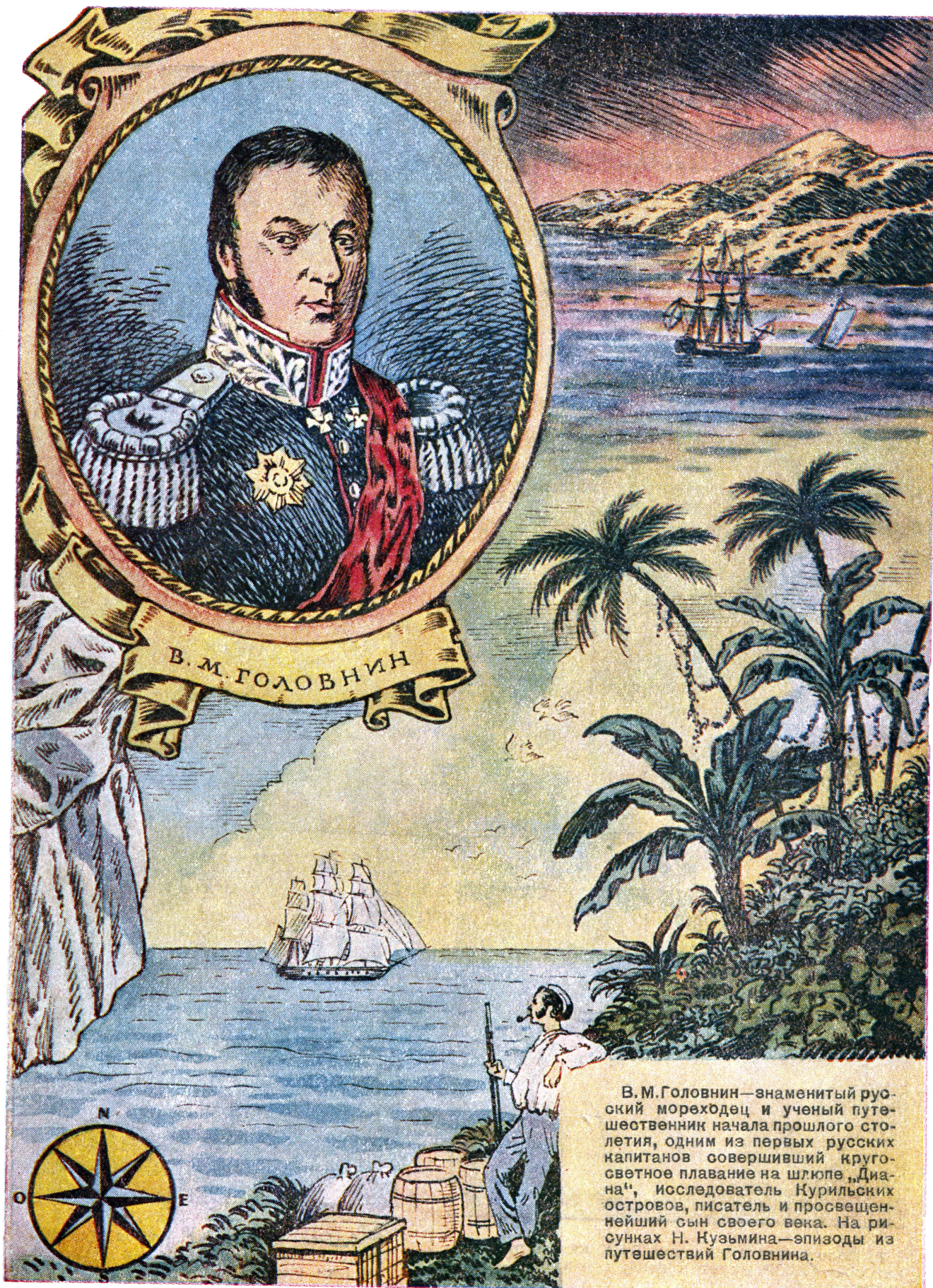
3. Это Везувий — действующий вулкан в Европе. А какой самый большой действующий вулкан в СССР?

4. Ленинград — порт на Балтийском море. Какой важный порт СССР находится на Японском море? А на Желтом море?

5. Это один из ледников Европы. В СССР находится самый большой ледник мира. Как он называется?

В. М. Головнин — знаменитый русский мореходец и ученый путешественник начала прошлого столетия, одним из первых русских капитанов совершивший кругосветное плавание на шлюпе „Диана“, исследователь Курильских островов, писатель и просвещеннейший сын своего века. На рисунках Н. Кузьмина — эпизоды из путешествий Головнина.